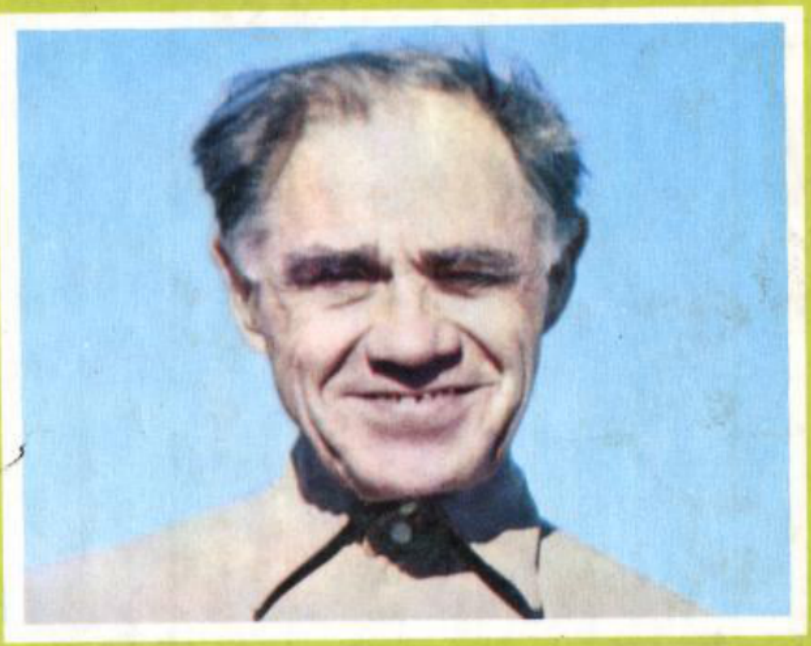
ЛЮДИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ



Он вырастил немало хлеба, служению земле и народу посвятил свою жизнь...

Л. В. ГЛАДЫШЕВА

НИВА ЖИЗНИ ТЕРЕНТИЯ МАЛЬЦЕВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Художественно-документальная повесть о дважды Герое Социалистического Труда, делегате семи партийных съездов, депутате Верховного Совета РСФСР, почетном академике ВАСХНИЛ, лауреате Государственной премии СССР колхозном полеводе Терентии Семеновиче Мальцеве, несомненно, затронет сердце каждого, кто ее прочитает.

Книга адресована широкому кругу читателей.

- Нива жизни Терентия Мальцева
  -
  - ОТ АВТОРА
  - ТЕРЕНТИЙ — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН
  - СЕМЕНА НОВОЙ ЖИЗНИ
  - ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА
  - ПУТЬ В НАУКУ
  - СТРАНИЦА ЦЕЛИННОЙ ЭПОПЕИ
  - СЛОВО К МОЛОДОМУ ДРУГУ
  - ЛЮДЯМ
  - БЫТЬ НА ЗЕМЛЕ ХОЗЯИНОМ
  - НАУКА ДОСТОЙНО ЖИТЬ
  - ЗА ТРЕЗВОСТЬ ВСЕМ МИРОМ
  - ВСЕ ОТДАЕТСЯ ЛЮДЯМ
  - ФОТОГРАФИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Нива жизни Терентия Мальцева

ЛЮДИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

Л. В. ГЛАДЫШЕВА

НИВА ЖИЗНИ ТЕРЕНТИЯ МАЛЬЦЕВА

Москва
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1986

ОТ АВТОРА

В прекрасной домашней библиотеке Терентия Семеновича Мальцева среди редких изданий есть книга английского доктора медицины Говарда П. Киннарда «Русский крестьянин». На титульном листе значится: «С.-Петербург, 1908 г.».

Автор, достаточно наблюдавший жизнь и быт крестьянства России, с горечью спрашивает:

> «Но когда же крестьяне окажутся способными… принять участие в обсуждении дел своей страны и широко воспользоваться образованием, просвещением, всем, что ведет к умственному прогрессу?»

Не найдя ответа, он цитирует анонимного французского автора «Секретных мемуаров двора Екатерины II»:

> «Если, как это полагают некоторые, французской революции суждено распространиться по всему земному шару, то, наверное, можно сказать, что в Россию она проникнет позднее, чем во все другие страны…»
>
> «Знаменательные слова, сказанные ровно сто лет тому назад, — замечает Говард Киннард. — К чему же приводит сравнение этих, высказанных сто лет тому назад, утверждений с настоящим положением? Одно достоверно, что массы, т. е. громадное большинство русских крестьян, совершенно не способны взять на себя какую-нибудь ответственность, связанную с управлением страной. Их еще нужно образовать, превратить их в обыкновенных интеллигентных людей, привить им понятие о человеческом достоинстве».

…Просторный деревенский дом в селе Мальцево Шадринского района Курганской области. Тихо в комнате. За письменным столом склонился над бумагами человек. Ему девяносто лет. В тринадцать лет он уже помогал отцу справлять крестьянскую работу. Значит, и о нем писано в «Русском крестьянине»…

Великий Октябрь, Советская власть, колхозный строй дали возможность в полной мере раскрыться таланту земледельца, ученого, государственного человека. И в канун шестидесятилетия нашей революции в колхозе «Заветы Ленина» состоялось торжественное открытие бронзового бюста дважды Героя

Социалистического Труда, делегата семи партийных съездов, депутата Верховного Совета РСФСР, почетного академика ВАСХНИЛ, лауреата Государственной премии, колхозного полевода Терентия Семеновича Мальцева.

В те несколько минут жаркого июньского утра, когда он шел от своего дома к площади через живой коридор рукоплещущих ему дорогих и близких людей, он повторил снова весь свой жизненный путь. Он шел по земле, политой соленым потом отца, деда и прадеда, по земле, на которой родила его мать. На этой земле он вырастил немало хлеба, служению ей и народу посвятил свою жизнь. И от волнения не находил слов, чтобы выразить благодарность партии и правительству, колхозникам за помощь и поддержку, за пережитые вместе трудности и за счастье видеть благодатные результаты поисков и труда. И когда разнеслись по площади торжественные звуки Гимна Советского Союза и с бронзового бюста упало белое полотнище, он провел ладонью по влажным глазам и низко, в пояс, поклонился собравшемуся народу.

ТЕРЕНТИЙ — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН

Первое воспоминание о детстве — мать. Она лежит на лавке в переднем углу и манит его к себе. Голос у матери слабый, жалостливый. Тереше два года и десять месяцев, он не понимает, почему у матери влажные и соленые ладони! Мальчик прячет в них свое лицо и затихает. Он ждет: сейчас войдет в избу отец и мать сразу засмеется и встанет. Но отец не идет и не идет с поля: хлеб поспел, вся деревня жнет. Избу заволакивают густые сиреневые сумерки. Мать что-то шепчет и прижимает его к груди…

У бабушки Анастасии Федотовны, матери отца Тереши, было три сына. Старший, Максим, остался после смерти мужа, Абрама Васильевича, десяти годков, Семену минуло пять, а Иван народился, когда семья уже осталась без кормильца.

— Сколь ни горюй, а хозяйство правь, — вздохнула тяжко вдова, и после этих слов никто не слышал от нее ни жалоб, ни стонов. Мужики в поле, и она в поле. Пашет, боронит, косит. Женщины с серпами выходят — она поперед всех на своей полосе. И дольше всех не гаснет лучина зимними вечерами в окнах вдовьей избушки: то полотно ткет, то на кроснах половики выкладывает, узор к узору. Подрастают сыновья, ладные, справные. Довольны старики в общине:

— Ребята у Федотовны труда не гнушаются, от веры не отходят и бога не гневят.

Федотовна же будто клятву дала остаться вдовой, не дать сынов в обиду чужаку: ни с чем покидали ее избу сваты.

Сыновья тем временем в силу входили. Максим в поле за хозяина управлялся. А случалось на кулачки подраться — один в кругу оставался, соперники не выдерживали боя. Без усилий приподымал он телегу, груженную снопами, и переставлял из колеи в колею. Дивились в селе богатырству его. Семен хотя и уступал старшему брату, но тоже был десятка не робкого, и силушкой природа не обделила. А нрав дала крутой. Быстро серчал Семен, от обиды в лице менялся, не разговаривал по нескольку дней. Потом отходил и зла не держал. Сосед-богатей Никифор Мальцев, нанимавший Семена с подростков в батраки, относился к нему уважительно.

Трескучие зимы сменялись голубыми веснами, короткое лето уступало осени, и не заметила вдова, как все невеликое хозяйство взяли в руки Максим, Семен и меньшой Иван. Только березовый колок их, где пашня и покос, так и остался «Федотовым».

Максима, как главу семьи, в армию не взяли. Но в тысяча

восемьсот семьдесят седьмом году пришел черед служить Семену, исполнился ему тогда двадцать один год. Служба выпала нелегкая — в Туркестанском краю. Вдоль Тобола, потом вверх по Иртышу, а от Семипалатинска до Ташкента сухими степями, безводными пустынями вели пешком новобранцев. Видел Семен тучные стада баев и худые кибитки пастухов, прекрасные сады и голодных, в лохмотьях детей. Доброе его сердце заходилось от жалости: видно, и в теплой благодати хорошо живется только богатым.

Через восемь долгих лет вернулся в родительский дом артиллерист-бомбардир Семен Абрамович Мальцев и не застал в живых старшего брата. Умер Максим в одночасье от неведомой болезни, оставив жену с двумя малыми детьми. Все в одной избе по разным углам: постаревшая, будто осевшая вместе с бревенчатыми стенами мать, вдова Максима с сиротами, Иван с молодой женой. За старшего в большой семье стал Семен. В тот же год и женился. Друг по военной службе Дорофей привез себе невесту издалека, за сорок верст, из села Барабы. Приглянулась Семену подружка Дорофеевой невесты — Васса. Высокая, статная, чернобровая, с васильковыми глазами, кроткого и доброго нраву. Из бедной семьи была Васса и не побоялась войти в такой же бедный дом.

Привольно раскинулась родная деревня по-над берегом речки Большой Канаш, огородами — к воде и к проселочной дороге, окнами — в широкие улицы. Избы — пятистенники, крестовые… У богатых старообрядцев дома построены «по-долгому» — все под одной крышей: и жилье, и конюшни, и амбары. В деревне триста дворов и чуть ли не каждый хозяин с хозяйкой да детьми чем-нибудь, кроме хлебопашества, занимаются: кожевенным или шубным делом, тканьем, маслоделием, пимокатным промыслом. Выпаханы земли, хлеба дают лишь на прокорм. Вот и не разгибают спин над ткацкими станками бабы, задыхаются в ядовитом чаду красилен мужики. Невелик доход, а все же деньги…

Истосковались у Семена руки по крестьянской работе, надеялся сообща с Иваном направить хозяйство, хоть маломальски выбраться из нужды. Да вздумал Иван отделиться, жить своей семьей, и осталась у Семена после раздела одна лошадь. Случился в ту весну тысяча восемьсот девяносто первого года в Мальцево большой пожар, много домов погорело. И у Семена сгорела изба и все, что было на худеньком подворье. Молча собрал он обгоревшие горшки, чугунки, горсть старых гвоздей, посмотрел на женщин:

— Будет голосить-то! Жить все одно надо, избу рубить будем.

Придавила нужда, еле-еле поставили плохонькую избенку. Жили надеждой на урожай, все чаще смотрели на небо: не появится ли дождевая туча. Молились, просили бога. Но дождей в то лето не выпало, чахлые посевы выжгло зноем. Ни хлеба, ни корма скоту. Пала единственная лошадь. В безнадежности хватался Семен за любую работу: батрачил, дрова рубил по найму, землю копал — только бы спасти семью от голода. Работник один, а ртов много. И братовы малолетки, и свои дети пошли. Сначала дочь, потом два сына родились друг за другом. И умирали так же.

Четвертого, в холодный предзимник, родила Васса сына. По обычаю старообрядцев, нарекли его на восьмой день по святцам Терентием, а через месяц крестили.

— Выживи, мой единственный, кровиночка моя, — шептала ослабевшая, исхудавшая Васса, — весна скоро, дотянем, а там и поправимся…

— Ну, мужик, становись на ноги, — шумел радостно Семен, входя в избу, — пахать, сеять пора!

— Будя те, будя те, Семушка, — пугалась Васса и бросалась к зыбке.

После нескольких голодных лет одарила земля обильным урожаем. Буйно цвели травы, в лазоревой вышине заливались жаворонки, духмяные запахи созревающего лета окутывали по вечерам село. Заскребая последние крохи, мешая их с лебедой, пекли тяжелые хлебы:

— Теперь уж дотянем до новины.

Ликовал Семен, когда шел полем, а чем ближе придвигалась деревня, мрачнел: чувствовал — не подняться жене, не жать серпом золотые колосья. И Васса чуяла, обхватывала мужа жаркими руками, тяжело дышала:

— Сбереги Терешу, Сема. Не будет у него скоро мамки, не пообидь, Семушка!

Уродился в то лето хлеб, а Вассу схоронили. Топал по избе Тереша быстрыми ножонками, искал, звал мать, но лавка, на которой она лежала, пугала немотой.

Зимой, когда играли в селе свадьбы, женился во второй раз Семен. Было ему сорок два года, а молодой — двадцать. Славная девушка, да припадала на одну ногу, и парни хоть и жалели хроменькую, а в невесты не избирали. Потому и пошла за вдовца — мужика степенного и серьезного. Семен же надеялся найти в молодой жене ласковую, добрую мать для осиротевшего Тереши.

За свадебным столом сидела Анна Степановна в зеленом шелковом платке, нарядном сарафане. Тереша лежал на полатях,

слушал грустные песни, которые пели девушки-подружки, и все смотрел на зеленый шелковый платок невесты. Платок то расплывался по избе прозрачным маревом, то вспыхивал изумрудом в неярком свете холодного январского дня.

— Вот мамка твоя, Тереша, — подвела к молодой внучонка бабушка Анастасия Федотовна.

Анна Степановна улыбнулась:

— Хочешь, так и зови мамкой.

— Батюшки-светы, — захлопотала другая бабушка, мать новой мамки, Наталья Яковлевна, — сморился мальчонка, спать глазки просятся! — Она взяла его на руки и понесла на полати, где было тепло от жарко натопленной печи. Девятнадцать детей родила русская крестьянка Наталья Яковлевна, и только трое из них в живых остались. От горя, от непосильной крестьянской доли раньше лет своих состарилась. Названого внучонка жалела, миловала, и он отвечал ей такой же нежной привязанностью и любовью. Мачеха тоже оказалась женщиной доброй, своих детей у нее не народилось, и полюбила она пасынка всем не познавшим материнства сердцем.

И только изредка наплывал, будто из тумана, образ родной матери. Мальчик затихал, забивался куда-нибудь в дальний уголок, а дождавшись отца, теребил за бороду:

— Тять, а тять, расскажи, какая мамка была!

В такие минуты Семен терялся, молча подводил сына к осколку зеркальца, говорил:

— Вот смотри на себя и мать увидишь.

Тереша смотрел долго-долго, но видел лишь свои васильковые глаза, черные брови, черные волосы. Отец подходил неслышно, обнимал его, и так они стояли вместе, взрослый и маленький, с одинаково большой тоской по прошедшему и утраченному навсегда.

Жили в большой нужде: одна лошадь, земли только два надела. По три с половиной десятины на душу. Доброй землицы только третья часть, остальная — средняя и совсем утлая. Двадцать лет, как не было передела. У которых семей и одного надела даже нет. Соберутся общиной на сход, спорят, кричат, а договориться не могут. На передел надо согласие всех. А у кого много земли, разве отдадут подобру? Только самые совестливые промеж себя решают поделиться с безземельными. И ладно еще, у кого сыновья рождаются, а как девки одни, на которых земли вообще не положено?

Редки радости. Одно счастье, что смышленым и ласковым растет Тереша. Мачеха, бабушка, тетка Варвара души в нем не чают, а уж про отца и говорить нечего. Больше пожара, пуще

неурожая боится он болезней. Молится богу страстно, да все равно не обходят горести и напасти. То оспа, пока не переберет всех деревенских ребятишек, не успокоится, то тиф, прозванный «огневым», из избы в избу кидается. И в первую очередь к тем, где мясо на столе лишь по престольным праздникам, а сахар на зубок и того реже, где одежонка плохонькая, а денег на доктора да на лекарства вовсе нет.

…Мечется в жару Тереша, не узнает ни тятьку, ни мамку, ни любимых бабушек.

— Не уберег сыночка единственного, не уберег, Васса Михайловна, — покаянно шепчет под образами Семен. Просит, умоляет всевышнего спасти и сохранить дитя малое. Только все хуже мальчонке, то мечется, будто в пламени, то в забытье впадает. Собрал Семен оставленные на самый черный день деньги и привез из Шадринска фельдшера.

— Кризис, — сочувственно покачал головой фельдшер и пояснил: — Вынесет сегодняшнюю ночь, жить будет, — и беспомощно развел руками.

— Чаю, снова родился сынок, — шутит утром повеселевший Семен и гладит Терешу шершавой ладонью.

Долгими зимними вечерами мастерит он сыну немудреные игрушки из палочек, щепы: деревянный сабанчик, грабельки, борону. Не успеют просохнуть пригорки в закоулках, а Тереша со сверстниками уже рыхлит сабанчиком землю, разравнивает грабельками, старательно укладывает в ямки-гнездышки настоящие пшеничные зернышки.

— Учись, учись, — радуется Семен детским забавам сына, — прирастать тебе к земле-матушке, нам без земли никуда.

Но радость сменяется беспокойством: рядом с бороздкой, проложенной на «пашне», видит он накарябанные хворостинкой буквы. Поначалу, как заметил непонятные знаки на щелистых дверях амбара, на нерасколотых березовых чурбанах, испугался, принял за таинство какое-то, сам не свой ходил. И вот те на! Терешкины проделки!

— Тять, в школу хочу!

— Чего там, в школе-то, — хмурится отец. — Поп не нашей веры, православный. И зачем мужику грамота? Неграмотный-то будешь крепче за рогаль[1] держаться!

Боится Семен: познает Тереша читать, писать, потянется дальше учиться и бросит землю. А у него больше нет наследников, кому достанется кормилица, кто на старости лет кусок хлеба подаст? Сам ни чтению, ни письму не обучен. Одно слово из всех умеет писать: «куржак». Как закуржавеют зимой от мороза деревья, он и пишет это слово на листке, что в святцах

лежит, — погоду примечает. Пока выводит цифры да буквы, лоб взмокнет.

— Тятя, как называется буковка? А эта как? — не дает Тереша покоя. То конфетную бумажку подберет, то от вывески в торговом ряду оторваться не может. Чуть недоглядели дома — углем на стене буквы написаны, ими же печка разрисована. Мачеха тряпку со скребком из рук не выпускает: коли хозяин сердится, лучше поскорее стереть. Да разве уследишь? На ту беду приглянулся Тереше забор богатея Крохалева, что неподалеку от их избы. Беленькие струганые дощечки так и манят, притягивают: напиши, напиши. За этим занятием и застал его Крохалев, оттаскал мальчишку за волосы.

Горько плакал Тереша обидными слезами. Понял Семен, что надо что-то делать, и отвел парня в молитвенный дом, где собирались старообрядцы. Приглянулся «старикам» — руководителям общины — шустрый мальчонка: читает, пишет ладно, голос звонкий, чистый. Доверили Тереше псалтырь читать.

— Начетчиком паря будет, — довольно поговаривают старики.

И только Тимофей Логинович усмехается в широкую бороду:

— Не надейтесь, не получится из него начетчика. Поглядите, как читает. С первых листов норовит поскорее внутрь заглянуть, что дальше написано. Любопытствует. А как в полный толк войдет, на чистую веру ничего не примет, дознаваться будет, что да как.

Как в воду глядел Тимофей. Все неинтереснее становилось Тереше читать псалмы. Переворачивал самим же писанные от руки четкой круглой вязью листы, а думал о другом — как бы не обнаружили спрятанную в тряпицах на печи географию.

Школьный учитель Ксенофонт Степанович приметил любознательного мальчика и стал давать ему книжки по истории, астрономии, арифметике. Мачеха, Анна Степановна, жалея пасынка и боясь гнева супруга, тайны не выдавала. И не было для Тереши сильнее наказания за шалость, чем угроза:

— Выброшу книжки! Расскажу тятьке!

Однажды поманила Терешу пальцем:

— Вот подарок тебе. Нашла. — И она протянула мальчику огрызок карандаша.

Обрадовался Тереша подарку больше, чем ярмарочному прянику и леденцовому петушку.

— Идем, Тереша, снежный город строить! — зовут одногодки.

Выстроен город с башенками, высокими крепостными стенами. Бах-ба-бах! — летят из бойниц снежные ядра; шум, гам, веселая возня. В стороне от крепости склонился над белой

лужайкой мальчишка в старой отцовской шапке, забыл и игру, и ребят. Покраснел от холода пальчик, а он все чертит и чертит на снегу буквы, слова. Подбегают ребята:

— Ну, что ты, Терешка, пишешь и пишешь — не тетрадка ведь. Неинтересно с тобой, давай играть!

Вечером, управившись по хозяйству, приходят в избу к Семену Абрамовичу Мальцеву солдатки. Едва перешагнув порог, ищут глазами младшего, достают из цветных полушалков, повязанных на груди, заветные письма:

— Прочитай, милый, как там на войне с японцами. Да скоро ли воротится?

— Пропиши, Тереша, пропиши, родной, что с хлебом живем ноне, корова телка принесла. Что лошадь охромела, не прописывай, сынок, — горю он не поможет, а думой тяжкой измается. И без того горестно на чужой стороне.

Ох уж эта война…

Вздыхают, плачутся бабы: себя жалко, детей своих, а еще пуще мужей, сыновей, которые мерзнут где-то в сырых окопах. Нужен им этот японец, да на все воля божья и государева… Мерцает керосиновая лампа, бросает причудливые блики на сосредоточенные лица, на темные образа в углу. Молча сидит у печи Семен, латает, перелатывает овчинный полушубок, вспоминает горькую солдатчину. Нет-нет, да вскинет насупленные брови, посмотрит на сына любовно и горделиво:

— Ишь ты, писарь какой! А уж помощник растет — все-то у него ладится. Пожалуй, пора и с «вершины» слезать, за сабан[2] становиться.

Сидеть верхом на лошади, когда пашню боронят, — любимое занятие крестьянских детей. С восьми лет посадили на «вершину» и Терешу. Весна скоро, ждет он ее. Обещал отец поставить за сабан, как пятнадцать минет. Правда, он пробовал уже пахать, но одно дело провести пробную борозду и совсем другое — вспахать целую десятину.

— Крепче держись за рогаль, — наставляет отец. — Налегай на сабан, пусть лемех глубже в землю уходит.

Рогаль вертится в неокрепших руках, сбивает кожу. Но чем больнее саднит ладони, тем сильнее Терентий сжимает рукоять сабана. Отец идет рядом, довольный, подхваливает:

— Ладно, ладно пашешь. Ровнее иди, ровнее!

Тереше хочется оглянуться, посмотреть, как тянется за ним влажная черная полоса земли. Но он не смеет, боится выпустить из рук сабан. Да и Серко идет ровно, послушно, как бы не сбить. Наконец, межа. Тереша приподнимает плуг, помогает лошади развернуться в обратную сторону и — замирает, очарованный. От

свежевспаханной земли струится пар, и кажется, что все поле дышит, как живой человек. До чего хорошо!

— Ну вот погреется земелька, а после пасхи и сеять зачнем, — радуется отец.

Сеять отец не доверяет. Сам идет по пашне. На груди у него через плечо на лямке лукошко с зерном. Он черпает горстью семена и широким сильным взмахом бросает их о стенку лукошка. Зерна от удара рассыпаются веером. Тереша ловит взглядом золотистое зернышко, провожает его до самой земли:

— Какое малое зерно, а великая сила в нем кроется. Хлеб…

Скудный родился хлеб. Часто повторялись засушливые годы, а в тысяча девятьсот одиннадцатом такая сушь охватила природу, что потрескалась от жажды земля. Зной выпил и речушку, и болотца, вытянул соки из посевов, скрутил листья на деревьях в черные трубочки, отнял у людей надежду. Не собрали крестьяне даже семян. Пустынно на гумнах, ветер тоскливо шевелит жалкие остатки старой соломы. Не заливают, как прежде, по первому морозцу колодезной водой «ладони»[3] для молотьбы, и с токов не слышен веселый звон цепов. Нечего молотить, нечего возить на мельницу. Печально машут на ветру ее деревянные крылья. Нет былого веселья на шумных ярмарках, не гуляют в деревнях свадеб. Голод…

В избе Мальцевых тем и теплится жизнь, что жарко топится печь.

— По дрова собираешься, Семен? — безучастно спрашивает Анна Степановна мужа. Терентий поднимается с полатей.

— Лежи, лежи, сынок, я один съезжу, вот разве Купчика с собой возьму, — и он ласкает свернувшуюся под порогом собачонку.

Из леса вернулся отец без собаки.

— Тять, а Купчик где?

— Отстал по дороге Купчик, не докликался его, — вздыхает отец и отворачивается к стене.

По весне нашел Тереша под березой в колке грязную собачью шкурку, заплакал:

— Тять, а это ведь Купчик…

— Зарой, сынок, в землю. Прости, не мог я смотреть, как собака умирает голодной смертью, убил ее. Пойдем в поле, пахать будем.

Урожайный выдался тысяча девятьсот тринадцатый год. Оправились от голода деревни. Водила молодежь песенные хороводы. В Мальцеве пригожих девчат много, не уступают окрестным женихам и парни. Летом в короткие ночи до утра не

смолкают смех, разговоры на околице. Соберутся девушки в кружок, пошепчутся, расхохочутся, да частушкой по парням. А те в долгу не остаются.

Зимой собираются на вечерки то в одной избе, то в другой.

— Что, жених, невесту присматриваешь? — спрашивает отец собирающегося на вечерки сына.

— Да не, тять, — краснеет тот и еще старательнее зачесывает волосы.

— А глянется-то кто? — не унимается отец.

Вконец сконфуженный «жених» выскальзывает за дверь. По дороге к Феклиному дому, у которой откуплена на сегодня просторная горница, мечтает: «Хорошо бы, Татьяна пришла. А может, попросить тятю да запрячь коня в выездные санки и покатать девушек?»

У Терентия сжимается сердце: не отдадут за него Татьяну, сыщут жениха богатого.

Не знает Терентий и про сговор родителей женить его на соседской девушке из бедной семьи. Они только все чаще и чаще намекают насчет просватанья.

Незаметно прошла в игрищах зима, а там и лето приспело. В разгар сенокоса привезли из уездного города Шадринска жуткую весть: война. Поначалу много не брали. Ушли на германский фронт солдаты срочной службы, потом стали брать запасных и ратников первого разряда. Заголосили бабы, запричитали, провожая кормильцев. Терентий, как единственный сын, числился в ратниках второго разряда, и война казалась далекой. По осени стукнуло Терентию девятнадцать. Вся тяжелая работа по хозяйству на нем теперь лежит, уходят из отца силы.

— Женить парня пора, — решает Семен Абрамович. Брат Иван уговаривает попытаться посватать Татьяну.

— Что хоть и дом-пятистенник у них, — убеждает он, — не встанет же поперек счастья родной сестры.

— Супротив воли брата Татьяна не пойдет, — сокрушается Семен.

Уговорил-таки Иван, заслали сватов, да вернулись те с отказом. Закручинился Терентий, услышав, что просватали его любушку за другого. На ту оказию приехала из соседней деревни Потанино родственница, бабка Марья.

— Ой да, милок, у меня для тебя завсегда невеста найдется, приезжай!

Шутки да прибаутки, а поехал Терентий к бабке Марье потанинских невест смотреть. Понравилась белолицая, синеглазая, с длинной светлой косой Прасковья.

— А что, пошла бы за меня, Паня? — шепчет Тереша,

наклоняясь к девушке.

— А пошла бы, — отвечает Прасковья, — люб ты мне.

На том и сговорились молодые и через два дня назначили свадьбу. Не ходил больше на веселые игрища Терентий. Ровня его вся семьями обзавелась. В поле да со скотиной не до игрищ — разве что вспомнят, как холостяковали. У Параши характер десять раз на дню переменится. То смиренная да ласковая, а то мечется по избе дикой кошкой. Чем дале, тем хуже, и все не по ней:

— Отделимся от стариков, заживем своей семьей, сами хозяева будем.

— Нет, не оставлю я родителей, — не соглашается Терентий. — Они меня вскормили, вспоили, теперь я должен их кормить.

А война хоть и далеко, но аукается в деревне: кого-то уж в живых нет, а мужиков все забирают и забирают. Дошла очередь до ратников второго разряда. Призвали на военную службу и Терентия. Покидал он родное село в первых числах апреля шестнадцатого года. Прощался с отцом, с матерью, с молодой женой и недавно родившейся дочкой.

— Ничего, — утешал отец, — бог даст, вспашем, посеем. Подрос жеребчик, запрягу и его в плуг. Ты служи за отечество, за царя, не дай в обиду землю нашу русскую!

В последний раз оглянулся Терентий. Сквозь прозрачные кружева берез синели крыши изб. Знать бы, что отрывает проклятая война надолго, что забросит на чужбину — припал бы в прощальный миг к земле-матушке, целовал бы ее, не отрываясь…

За Уралом, за рекой казаки гуляют,
Утром рано на заре в поле выезжают…

Хмельно, бесшабашно пели на телегах. Путь лежал в Шадринск, потом — в Екатеринбург, на учения. А что там дальше — старались не думать.

СЕМЕНА НОВОЙ ЖИЗНИ

Через пять долгих лет возвращался Терентий Мальцев в родное село, к милой своей земле. О ней не переставал он думать, когда промерзал в сырых окопах и когда, обессиленный изнурительной работой и голодом, валялся в тифозном бараке лагеря для военнопленных.

В тяжелых коротких снах являлось ему русское поле, зыбкими волнами переливались поспевающие хлеба, слышалась в голубой дали печальная песня. Видения были так явственны, ощутимы, что Терентий рвался всем телом с жестких дощатых нар, протягивал худые руки. Но не мог сделать ни шага, будто прикован был тяжелыми цепями.

— Браток, очнись, не кричи, — успокаивал сосед по нарам.

— Нет, — до хрипоты стонал, метался в бреду Терентий, — дойду, все равно дойду!

…И вот уже только пятнадцать верст из оставшихся позади тысяч отделяют его от дома.

— Это ж надо встретиться! — удивлялся земляк Яков Панфилович, не сразу узнавший в тощем, заросшем щетиной солдате мальцевского мужика, сына Семена Абрамовича. Они сели в поезд в Богдановичах и теперь доехали до последней станции перед домом — Лещево-Замараево. — А сказывали, будто сгинул ты без вести в неметчине.

— И правда сгинул, — улыбался Терентий. — Не единожды помирал, да снова рождался. Сам-то как, Яков Панфилыч?

— Да вот, вишь, живой. Контру всякую добивали. Управились, домой счас. Слыхал про землю-то? Вся наша земля, мужицкая. По декрету Ленина отписана немедленно безо всякого выкупа.

— Как не слыхать? Доходили вести…

Неторопливо рассказывал Терентий про горькие годы на чужбине. Временами, будто со стороны слушая собственный голос, вдруг пугался: неужто через все эти муки прошел? Яков Панфилыч сочувственно качал головой, на широком рябоватом лице его дергалась еле заметная жилка.

— Нас ить предательски захватили, взяли без единого выстрела. Вечером предупредили, чтобы не стреляли, будто возвернется с вражеской стороны полковая разведка, в белых маскхалатах будет. Заставы и пропустили. А оказалось, не наши — немцы. А уж как издевались охранники, когда погнали нас по Галиции, да в Курляндию. В Митаве лес рубили. Там и про революцию узнали. Надеялись: теперь войне конец, домой

вернемся. А вместо дома — в Германию попали. Там совсем невмоготу стало… — Терентий нащупывает зашитую в ветхую посконную рубаху картонную карточку и, глядя на краснозвездный шлем Якова Панфилыча, переходит на шепот: — Слушай-ка, Яков Панфилыч. Я ведь на войну уходил, крепко в бога верил. И на фронте, и в лагере все за царя молился: «Помоги, бог, царю победить! Боже, царя храни!»

— Да, брат, — поддержал Яков Панфилыч. — Сколько голов положили за царя и отечество…

— Потом уж дошло до меня: царь — приставка, не более, отечество и без него отечество. Сам, может, еще бы блуждал по темноте своей, да добрые люди помогли. Вот был у нас Ванюха из Вологды — до чего хорош парень, из мертвых весельем поднимал. Расстреляли Ванюху в лагере за сомустительство к бунту… Голодом морили нас, работой тяжелой давили. Вот и не вытерпели, поднялись…

Терентий снова нащупывает на груди карточку. Все, что на ней написано, он знает наизусть:

> «Комячейка лагеря Кведлинбург. Русская секция при коммунистической партии в Германии. Удостоверение № 8. Дано сие от комячейки лагеря Кведлинбург товарищу Мальцеву Терентию в том, что он, состоя в коммунистической группе лагеря с 1 февраля 1920 года, проявил себя как активный работник в организации рабочих команд, в выполнении возложенных на него поручений и в несении обязанностей члена лагерного комитета, что подписью и приложением печати удостоверяется».

…Немногие из пленных солдат были грамотны. А Мальцев умел бегло читать и писать, знал уже и по-немецки, разбирал, что в венгерских газетах сообщалось. Газеты проникали за колючую проволоку разными путями. Но чаще всего их проносили, запрятав в лохмотья, пленные из рабочих команд. Сбившись в кучу, обитатели барака жадно ловили каждое слово: что там, в России?

А в России — Октябрьская революция. В России — Ленин.

— Ленин карашо! Ленин — мир! Капут войне! — улыбался лояльно настроенный часовой. Как не радоваться ему миру, поди тоже есть дом, жена, дети…

Как-то попала Терентию пачка газет «Русский вестник». Глазам не поверил, еще раз вгляделся: в Шадринске, Далматове — бои… «Что же такое на свете деется? И туда, за Урал, война пробралась…» Еще острее сдавила тоска сердце:

живы ли отец с матерью, жена Прасковья?

Скудны вести с родины. В газетных сообщениях непонятные названия: «Советы», «Коммуна», «гражданская война». Что значит гражданская? Во имя чего? Советской власти? Что за власть такая, что всем богатеям до нее дотянуться хочется — и из Германии, из Англии, Польши, Франции?

— Послушай, Мальцев, — на плечо ложится крепкая жилистая рука. Это Орлов, большевик из Тулы. — Ты крестьянин, я рабочий. Это наша с тобой власть, Советы. Кто нам так просто подарит ее? Помещики, капиталисты? Вот за нее и воюют. Что тебе, крестьянину, всего дороже на свете? Земля. Дала тебе Советская власть землю. Справишься ты с ней в одиночку? Нет, не справишься. Объединяться надо, сообща выбираться из вековой нужды и рабского труда. Вот тебе и коммуна. Только вместе, только с рабочим классом. За это борется партия большевиков, за это стоит Ленин. Вот почему нас ненавидят капиталисты. Всем миром набросились, разорвать хотят на куски, да кишка тонка.

— Точно, тонка кишка! — подхватывает Терентий. — Разве теперь революцию остановишь? Немецкие рабочие бастуют, в Венгрии революция. Проснулся народ, силы пробует. Вот организовали мы в лагере свой комитет, насколько легче стало, будто ожили.

— Товарищи! — обращается к собравшимся член лагерного комитета Штиглиц. — Завтра Первое мая. В день солидарности пролетариев мира проведем маевку вместе с немецкими товарищами!

Загудел барак, заперекатывались горячие речи:

— На маевку все! Объединимся, тогда нас не возьмешь!

— Домой, скорей бы домой! Там свобода, земля, новая жизнь. Уж мы не отстанем, мы с Советами!

И вдруг в полутемном сером бараке словно вспыхнул пламень: Штиглиц развернул вытащенный из тайника сверток, и красное полотнище заиграло румянцем на лицах узников, загорелось огнем в яростных глазах.

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь! — отчетливо и торжественно произнес Штиглиц. — Пиши, товарищ Мальцев, на материи: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» С этим лозунгом мы пойдем на маевку!

Расстелив полотнище на щелястом, тщательно вымытом полу, писал Терентий лозунг. Самодельная кисть красила неровно, и буквы получались то жирные, то тонкие, и он до утра выводил, выравнивал их.

— Вот только не знал я, как быть с последней буквой, — продолжал свой рассказ Терентий. — Слышал, будто в новом

алфавите букву «ять» упразднили, а мягкий знак то ли оставили, то ли нет, никто из наших не знал. Штиглиц подумал, подумал и рукой махнул: «Пиши, как знаешь!» Я и написал без мягкого знака, решил на свой ум так: ежели власть твердая, то мягкий знак ни к чему и слова должны твердо звучать.

— Ну, грамотей, ну, политик, — рассмеялся Яков Панфилыч. — Все правильно рассудил. Твердая власть наша, это точно.

За разговорами скоротали ночь, а утром подвернулся возница, согласился отвезти их в село. В санях лежал ворох соломы, сунули в него ноги в худых ботинках: февральский мороз крепкий.

— Красота-то какая, — Терентий не мог налюбоваться на сверкающие алмазными россыпями заиндевелые березы, на величавые снежные поля. Почувствовал вдруг, что не хватает в груди дыхания, сердце обдало жаром:

— Родная земля! К тебе стремился, к тебе шел через муки нечеловеческие, чтобы увидеть, чтобы прикоснуться к тебе!

Возница не оглядывался, боясь помешать. Сколько раз уже он видел, как от встречи с родиной проливается слезами радость, омывается любовью сердце. Как не понять: во всем свете нет милее места, где родился, где отец с матерью и гнездо твое.

Дорога покатилась под угор. У моста через застывшую речку окликнули часовые:

— Стой! Кто будете?

— Свои, свои, — отозвался возница. — Мальцевские мужики.

— Проезжайте, коли свои. — Часовые расступились. Снова заскрипели полозья. Возница пояснил:

— В Ялуторовске кулацкий мятеж, на Шадринск было двинули, да не удалось пройти. Дозоры везде выставлены, неровен час…

Последних слов возницы Терентий уже не слышал. Подвода въехала в улицу, и он увидел, как от избы в проулке отделилась женская фигура. В распахнутой шубейке, в сбившемся набок платке бежала навстречу мать. Он соскочил с саней и тоже побежал. Ботинки скользили старыми подошвами по накатанному снегу. За спиной болтался тощий мешок. Припала к груди Терентия Анна Степановна, заголосила, оглаживая руками его лицо, голову, шею:

— Наконец-то дождались, родимый.

Заторопилась, повела в избу. На пороге встретил отец. Постаревший, словно осевший вместе с кособочившейся избой.

Застыла, не может слова вымолвить жена Прасковья. Уж сколько речей про себя супругу своему сказывала, во снах

миловала, а как увидела выжданного, выстраданного — словно онемела, зашлась от счастья, от радости.

Все! Кончились скитания и муки. Снова начинать жить.

Ходит Терентий по избе, скрипит половицами, расспрашивает, что да как в селе: чай, пять годов не был, многое изменилось. Вечерами собирается у Мальцевых вся округа послушать его рассказы. И о чем ни судят, ни рядят мужики, разговор сам собой к земле поворачивает:

— Земелька-то у немцев похуже нашей, — рассказывает Мальцев. — Есть черноземы, а больше все подзолы да песчаники. Но не в пример нашей ухожена пашня, урожаи повыше дает. А хлеб не вкусный, нет в ем духа. Кабы нам да урожаи поднять.

Тихо в избе, думают мужики: весна скоро, в поле выезжать, а как, коли не успели еще от Колчака оправиться, порушено хозяйство, лошадей нет, семян — скрести не наскрести.

Худо и у Мальцевых. Забрали беляки со двора рабочую лошадь. Остался жеребенок да кобыла раненая, еле ноги передвигает — кормить нечем, соломы и той нет.

Тяжкие думы у бедняков. А весна надвигается необыкновенная — весна великих перемен. Ждет не дождется село передела земли: впервые получают крестьяне землю по справедливости — на каждого едока в семье, а не только на мужскую душу.

— Это ж сколь будет земли-то? — в который раз загибает пальцы Семен Абрамович. Он сидит на голбчике, положив на колени худые руки. Выстыло за ночь в избе, Анна Степановна возится у печи, замешивает в корчаге жидкую болтанку из остатков ржанины, толкает ближе к огню чугун с картошкой. Хорошо, что хоть это еще есть у них, а там, бог даст, как-нибудь дотянут до щавеля, лука. Все повеселее будет ждать хлеба. — Я, значит, Терентий, Константин, — считает наделы Семен Абрамович, — Анна Степановна, Прасковья… — и тут же, сбиваясь со счета, испуганно смотрит на полати, где спят молодые: вдруг да услышали, как он по привычке назвал вторую жену сына именем первой.

— Татьяна, — шепотом бросается на подмогу Анна Степановна, гремя ухватом.

— Татьяна, — повторяет следом Семен. Все пальцы на руке загнуты, пять наделов получат они. Вот Костюшка успел родиться до апреля, и на него надел положен по закону. Костюшка, Костюшка, любимый первенький внучек…

Беспокойные мысли тревожат, приглушают радость. Месяц уже прошел, как родился внук, а нет позволения стариков из старообрядческой общины на крещение его, греховным считается

брак Терентия с Татьяной.

«В чем грех?» — сокрушается Семен Абрамович, но вслух свои мысли не высказывает. Насмотрелись вместе с Анной Степановной, как измаялся сын с Прасковьей. Ну ладно, что-там до фронта было — быльем поросло. Да ведь как возвернулся Тереша в родной дом, в мире жили всего две недели. Пообвыкла, что муж живой вернулся, снова за старое принялась Прасковьюшка:

— Отделимся, неча с имя жить, — стояла на своем.

— Не оставлю я отца, мать, — не соглашался Терентий. — Стареют они, как без нас?

— Ах так, — взбеленялась супруга. — Не хошь подобру, сам за мной прибежишь.

И вскорости, как отлучился в город Терентий, собрала жена сундук, да и уехала к матери. Два раза возвращал беглянку, уговаривал да ласками успокаивал. На неделю, не больше хватало в избе Мальцевых спокойствия. В третий раз Терентий за женой не поехал, а когда та заслала сводню выведать, не пора ли ей самой возвращаться, решительно отрезал:

— Хватит в прятки играть.

Не ложилось и Татьяне, отданной за богатого мужика. Вернулась она в семью старшего брата. Не одобрял разлада степенный хозяйственный мужик, но сестру не корил, жалел:

— Бог видел, счастья сестрице желал, да вон как обернулось, — вздыхал, крестился. Татьяна проворна в работе, успевает и в доме, и со скотиной управиться, а уж шить, вышивать, прясть да ткать — другой такой мастерицы в селе не сыскать. Но молчаливой стала после неудачного замужества. В девичестве какие песни спевала, а тут словно голос пропал, потерялся от печали. Бывало, с шитьем у окна сидит, как на картине, а сейчас все больше в тень прячется, Да разве скроешься в селе от пересудов. Не успели злые языки передохнуть после отъезда в Потанино Прасковьи Мальцевой, как подвернулась новая пища:

— Терентий-то к Татьяне дорожку мостит.

— Грамотный, книгочей.

— С книгами-то видим, будет ли с хлебом?

Доходят разговоры до обеих сторон, а они и без того истосковались друг по другу, и бешено колотятся сердца, стоит только ненароком в улице или у магазина встретиться.

Не было свадебного застолья у Татьяны и Терентия. Вечером, накануне, попросил совета у отца, матери:

— С Прасковьей нам не живать добром. Разрешите с Татьяной невенчанным жить.

Анна Степановна улыбнулась:

— Видно, друг для друга родились вы, раз судьба сводит.

Отец ответил не сразу:

— Решай сам, сынок. Имей в виду, старики в общине не одобрят. Ты вроде и перестал в бога верить, а без общины куда?

Как в воду глядел Семен Абрамович. Вот уже и внучонок родился, а все брак считается незаконным, пока не будет согласия старообрядцев. Наконец, собрали общину, позвали Прасковью сказать, кто виноват в разладе.

Побелела лицом Параша, потупила глаза:

— Я одна виновата. Тереша хотел как лучше. Поняла, да уж поздно…

Метнулась легкой тенью с круга, только и видели ее. У Терентия сердце обдало болью и холодом: «Параша, Параша, и пригожая ты, и умная, да погубит, перекрутит тебя норов твой…»

Весна пришла ранняя, сухая. Ждал ее Терентий, перечитал все календари, которые выписывал еще до войны, не раз беседовал с приезжавшим в село уездным агрономом, дивясь его познаниям в почвах, климате, сортах. Пробовал с отцом, со стариками советоваться, когда лучше в поле выезжать: пахать, боронить, сеять. Но разговоров не получилось.

— Прыток больно, — недовольно ворчал отец. — Сам знаешь: боронить после Егория надобно. В пасху не трогай землицу, не шевели — грех великий.

— Тятя, — не сдавался Терентий, — пересохнет пашня, какой прок будет?

— А то будет, — отрезал отец. — Как до нас хлеб растили, так и после нас.

У Терентия свои думы: достаточно сейчас у крестьян земли, да ведь чтобы из нужды вырваться, надо в хозяйстве и лошадь иметь, да не одну, и плуги, и сеялки, и бороны, а еще бы и косилку. Где столько денег взять? Да и под силу ли единоличнику с таким хозяйством управиться, особенно если в семье едоков больше, нежели работников? Нет, как ни крути, а в артель надо сбиваться, артельно-то легче.

Сколько раз, засиживаясь вечерами в сельсовете, Терентий перечитывал ленинский Декрет о земле, стараясь уловить тайный, недосказанный смысл. Ему до обидного коротким казался текст Декрета, и объяснял он это тем, что у партии большевиков и у Ленина в день свершения Октябрьской революции было и без того много дел. Но пройдет время, расправится республика с контрой, поднимется из разрухи и скажет, как дальше крестьянину жить. Он не знал, какая наступит жизнь, но, что будет совсем новая, небывалая ранее и потому

обязательно счастливая, — верил.

Не догадывался Семен Абрамович, какие мысли бродят в голове сына. Он был доволен Терентием — грамотным, рассудительным, трудолюбивым, с крепкой крестьянской жилкой. Любил его, да и как не любить единственного сына? В Терентии продолжала жить его Васса и откуда-то издалека, из прошлого, смотрела на Семена синими глазами. Под этим взглядом смирялся и замолкал Семен и долго не покидало его чувство какой-то неизъяснимой вины перед первой женой.

Семен старался понять, к чему стремится сын, чего хочет добиться. Слушая разговоры Терентия с мужиками о том, отчего идет дождь и почему гремит гром, пугался. Понимал, что сын, хотя и не ругает бога, все-таки не признает его. И с этим смириться никак не мог, потому что все связывал с волею всевышнего и боялся, как бы тот не прогневался на Терентия. И еще чувствовал, как, оставаясь родным, все дальше уходит сын. Мог еще потягаться с ним в поле, силы были. В мыслях же догнать не мог, и это сердило и обижало.

Особенно пугало Семена Абрамовича то, с какой решимостью и непреклонностью шел сын против веками сложившихся традиций. Время полевых работ в селе определялось и назначалось общиной: будь то пахота, жатва, сев или бороньба. Никто не смел нарушить закон общины, да и в уме такого не держал. Первым преступил черту Терентий, и Семен Абрамович ничего не смог поделать. Сердился, ругался, запрещал — все без толку. Его сын и не его сын. Что заставляло Терентия нарушать волю общины и отца? Что гнало в поле, когда вся деревня справляла пасху? Что рождало неуемную энергию и пытливость мысли? Неужели это «что-то» сильнее бога?

Отец не находил ответа на терзавшие его вопросы. Оставаясь один в избе, он осторожно разворачивал тряпицу, в которой сын по привычке хранил книжки, и подолгу рассматривал картинки. Казалось странным, как можно нарисовать изнутри обыкновенный боб, показать, что под синей кожурой притаились-два листка и слабый, похожий на ребеночка, стебелек. Косил глаза в подслеповатое маленькое оконце: не видит ли его кто, быстро крестился и рассматривал другие картинки. Особенно нравилась ему книжка с нарисованным на обложке крестьянином. Хлебороб был худ и бедно одет, и потому в нем Семен Абрамович видел своего деревенского мужика. Крестьянин держал в руках раскрытую книгу и читал, и этим казался Семену Абрамовичу похожим на Терентия.

В разговорах мужиков, собиравшихся в избе Мальцевых, Семен Абрамович не участвовал. Молча сидел на любимом

месте — голбчике, прислонившись к теплому боку печи, справлял какую-нибудь нехитрую работу — чинил старые мешки, улаживал хомут, а сам чутко ловил каждое слово.

Многое из того, что читал Терентий для мужиков, ему было непонятно: как живут растения? Как выводить новые сорта? Но вот переворачивалась страница, и Семен Абрамович настораживался: как вырастить хорошую лошадь? Как крестьянину выбраться из бедности?

Вокруг Терентия уже не пять-шесть мужиков, как прежде, а больше. Читают вслух брошюры: «Сам себе агроном», «Шаг за шагом». Исподволь, не спеша набираются начальных агрономических знаний, и кажется им вполне осуществимой поставленная перед русским крестьянином задача: вырастить три колоса там, где теперь растет один.

Вот уже ни одна бедняцкая изба не вмещает желающих заниматься: больше сорока человек в сельскохозяйственном кружке. Вечерами они подолгу сидят в сельсовете, пока еще хозяева-единоличники. Но сознание их уже не то, что было вчера. Они понимают, что в одиночку не выбиться из нужды, и первые десять крестьянских хозяйств покупают в складчину сортировку, соломорезку, бочку для протравливания семян. Егор Коротовских да Терентий Мальцев — организаторы. Совсем не видят их дома: то в поле, то по артельным делам ездят, хлопочут.

Всем на удивление — надельный участок Терентия Семеновича Мальцева, его маленькие опытные делянки. Что он на них не придумывает только! Вспашет каждую деля-ночку на разную глубину и в различные сроки, проборонит тоже в разное время, засеет отборными семенами и таблички поставит с непонятными названиями: «альбидум 0604», «китченер». О каждой деляночке в тетради у Мальцева особая запись. Чудно всем это, а сам он уже не представляет, как учиться хозяйствовать по-новому, без опытов, без науки. Бывая в Шадринске, обязательно заходит в Дом крестьянина, и все чаще и длиннее их беседы с агрономом.

— А, опытник! — приветствует его агроном. — Заходи, товарищ Мальцев. О чем сегодня поговорим? Давай побеседуем, какой сорт пшеницы самый подходящий в местных условиях, как сделать анализ почвы.

Примерный ученик Мальцев. Ни слова не пропустит и все спрашивает, спрашивает. На Шадринском опытном поле дали ему пшеницы «альбидум», «мильтурум 321», «китченер», предложили вырастить совсем неизвестную культуру — чину. Об опытах его и занятиях сельхозкружка в Мальцево уже и в газете пишут. Приятно читать о себе, а тревожно на сердце: пишут, хвалят, а как

ничего из опытов не выйдет? И тут же внутренний голос успокаивает: должно выйти, не сегодня, так завтра.

Да и не одиноки кружковцы в своих начинаниях. В земельном отделе ими интересуются, подсказывают, куда за советом и помощью обратиться. Эх, кабы вместо узких полосок землицы иметь поле, целое поле под опыты!

Скоро и это будет. Все к тому клонится, что перепахивать межи, объединяться крестьянам в одно хозяйство. Радостно Терентию Семеновичу от таких мыслей, радостно от грядущей работы.

Татьяна Ипполитовна детьми занята, домашним хозяйством, в дела мужа не вникает, но видит, как он увлечен, и не обижается, что дома редко бывает. Родился третьим сын Саввушка. Случилось, заболел маленький. Перепугалась Татьяна, прибежала в сельсовет.

— Тереша, запрягай лошадь, скорее в город, задыхается Саввушка наш.

Фельдшер объяснил: воспаления легких нет, не опасно, простуда только. Успокоились родители, в обратную дорогу уж не гнали, жалели лошаденку. Татьяна рассказывала:

— Женщина рядом со мной сидела, так у ее девоньки болесть признали, какую-то скаратину. Не разобрала я, не слыхивала ране-то, а ребеночка забрали в больницу.

— Скарлатину? — переспросил муж с беспокойством, — Рядом, говоришь, сидели?

— Ребенка-то ей некуда положить было, а у нас с собой подушка большая, я и говорю: клади свою девоньку рядом, хватит обоим места.

— Ох, Татьяна Ипполитовна, — выдохнул Терентий, — как бы беды не было, шибко заразная болезнь-то!

Беда пришла. Заметались в жару Настенька и Костенька, покрылись красными пятнами. Терентий почернел от горя, сердобольных соседей в избу не пускал, сам от детей не отходил, ухаживал, молил судьбу сохранить их, спасти. Не выпустил гулять по деревне болезнь. А Настенька не осилила ее, умерла… Остались два сына у них с Татьяной, Костенька уж большенький, а Саввушка мал еще. Вся домашняя работа, уход за скотиной лежат на Семене Абрамовиче да на женщинах — Татьяне, Анне Степановне. Стареет Семен Абрамович, ломит его болезнь, уходят последние силы: съездит в лес по дрова и долго отлеживается на печке, думая невеселую думу.

«Изработался на земле, а что окромя болезни нажил? Хлеба досыта не едал. Изба еле дюжит, выпирают гнилые бревна, как кости… Вот сейчас бы начать жить — земля есть, и власть новая к

мужику повернулась. Да… Надо бы еще потянуть, Терентий в доме не хозяин. Такой уж, видать, и будет — для всех старается, о себе в последнюю очередь вспоминает. Хлеб-то у него лучше всех растет, урожай поболе других, а свезти куда-нибудь, продать выгоднее, за хорошую цену, нет соблазна, нет».

Долгим день на печи кажется, долгие и думы у Семена Абрамовича. Одна отрада — внуки. Любит их дед без памяти, а особенно старшего.

— Костюша, Костюша… Довелось бы увидеть тебя большим.

Не довелось… Приехал как-то из леса Семен Абрамович и совсем занемог. Прилег на лавку передохнуть, дрема смежила глаза, окутала все тело. Легко ему стало, радостно, будто весна пришла, и снова он в поле, молодой, здоровый, а рядом сынок Тереша. Тереша тянет к нему руки, просит:

— Тять, а Федька с Гришкой боронят уж, мне тоже охота. Позволь, тятя.

— Боюсь, сынок, — отвечает Семен. — Помнишь, как лошадь тебя копытом ударила. Испугалась чего-то вдруг и ударила. Ямка-то вот она в груди. Уж как мы с Анной Степановной тебя выхаживали. Бог спас тебя на наше счастье.

— Бог, — соглашается Тереша и смотрит на небо. Над головой, в небесной вышине, заливается жаворонок. Совсем маленькая пташка, еле видно, как трепещет крылышками, а поет звонко, весело.

— Ишь ты, засмотрелся на птаху, заслушался, — ласково говорит Семен и поднимает мальчика, садит верхом на лошадь. — Крепче держись, сынок, не торопись погонять Серка, поглядывай, как борона идет, — наставляет сына и трогает повод в его руках.

— В добрый час. Даст бог, будем нынче с хлебом…

Хочет Семен Абрамович шагнуть вслед за лошадью, и вдруг сильный толчок в сердце сбрасывает его с ног. Он падает и чувствует под собой вместо мягкой земли, на которой стоял, жесткую деревянную лавку.

— Тереша, — зовет Семен Абрамович и не слышит собственного голоса. — Тереша!

Бросается к деду любимец Костенька.

— Костюша, милый, это ты? Живите, Костюша, все долго живите! — Семен падает с лавки, в последний миг изворачиваясь, чтобы не задеть внука.

Схоронили Семена Абрамовича солнечным, но еще холодным мартовским днем. Вместе со смертью отца будто ушла из Терентия вся его прежняя жизнь. Где-то далеко-далеко осталось детство, тоскливой кукушкой прокуковали горькие годы на

чужбине. Опустел у печи голбчик, на котором любил сиживать отец, и каждый раз, входя в избу, Терентий ощущал, как боль сжимается в груди при виде сиротливо висящего на гвозде старого полушубка.

— Отец, отец, был бы жив, как порадовался бы ты наступающей новой жизни, когда хлеба будет вдоволь!

Шел тысяча девятьсот двадцать восьмой год. Пять лет опытнической работы утвердили в Терентии Семеновиче мысль, что хозяйничать на земле с толком — значит постоянно учиться, искать, экспериментировать, не обольщаться успехами и не останавливаться перед трудностями. Он многое узнал и понял за это время и сейчас был твердо уверен в том, что лучше всего сеять не так рано, как прежде, но и не поздно. А когда — по весне видать. Что боронить пашню, разрушая верхнюю твердую корку — значит сохранять в ней влагу. Что глубокая пахота дает добрый урожай, но если вывернуть из земли нижний слой, а верхний, наоборот, упрятать глубже — не получить хлеба.

Отсеялись в ту весну поздно. Погода стояла холодная, часто мочило мелким дождем, и почва созревала медленно. Еле сдерживал себя Терентий Семенович, опасаясь упустить нужные для сева сроки, но все-таки дождался появления на поле сорняков. А когда уничтожил их, засеял да пары начал готовить, вдруг пришел в Мальцево странный пакет, туго перевязанный шнурком с сургучной печатью. На нем значилось: «Мальцеву Терентию Семеновичу». В пакете письмо и семена — необыкновенно крупные, с медным отливом зерна пшеницы.

Терентий Семенович осторожно берет зернышко, долго и недоверчиво разглядывает его:

— Вот какой этот сорт «цезиум». Эх, кабы пришел ден десять назад этот дорогой пакет, успели бы еще с посевом. А что?! — тут же решается он и делит золотистую горку на две равные части. — Попробуем половину нынче — уж больно соблазно. Другую — на следующий год.

После принятия решения легко стало на душе. И снова в который раз перечитывает бумагу, вложенную в пакет с семенами.

> «Товарищ Мальцев! Просим проверить, как будет расти в ваших условиях пшеница «цезиум 0111» и сообщить нам результаты. Всесоюзный институт растениеводства».

Велика была радость Терентия Семеновича оттого, что получил семена сорта, о котором уже начитан, но еще больше — оттого, что о нем, деревенском опытнике, знают ученые большого

ленинградского института и обращаются к нему с предложением участвовать в нужном для науки деле.

Значит, не одинок он в своих исканиях, значит, нужен его труд науке, нужен стране, которая поднимается из разрухи, расправляет плечи, набирается сил.

ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

Двадцать четвертого января тысяча девятьсот тридцатого года крестьяне села Мальцево отмечали день памяти Владимира Ильича Ленина. В школе не хватило скамеек, и их приносили из ближних домов. На стене, убранный красной лентой и пахучими сосновыми ветками, портрет Ленина и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Приехал из города докладчик. Слушали его в глубокой тишине: как много сделал Ильич для людей, для них, крестьян! Как много он мог бы сделать еще для пролетариев всего мира! Шесть лет без Ленина, по его заветам идут большевики.

— Ленин учил нас, — говорил докладчик, — что, если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель. Партия повернула крестьян на путь коллективизации, на социалистический путь, который навсегда избавит трудящееся крестьянство от нищеты и кулацкой кабалы и выведет его на светлую дорогу зажиточной и культурной жизни. — Оратору дружно аплодировали.

— Так думаю, мужики, — поднялся с передней скамьи бедняк Иван Ерушин. — Без колхоза нам вовек из беды не выбиться.

— Бедняку да батраку куды боле деваться, — донеслось от дверей. — Вам одно спасение — колхоз. Спи, сколь хошь, лошади нет, корова на общем дворе, курица — и та в колхозе!

В зале засмеялись.

— А ты, Андрей, поубавь гонору, хоть и середняк! — сказал обидчиво Ерушин. — Вот, скажи, можешь ты, к примеру, один купить трактор?

— Так не думал ишшо о трахтуре, — не унимался раззадоренный Андрей.

— Думай не думай, — поддержал Ерушина Иван Коротовских, — а трактор купить — кишка тонка. Вот ежели мы все вместе соберемся, то и трактор, и грузовик осилим.

— Кто еще хочет высказаться? — спросил председатель, призывая к тишине и порядку.

— Так уж высказались, — снова зашумело собрание. — Давай за колхоз голосовать!

Разом стало тихо. Наступила решающая минута. Новая жизнь притягивала надеждами и пугала неизвестностью. А ну, как объединят наделы в общее поле, да вовсе без хлеба останутся? Одна-единственная лошадь в хозяйстве и увести ее со двора? Думали мужики, кто уставившись тяжелым взглядом в старый

щербатый пол, кто скрестив на груди темные жилистые руки или машинально расчесывая пятерней широкую бороду. Неизвестно, сколько бы так сидели, терзаемые сомнениями, если бы председатель не кашлянул осторожно в кулак. Словно сигнал дал. Зашумели, задвигались, заговорили.

— Пиши меня в колхоз! — подошел к столу Константин Конев, трудолюбивый крестьянин, хозяин крепкий, прижимистый.

— За колхоз голосуем, товарищи! — громко объявил председатель и обвел взглядом зал, считая поднятые руки и называя фамилии: Мальцев, Коротовских, Ионин, Конев, Мальцев…

— А называться как будем? — снова не утерпел Ерушин.

— Товарищи, дорогие товарищи, — обратился к крестьянам докладчик. — Сегодня день памяти Ленина, и лучшая память о вожде — следовать его заветам.

— Верно, — согласились крестьяне, — идем его путем и название для нашего колхоза изберем такое — «Заветы Ленина».

Так в январские ленинские дни тысяча девятьсот тридцатого года родился в селе Мальцево колхоз «Заветы Ленина», костяком которого стал сельскохозяйственный кружок. Первым его председателем избрали Ивана Никоновича Коротовских. Через неделю в колхоз «Заветы Ленина» влилась бедняцкая часть сельхозартели «Большевик». Более двухсот крестьянских дворов стало в объединенном хозяйстве.

Не богат был колхоз поначалу: двести шестьдесят лошадей и жеребят, тридцать две коровы и одиннадцать нетелей, один бык-производитель, тринадцать голов молодняка, двадцать телят, шестьдесят пять свиней с поросятами. Еще меньше сельскохозяйственного инвентаря. Свезли бедняки и середняки на колхозный двор тринадцать рядовых сеялок, пятнадцать жаток-самосбросок, лобогрейку и сенокосилку, девять молотилок с конным приводом, четыре веялки и льномялку. Ни лущильника, ни бороны «зигзаг», ни культиватора или пропашника. С тем и начинали первую колхозную весну.

Когда избрали правление колхоза и председателя, назначили и должность полевода.

— Кого полеводом предлагаете? — обратился к правлению Иван Коротовских.

Все посмотрели на Терентия Семеновича Мальцева.

— Ясное дело, кому, кроме него, доверить землю?

— Скажу от лица всех колхозников, — продолжал председатель. — Мы вручаем тебе самое ценное — землю. Держи ее в почете. Заставляй из года в год давать все больше и больше хлеба, очищай от сорняков. Чтобы был в колхозе достаток, чтобы

больше давать зерна стране.

Терентий мучился: одно дело, когда опытничал на своем надельном участке. А позволит ли правление сейчас делать так, как он думает? Раньше, в случае неудачи, он только сам рисковал остаться без хлеба, теперь же за весь колхоз в ответе.

С раннего утра кипит работа на хозяйственном дворе. Скоро в поле. Все надо успеть привести в порядок, весь инвентарь отремонтировать. В кузнице веселый перестук: ладит кузнец плуги, бороны с железными зубьями. На складе женщины семена сортируют. Чудно им, что наказал полевод отбирать в одну кучу семена крупные, а в другую — мелкие.

— Из большого зерна, — учит он, — и колос большой вырастет.

Самый ценный мешок в дальнем углу склада — в нем два центнера пшеницы «цезиум 0111». Ее сдал в общий семенной фонд Терентий Мальцев при вступлении в колхоз. Всего-то две горсточки зерен прислали ему из Ленинградского института растениеводства, а вот уже сколько наросло.

Много земли у молодого колхоза, одной только пашни тысяча двести гектаров. Еще изрезаны поля межами, располосованы на единоличные наделы, но скоро, скоро перепахивать старое. Каждый вечер собираются в правлении старики, слушают Терентия:

— Пожалуй, пора начинать, как бы не пересушить землицу. Весна-то ранняя, да ветреная, уж вербы желтым пушком подернулись.

Решили: пора. И началось такое, чего вовек никто не видывал. Какая-то остервенелая буйная радость овладела всеми. Плуг вспарывал межи, равняя один к другому участки — коневские, мальцевские, егорьевы, ерушинские… И вот уже одно большое поле лежит за деревней. Простерлось до самого леса, что еле виднеется синей неровной каемкой. Разбежаться бы по такому полю тракторам с сеялками! Да только один трактор на всю округу — в совхозе, что неподалеку. А мальцевские мужики пока ладят бороны, сабаны. Вместе со всеми сеет полевод. Нет для сердца его приятней работы, да с тревогой и заботой смешана радость: что покажут его опыты не на маленьких делянках, а на большом общественном поле? Когда предложил дождаться овсюга, подрезать его, а лишь потом сеять, его поддержали все.

Отсеялись дружно и быстро. Появились всходы, зазеленели поля.

В ту осень намолотили по сто пудов с гектара. Старики пересыпали в ладонях драгоценные зерна и не могли поверить: еще никогда в жизни они не были так богаты.

У полевода новые думы.

— Нужно построить хату-лабораторию. Все по науке будем делать, — мечтает он. — Расширим опыты, изучим почвы. Со всего света выпишем какие только есть сорта пшениц, испытывать будем, найдем самые подходящие для себя. А может, сами выведем такой сорт, что лучше его и не надо нам!

Зимними вечерами подолгу горит в окне мальцевской избы керосиновая лампа. Неярок ее свет, еле теплится фитилек: керосина в кооперативную лавку привозят немного и редко. А движка электрического в деревне нет. Правда, решился сельский умелец Михаил Маркович Мальцев самостоятельно смонтировать электростанцию. Учиться поступил заочно на техника-электрика, книг всяких по электричеству из города привез. Целыми днями Михайло из кузницы не вылезает, по рисункам, что в книге, изладил гнутую железную коробку с рукоятью-рубильником. На тот рубильник дивятся мужики:

— Неужто в нем и есть электричество?!

— Не в нем, — объясняет Михаил Маркович. — Рубильником я включать его буду, чтобы сразу все село озарилось лампочками Ильича.

Верят, ждут колхозники: будет и в их избах свет электрический. Новая жизнь наступает бурно, стремительно.

Сколько талантов открыл колхоз в людях! Случайно привились в огороде у Василия Мезенцева два пчелиных роя. Собрал он их в корзины, так с корзинами и явился в контору:

— Что скажешь, Василий Дмитриевич? — поднялся из-за стола председатель.

— Пасеку организовывать пришел, — ответил Мезенцев. — Вот и ульи со мной, — показал он на корзины, в которых гудели и жужжали пчелы.

— Хороши ульи! — рассмеялся председатель. — С них, пожалуй, можно и пасеку начинать.

— Да ведь хлеба у нас теперь досыта, — продолжал размышлять Мезенцев. — Мы теперь хлебушко-то медом будем мазать!

Хлеба, действительно, стали есть досыта. За первый урожай тридцатого года премировали колхоз сепаратором, чтобы легче семена сортировать было. А колхозному полеводу Терентию Мальцеву выписали первую научную командировку в Омск, в институт.

Вернулся Терентий Семенович из Омска в еще большей уверенности, что в колхозах необходимо заниматься опытничеством. Мыслями своими решил поделиться со всеми через газету. Приехавший из города корреспондент посоветовал:

— Пишите, как есть. С чего начинали опыты, каких результатов достигли и как думаете дальше поставить опытническое дело в вашем колхозе.

Легко сказать: «Пишите!» А если сроду никакой статьи не писал, так с чего начинать?

Ртов в семье добавляется, а работников пока двое. Вот и крутись-вертись. Помощники только подрастают. Костенька хоть и мал еще, а наперед матери бросается корове корм задать, в поле выгнать. И траву полоть в огороде бежит. А то за матерью в бригаду утянется и младшего Саввушку за собой ведет.

— Мы, мамка, робить пришли!

— Ах вы, работнички, мужички с ноготок! — всплеснет руками Татьяна, быстро наклонится к сыновьям, заправит рубашонки, поддернет штаны, толкнет легонько и ласково: — Ну, робьте, коли пришли. Анютка-то поди плачет?

— Не, не ревет Анюта, — отвечают братья. — С ней бабка Капитолина возится. — А сами уже в работе, пыхтят. Жужжат слепни, вьются, а им хоть бы что — надели на головы лопухи, одни пятки торчат. Довольна Татьяна детьми. У других ребятишки день-деньской по улице гоняют, а эти то с отцом, то с матерью — и все при деле. Безумно любит их отец, а строг шибко, воли не дает. Трое детей. Вслед за Аннушкой были еще мальчик да девочка. Маленькими умерли. Ждут снова сына, уж и имя есть — Василий. Так что и рада бы Татьяна поучиться, да не убежишь от детей в школу. Вечерами там бабы да мужики со всего села собираются, пишут: «Ученье — свет, а неученье — тьма».

Нет, не только ребятишки не дают Татьяне в ликбез идти. Есть тут другая причина. Занятый работой, не догадывается о ней Терентий. Добрым и любящим сердцем понимает Татьяна, что первой помощницей мужу в исканиях его и в учебе, в опытнической работе может быть только она. Потому что некому больше взять на себя все заботы о доме, о семье. И никто другой не будет ждать его из дальних и близких поездок так, как ждет она, прислушиваясь к каждому шороху во дворе, готовая вмиг вскочить, зажечь лампу, вытащить из печи чугун и поливать на руки мужу теплую, мягкую, с золой воду. Потом, когда он сядет за стол, она поставит перед ним горшок с томлеными, пахучими щами, нарежет пышного хлеба, подаст из погреба кринку с молоком и сядет рядом, тихая и покойная, предугадывая каждое его желание и слушая неторопливый рассказ о большом городе.

— Все дома-то ладно? — спрашивает Терентий жену.

— Ладно, ладно, — успокаивает Татьяна. — Вот только картошку никак не посадим, все уж посадили, окромя нас.

— Посадим, Татьяна, и мы, успеется. Сначала отсеемся.

Вот так всегда: сначала колхозные дела справит, потом уж за свои примется. А чуть минута свободная выдастся — за книгу. Читает ночами напролет, наверстывает то, что пропущено раньше.

— Никак философом собираешься быть? — подначивает Тимофей Логинович.

— Философом? — переспрашивает Мальцев. — Нет, Тимофей Логинович, философию я изучаю, чтобы к земле ее применить, к законам природы.

Незабываема для колхозного полевода встреча с Иваном Владимировичем Мичуриным. Стар и нездоров был известный селекционер, от посетителей и любопытствующих устал, а приглянулся ему зауралец, приехавший в командировку по решению колхоза, и Мичурин провел с ним в своем сказочном саду несколько дней.

Что так неизъяснимо влекло поехать в Козлов — Мальцев и сам не знал. Может, находил он в судьбе великого преобразователя природы что-то схожее со своей жизнью, может, ждал от него ободряющего слова о своих поисках, а может, просто надо было побыть рядом с человеком, посвятившим себя науке и народу, проникнуться его мыслями, его силой.

— Говорят, что я очень много сделал… — Голос Мичурина звучал отрывисто, глухо. Изрезанное глубокими морщинами лицо отражало все выпавшие на его долю страдания и лишения. Он шел, опираясь на тяжелую палку, и Терентию — здоровому, сильному, молодому — было невыносимо стыдно идти рядом, потому что несправедливым и жестоким казалось быть здоровым рядом с тем, кто так много сделал для людей и вот теперь болен и немощен. Ему хотелось сказать какие-то необыкновенные слова, но не находил их и терялся от этого еще больше, стыдясь за себя и досадуя. Мичурин продолжал свою мысль: — Я бы сказал, что не так уж много и сделано, по крайней мере, в сравнении с тем, что можно и надо еще сделать. Это придется сделать следующим поколениям. — Иван Владимирович остановился, смотрел на свой белопенный цветущий сад и дальше, туда, где в утренней дымке простирались зеленые просторы. — И вам, в частности, молодой человек, — Мичурин резко повернулся, отчего палка в его руках покачнулась, — придется славно поработать! Расскажите-ка, чем вы заняты в своем колхозе?

Все, что готовился рассказать Терентий Семенович, все, что надумал и сложил одно к одному за долгую дорогу, смешалось в голове, и он заговорил не так уж складно, но горячо, страстно.

— Гибриды?! — живо воскликнул Мичурин. — Вот это

интересно, рассказывайте, рассказывайте подробнее.

Нет, до собственных гибридов еще далеко. Он только подходит к азам селекционной работы. Есть годы опытничества. Испытано уже множество сортов пшеницы, сотни сортов бобовых культур — гороха, чины, сои, чечевицы. Цель? Узнать, какие сорта наиболее приспособлены к местным условиям, дают наиболее высокие урожаи. Из тысяч опытных образцов остаются сотни, десятки, наконец, единицы. Те, что способны выдержать капризы зауральской природы — зимние морозы, летнюю сушь. Пока колхоз остановился на нескольких сортах — «мильтурум 0321», «китченер», «альбидум 604», «цезиум 0111».

Близки и понятны Мичурину заботы и думы молодого полевода. Сам он, блестящий экспериментатор, не сразу пришел к тому, что не акклиматизация, не приспособление к новым условиям и новой среде изменяют растение, а гибридизация, скрещивание заставляют его изменить одни качества и приобрести другие, необходимые человеку.

— Иван Владимирович, — осмелился гость, — нам бы для колхоза ваших саженцев.

— Так о чем я толкую? — рассмеялся Мичурин. — Не пригодны они для вас. Свои надо выращивать, местные селекции разводить.

Прощаясь, Мичурин как бы подвел итог всему их трехдневному разговору:

— Не подражайте, не копируйте слепо. Спорьте со мной, опровергайте меня, даже разрушайте мой труд, наконец, — только идите дальше, ищите, не останавливайтесь!

Уезжал Мальцев без саженцев. И от этого скребло на сердце: что колхозники-то скажут, от Мичурина и без яблонь. Но желание продолжать опытничество, учиться и самосовершенствоваться овладело им как никогда. И снова возвращался мыслями к прощальному разговору: «…разрушайте мой труд, наконец, — только идите дальше, ищите, не останавливайтесь!»

«Как же так — разрушайте мой труд?! Человек создавал всю жизнь, у него ничего нет дороже этого труда и — разрушайте, если надо… Разрушайте, чтобы идти дальше!» И вдруг осязаемым, предельно ясным становится смысл сказанного Мичуриным. Эта мысль будет теперь сопровождать Мальцева всю его жизнь. А когда он открытиями своими выступит против общепризнанных авторитетов и утвердившихся мнений, первым поддержит его Иван Владимирович Мичурин. В самую отчаянную минуту он заговорит с учеником тихим голосом той давней встречи в цветущем саду.

…Который вечер пишет Терентий Семенович статью. Теперь

он разговаривает с колхозниками всей страны. Скоро должен собраться Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников, и он понимает, как важно обсудить вопросы опытничества.

> «Взглянув на карту СССР, вы легко найдете в Курганской области, в долинах тех речушек, которые впадают в реку Тобол, Шадринский район. Здесь я занимаюсь опытной работой… Я вел опыты еще единоличником, — продолжает он свой бесхитростный рассказ. — Моя работа упиралась в потолок единоличного хозяйства… В колхозе потолок выше, масштабы несравнимы… Вижу результаты своей работы в сроках выполнения хлебопоставок, в завоевании добавочного урожая. В каждом снопе вижу плоды своих трудов, в каждом зерне — урожай моих мыслей».

Так писал Мальцев в первой своей журнальной статье. И снопы, и зерна давались нелегко. Колхоз «Заветы Ленина» первым в области занялся семеноводством. Это не было обязательным. И за семенную пшеницу не платили дороже обычной, какую сдавали в «Заготзерно». Работы же с ней было много, и везти сдавать ее надо дальше. Интерес один — польза общему колхозному делу.

— Терентий Семенович! — Торопливый, испуганный стук в окно. — «Цезиум» спасать надо, на элеватор увезли!

— Как на элеватор?!

Полуодетый, без обуви выскакивает за дверь и бежит по дороге на Шадринск. Не помнит, как отмахал восемнадцать верст, не чувствуя ни усталости, ни ночного холода. Одна мысль билась: успеть, предупредить, чтобы не ссыпали зерно в общую кучу. Подводы не догнал. Бросился к секретарю райкома партии домой. Поднял его среди ночи и вместе прибежали на элеватор. Нашли мешки с семенным зерном и попросили рабочих поставить их отдельно и не трогать, пока утром не разберутся.

Так случалось не раз. Но бессильны любые попытки затормозить развитие колхозов. Крестьяне на практике убедились в преимуществах коллективного хозяйствования. По семь килограммов зерна получили они на трудодень уже в четвертом году существования артели, а на прибыль, которая поступила в колхозную кассу, купили два грузовика.

Два грузовика! Их украсили красными лентами и с музыкой, песнями поехали мальцевцы в город смотреть кинофильм о Владимире Ильиче Ленине. А на другой день в клубе — собрание колхозников-ударников.

Члены артели избрали делегатом на Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников полевода Терентия Семеновича

Мальцева. Спустя месяц он в составе делегации от Челябинской области ехал в Москву. Было их тридцать пять человек. В первый же вечер собрались вокруг гармониста — развеселого паренька с Челябинского тракторного. Как рванул он удалую «Уральскую» — сразу заходили в пляске ноги. А потом пели: «Наш паровоз, вперед лети», «Как родная меня мать провожала», «Прокати нас, Петруша, на тракторе». Песни все в лад настроению, горячему времени, новой эпохе.

Вот и Москва. Мальцеву приходилось уже бывать здесь однажды, но только проездом. Год назад его приглашали в Ленинград, на совещание в Институт растениеводства. Сейчас же несколько дней предстоит в столице быть. Куда первым делом? К Ленину, на Красную площадь.

Стоял на серой брусчатке площади вместе с такими же, как он, колхозниками и понимал, что нет на всей земле более святого и дорогого его сердцу места. Он стоял и ждал, когда стрелки часов на башне приблизятся к десяти и из ворот Кремля выйдут часовые на смену караула. Февральский холодный ветер прошивал колючими снежинками не новую одежду, но он ждал и не ощущал холода. Он разговаривал с Лениным…

Светло в огромном зале от электрических огней. Людской поток захватывает, несет по широким лестницам.

— Товарищ, вы откуда приехали?

— Знакомьтесь, товарищи колхозники, героиня труда Мария Демченко!

— Тракторов, говорят, скоро тьма будет. Это вам не на быках пахать!

Челябинская делегация вся в сборе. Пришли пораньше, нашли обозначенные в приглашениях места. Терентий взволнован. Ему уже приходилось выступать на представительных совещаниях, но на таком — Всесоюзном — впервые. Это, значит, перед всем народом говорить будет. Речь готова, не одним днем обдумана, осмыслена. Он теперь крепко уверен: хорошо поставленное семеноводство повысит урожаи. Говорят в народе: «Из худого семени не жди доброго племени». А чего доброго ждать, коли сдают сначала зерно по плану хлебопоставок, а уж потом, что останется или не останется — на семена.

Еще раз пробежал глазами тезисы выступления. Кажется, все важно: получение высоких и устойчивых урожаев, организация хат-лабораторий, введение правильных севооборотов, выделение семенных участков. А главное, самое главное что? Да, колхозное опытничество, его развитие, совершенствование. Необходимо, чтобы на помощь практике земледелия пришла наука. Прямая связь опытничества с наукой.

Он чувствует, как сразу обретает спокойствие и уверенность. Вот-вот за следующим выступающим назовут его фамилию. Туже, на последнюю пуговицу, застегивает воротник сатиновой косоворотки, отчего улыбчивое лицо его становится строже. И, не стесняясь, что нелепыми кажутся на ковровой дорожке подшитые пимы, идет к трибуне. Зал слушает внимательно, что-то записывают в блокнотах члены президиума.

Вечером в гостинице делегаты съезда бурно обсуждали выступления своих товарищей. В комнаты, где жили челябинцы, без конца стучали гости: «Нам бы с товарищем Мальцевым поговорить!» До утра рассказывал первый в стране колхозный опытник, чем занимается их хата-лаборатория, какие сорта испытывает и какие результаты получает.

Минет после этого волнующего съезда колхозников-ударников много лет, пронесется много событий, и снова соберется такой съезд, третий по счету. Право открыть его будет предоставлено старейшему полеводу страны, почетному академику Терентию Семеновичу Мальцеву. Он будет всматриваться в зал и найдет там немногих своих ровесников. Потому что пройдет тридцать пять лет…

ПУТЬ В НАУКУ

Писатели, исследователи, журналисты, перу которых принадлежат многочисленные статьи и немногие книги о жизни и труде Терентия Семеновича, не раз пытались дать определенный ответ на вопрос: когда, в какой момент Мальцев перешел грань, отделяющую колхозного опытника от ученого?

Когда впервые взял в руки «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и через философские законы, как сквозь сильную лупу, посмотрел на окружающий его мир природы? Или когда после нескольких лет полного доверия к учению Вильямса о травопольной системе обнаружил противоречие между положениями, высказанными авторитетнейшим в сельскохозяйственной науке ученым, и собственными заключениями? А может быть, поводом к глубокому поиску истины послужил пробный посев пшеницы по не вспаханному, а лишь продискованному полю?

Было бы ошибочным называть какую-то определенную дату рождения Мальцева как философа земледелия, создателя системы безотвальной обработки почвы. Он шел к этому через вековой опыт крестьян своего села, через анализ собственного опыта хозяйствования на единоличном наделе земли и на колхозном поле. Это была его школа начальной грамоты. А тридцатые годы, когда он, не отрываясь от земли, впитывал книжные знания, стали его университетами.

Изучением философии он занялся сразу после Второго Всесоюзного съезда колхозников-ударников. Во время одного из перерывов к делегации уральцев подошел известный тогда в стране агроном и ученый Трофим Денисович Лысенко.

— Товарищ Мальцев, ваше выступление прозвучало интересно. Мы, ученые, тоже за связь науки с производством. Есть к вам ряд вопросов и советов.

Они отошли в сторону, встали у колонны.

— Если вы серьезно собираетесь заниматься наукой, вам необходимо начать с изучения трудов великих философов и биологов.

— Трофим Денисович, — запнулся Мальцев, мучительно краснея. — Мне ведь даже в школе не пришлось учиться, самоучка я, а уж сорок лет нынче будет.

— Да, вам будет трудно, очень трудно. Но без знания философии вперед двигаться невозможно. Не отступайте, если что не поймете, читайте снова и снова, вдумывайтесь, постигайте своим умом, и вы будете видеть дальше и глубже. — Заметив, как

взволнован и растерян собеседник, Лысенко ободряюще положил руку ему на плечо. — Решайтесь. Для начала я напишу вам список необходимой литературы.

Домой со съезда возвращался Терентий Семенович со связкой книг, в поисках которых побывал в магазинах и у букинистов. Были среди них — «Диалектика природы» и «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, труды Дарвина и Тимирязева, австрийского натуралиста Менделя. Семь книг, привезенных из Москвы, положили начало многотысячной впоследствии мальцевской библиотеке.

Вверху связки была книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ее Терентий Семенович стал читать в первый вечер, как приехал, а осилил только весной, прочитав шесть раз подряд, выискивая в словаре непонятные слова и читая одновременно популярное изложение ленинской теории материализма в брошюрах для самостоятельно изучающих философию. Так овладевал он методом марксистско-ленинской диалектики — ключом к познанию законов развития природы и общества.

В это же время, а точнее — в начале апреля тысяча девятьсот тридцать пятого года, в Москву, в сельскохозяйственную академию была приглашена делегация колхозников-опытников Челябинской области. Здесь и состоялась встреча с академиком Василием Робертовичем Вильямсом. Плохо чувствовавший себя после перенесенной болезни, ученый говорил с трудом. Больше слушал и просил рассказывать, как опытничают на колхозных полях, в чем требуется помощь ученых. Рассказывал о своей хате-лаборатории и Терентий Семенович.

— На десяти гектарах ведем научные работы. Испытываем более двухсот сортов пшеницы, по нескольку сортов ячменя, гороха, чины, вики. На отдельных участках урожай бывает до двадцати пяти центнеров с гектара… Какие опыты проводим? — догадывается о сути вопроса академика Мальцев, видя, как лицо Вильямса болезненно подергивается. Ученый успокаивается, слушает, прикрыв рукой глаза и наклонив тяжелую большую голову. Его мозг деятельно работает, впитывая в себя и давая новый разбег мыслям, предложениям, поискам колхозников.

— Скрещиваем яровые пшеницы, произраставшие ранее в различных климатических и почвенных условиях, — продолжает рассказ Мальцев. — Испытываем гибриды разных поколений и комбинаций, а также озимые пшеницы — на зимостойкость, засухоустойчивость, урожайность.

Голос рассказчика становится тише: он видит, как утомлен больной академик длительной беседой. Гости тихо выходят из

кабинета.

Мальцев долго не может успокоиться.

— Жаль, помешала болезнь поговорить, а край как надо было от него самого услышать о значении травяного поля в севообороте. Кое-где колхозы уже перешли на десятиполку и два поля засевают многолетними травами.

Читал Терентий Семенович у Вильямса о том, что однолетние сельскохозяйственные растения не в состоянии накапливать в почве органические вещества. И пока что принимает на веру категоричное и безоговорочное:

> «…у сельского хозяйства выбора нет. Имеется только один способ решения задачи — культуру однолетних растений время от времени нужно прерывать культурой многолетних травянистых растений… Мы вынуждены необходимостью, ибо мы не располагаем сейчас иными способами создания прочности почвы, прочности комковатой структуры».

Колхозник-опытник, делающий в науке первые шаги, не мог не поверить крупнейшему ученому авторитету, и это не было ни виной его и ни бедой, ибо требовалось время, чтобы проверить, осознать и опровергнуть ошибочность травопольной системы земледелия. Мальцев придет к этому не сразу, через десять лет после того, как убедит колхозников и введет десятиполки с многолетними травами. Надежды на повышение урожаев не оправдаются. И Мальцев начнет искать иные исходные данные для создания в почве органического вещества — главного элемента почвенного плодородия. Как ни странно, на опровержение тезиса Вильямса его натолкнет мысль самого академика. Не единожды вчитываясь в его труды, вдруг увидит, что Вильямс, при всей категоричности собственных выводов, оставил широкий коридор для идущих следом:

> «…но пределы развития науки, пределы нашего познания законов природы и возможности их регулирования остаются по существу безграничными: поэтому влияние ограничивающего фактора на данной стадии развития науки и техники есть процесс исторического порядка, который возможно и должно преодолевать».

Это будет поддержка учителя ученику, дружеское рукопожатие, которое Мальцев пронесет через годы тревог, размышлений и опытничества, неустанных поисков, непонимания

со стороны многих ученых и в конце концов — признания.

В тридцать девятом году открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Она подводила итог десятилетию, в котором крестьяне окончательно повернули от мелкого единоличного хозяйства к крупному коллективному — на путь социализма.

Два года боролись колхозники артели «Заветы Ленина» за право участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. И вот колхоз-новатор, инициатор развития опытничества в сельхозартелях, — участник главной выставки страны. В павильонах «Сибирь» и «Зерно» рассказывают о нем красочные стенды.

В павильоне «Сибирь» через всю стену слова Максима Горького:

> «Была раньше Сибирь каторжная, необъятный край необъятного горя, край кандалов и смертей. Сейчас есть обновленная колхозная земля, Сибирь советская, край социалистического созидания».

Гости толпятся у стендов: механизация сельского хозяйства в тысяча девятьсот десятом году и вооруженность колхозной деревни в тридцать восьмом. С одной стороны — деревянный плуг, борона, соха. С другой — модели тракторных плуга и культиватора. Рядом с панно, где светятся золотом колосья пшеницы, лежит книга-рапорт колхоза «Заветы Ленина». Как увидели мальцевские колхозники-ударники макеты своей хаты-лаборатории, теплицы, пшеничный сноп с красной лентой, так и остались до вечера в этом павильоне, помогая экскурсоводам рассказывать о родном колхозе.

На другой день делегация пришла в павильон «Зерно». Из зала в зал переходили группы посетителей. Шадринцы — полевод Т. С. Мальцев, доярка В. В. Беляева и счетовод А. К. Карандашев — подолгу стояли у стендов, читали о передовом опыте лучших артелей страны. В центре зала науки установлены портреты ведущих опытников страны. Терентий Семенович не раз уже встречался с ними — Лысенко, Осипов, Мусийко, Серов…

— Терентий Семенович, — трогает за рукав Беляева, — смотрите, и ваш портрет.

— А похож-то как, а, Терентий Семенович, — радуется Карандашев и читает громко: «Талантливый самоучка, достигший высот науки»…

— Тише, товарищи, тише, люди смотрят, — останавливает спутников Мальцев. От смущения не знает, куда деть руки. Тут же

спохватывается, как бы чего не упустить. Достает из-за голенища тетрадь и записывает данные, вычерчивает таблицы: где еще почерпнешь столько ценного практического опыта? Сам он хочет добиться, чтобы и на засоленных почвах, а их за Уралом немало, можно было выращивать пшеницу и получать высокие урожаи.

Огромен размах работы колхозной хаты-лаборатории: тысячи полевых делянок, более двух тысяч вегетационных сосудов. Но деятельность опытников не ограничивается селекцией и семеноводством. Главная забота — создать образцовый порядок на полях всего колхоза. А трудностей немало. Не хватает техники. Только пятьдесят рабочих лошадей осталось в артели: лучших коней отправили на лесоразработки для строек Урала. Шадринская МТС пока бедна, едва ли не самая бедная в области. И все-таки в «Заветах Ленина» — лучшие урожаи, введены и строго соблюдаются правильные севообороты. Нашел колхозный полевод и эффективный способ борьбы с овсюгом.

Работой полевода интересуются в наркомате земледелия, знают о нем в Центральном Комитете партии. Весна тридцать девятого года. Терентия Семеновича вызывают в Москву, к секретарю ЦК партии товарищу Андрееву.

— Давайте знакомиться, Терентий Семенович, — вышел из-за стола Андрей Андреевич. — Сколько вам лет? Да мы одних годочков, — засмеялся. — А у вас ни одного седого волоса нет. Взгляните-ка у меня! — наклонил сильно поседевшую голову. Потом выпрямился, прошел по кабинету. Остановившись перед гостем, снова засмеялся. — Да вы садитесь, разговор у нас долгий и серьезный.

Развертывая перед Мальцевым программу развития зернового хозяйства страны, Андреев особенно выделял улучшение земледелия на востоке, советовался, можно ли расширять озимые посевы.

— Можно-то можно, — соглашался Мальцев. — Мужики у нас завсегда сеяли рожь под зиму, на случай недорода пшеницы. Худо-бедно, а рожь все равно вырастет. Хоть и невелики урожаи, а не без хлеба. Сеять опять же не весной и поспевает рано, с уборкой управляться легче.

Он понимал заботу партии и правительства о расширении посевов в Сибири. На западе все больше сгущались тучи, международная обстановка накалялась. Нужно быть готовыми ко всему, нужно быть с хлебом.

— Просьба большая, Терентий Семенович, — сказал, прощаясь, Андреев. — Поживите в Москве несколько дней. Комнатка для вас есть в общежитии. И каждый день пишите, что, по вашему мнению, надо делать в первую очередь. Важно это.

Материалы готовим для доклада на XVIII партконференции.

Общежитие, где Терентию Семеновичу отвели комнатку, находилось неподалеку от зоопарка, ему хотелось сходить туда, посмотреть на диковинных зверей. Решил, что, как закончит писать, устроит экскурсию. Писал же до самого отъезда, забыв про зоопарк. Мысли, которыми делился в небольших статьях, опубликованных ранее в журналах «Колхозник», «Колхозное опытничество», «Яровизация», «Колхозный бригадир», в газете «Челябинский рабочий», теперь приобретали обобщенную форму и масштабность, выводы и наблюдения подтверждались практическими результатами.

…В январе тысяча девятьсот сорок первого года в газете «Социалистическое земледелие» Мальцев писал:

> «Мое искреннее желание — показать подлинную силу советской передовой науки, чтобы ее достижениями можно было любоваться на необозримых полях наших колхозов».

…Минула последняя предвоенная весна. На фронт из села Мальцево, как и из других сел, ушли почти все мужчины. Терентий Семенович и Татьяна Ипполитовна проводили старшего сына Константина. Исполнилось Косте девятнадцать, закончил десятилетку и собирался учиться на агронома. Но вместо хлебного поля выпало ему поле брани. Письма от Кости приходили редко. Возвращаясь вечерами домой, Терентий Семенович с немым вопросом вскидывал на жену синие глаза. И по обострившимся скулам, по темным запавшим глазам без слов понимал, что нет весточки от Костюши. Шершавой потрескавшейся ладонью гладил вздрагивающие плечи жены:

— Крепись, Татьяна Ипполитовна, крепись, мать!

Она крепилась и ни разу не проронила слезу при детях и муже. Только стала молчаливее прежнего. Младшие — годовалая Лидушка и трехлетняя Валюшка да присматривающая за ними Аннушка только и видели мать поздно вечером, когда приходила она из бригады. Старшие Саввушка и Васятка, сделав уроки, бежали на поле помочь матери. Татьяна Ипполитовна узнавала их издали, вдруг сердцем угадывала: «С письмом бегут». И замирала вся.

— Читай, Саввушка, читай! — женщины окружают ребят плотным кольцом, садятся в полосе на примятую траву, слушают:

> «На сегодня обстановка самая тяжелая и напряженная, какую когда-либо переживала Россия, облегчения не предвидится. Наоборот, настоящая война

впереди. Это будет война, когда Красная Армия от обороны перейдет в наступление. Так что на нашу долю выпадет львиная доля войны, которую мы должны перенести. И кто может знать, придется или нет мне встречать двадцать пятую годовщину Октября, придется или нет когда-нибудь бывать на родине, встретиться с вами?..»

Срывающимся от волнения то высоким мальчишеским, то глухим до хрипоты голосом младшего брательника разговаривает с родными Костя.

Неслышно, без всхлипов и причитаний плачут женщины, солеными горошинами падают слезы на заветренные потрескавшиеся руки. Всем он сейчас любимый сын и брат, верный защитник, и нет дороже известия, что жив, что не пропустит врага к Москве.

Отдельно пишет Костя для Саввушки. Брат читает письма по многу раз, носит в школу и на ферму, где помогает колхозницам; на ночь кладет под подушку.

…«Жизнь, Савва, это сложная вещь. Нам с ней по существу еще не приходилось встречаться. Когда тебе придется встретиться с жизнью один на один, тогда ты поймешь и узнаешь очень многое, что можно делать и чего нельзя… Где бы ты ни был, мысль о родителях нужно носить всегда глубоко в своем сердце и с этой мыслью тебе будет легче переносить все тяготы и трудности, которые будут встречаться в жизни… Ты должен знать, что в труде единственное утешение человека. Только в труде рождаются замечательные люди… Скоро, Савва, я отправлюсь на фронт защищать нашу с тобой Родину. Прощай, мой дорогой брат. Желаю тебе счастливой жизни, желаю уважать и любить папу, маму, своих братьев и сестер. Твой старший брат К. Мальцев».

Савва младше на четыре года. Но война уравняла братьев в понимании долга перед Отечеством. Подростки, почти дети, рано взрослели, оставаясь за старших в доме и в поле. Только матери знали, как мало им лет.

Письма с фронта приходили не часто. Бои, госпиталь, снова бои… Старая добрая бабушка Капитолина, дальняя-предальняя родственница, прибившаяся к семье Мальцевых, все глаза проглядела, ожидаючи почтальоншу. Едва показавшись в глубине проулка, та махнула рукой.

— Отдала почту в конторе хозяину! — и пошла с обтрепанной черной сумкой через плечо к следующему дому.

— Господи, пронеси беду! Господи, сохрани и спаси! — бабка Капитолина сухими губами шептала молитву. Не видела, как вышел из конторы Терентий Семенович, направился к дому, остановился в замешательстве и круто повернул за околицу. Он шел все быстрее, потом побежал и, когда кончилось дыхание, упал в придорожную траву. Сил не было, чтобы подняться, но нужны были силы, чтобы жить. Там, в конторе, на людях он не распечатал письмо, в бестелесной тонкости казенного конверта сразу почуяв непоправимую беду.

«Тростянец, Тростянец… Нет больше старшего сына, нет любимого Кости. Что же ты делаешь, проклятая война?

Наберись мужества, отец! Убитый сын говорит тебе, слышишь? Убитый сын требует мужества!»

Поздно вечером вернулся Терентий Семенович домой. Молча прижал к себе ребятишек, погладил по голове Савву, сел у печи.

— Чайку бы мне погорячее.

И больше не проронил ни слова. Тяжело вздохнула и затихла на печи бабка Капитолина.

Всю ночь Терентий Семенович пролежал с открытыми глазами, и прошла перед ним короткая жизнь Кости с самого рождения до последнего страшного письма, и в ней он уже ничего не мог переделать. Утром встал перед женой на колени. Никогда в жизни — ни до этого горького часа, ни после он не испытывал перед ней такой огромной вины, как сейчас.

— Наберись мужества, Татьяна Ипполитовна, наберись мужества. Наш сын…

Татьяна Ипполитовна не дала ему договорить, зажала сухой горячей ладонью рот, забилась подстреленной птицей.

Через несколько дней проводили на фронт Савву. Шел август сорок третьего года, и оставались непройденными еще долгие версты войны.

Горе ломало, но не сломило Терентия Семеновича. Сколько хлеба требует война! И он продолжал научные поиски, не удовлетворяясь тем, что колхоз получает самые высокие в районе урожаи. А другие артели? А область?

В декабре, когда фашисты рвались к Волге, в Москве, в Центральном Доме работников искусств на Пушечной улице, состоялась сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Участвовал в ее работе и Терентий Семенович. Вопросы обсуждались в соответствии с военной обстановкой. Как обрабатывать весной поля, не вспаханные с осени? Как провести сев в сроки, наилучшие в данных климатических и хозяйственных

условиях? Как сохранять в почве наибольшее количество влаги и избавляться от сорняков? Кое-какие рекомендации Мальцев высказал здесь же, на сессии. И поставил себе цель — как можно скорее ответить на эти вопросы определенно и практически.

Весной он выбрал сильно засоренный овсюгом участок из-под яровой пшеницы и разбил его на девять делянок. Первые две вспахал на глубину двадцать сантиметров, третью делянку — всего на четырнадцать сантиметров. Другие обработал по-разному: дисковой бороной, пружинным культиватором, бороной «зиг-заг». Две делянки просто продисковал и заборонил, а одну оставил совершенно без обработки. В различные сроки, со второго по двадцать шестое мая, посеял пшеницу. Погода в то лето стояла как обычно: с начала мая и до последних дней июня — сухая, в июле и августе выпадали дожди. Наблюдая за развитием пшеницы на каждой делянке, Терентий Семенович получал наглядные ответы на вопрос, как можно получить богатый урожай на сильно заовсюженной стерне, не вспаханной с осени, а из-за чего можно остаться и без хлеба.

Совершенно неожиданный результат дала восьмая делянка, которая была не пахана, а лишь продискована конной дисковой бороной в два следа — тридцатого апреля, затем двадцать пятого мая — и засеяна двадцать шестого мая. Прекрасные всходы пшеницы стойко перенесли засушливый период и дали по девятнадцать с половиной центнеров зерна с гектара. Значительно больше, чем по свежей вспашке.

«Так, — отмечал полевод. — Семена пшеницы здесь легли на влажную, уплотненную постель, а сверху были прикрыты хорошо разрыхленным слоем земли. Проросший после дискования овсюг уничтожен вторым дискованием. Влага в почве хорошо сохранилась».

О своих размышлениях над результатами опыта Мальцев рассказал в февральском номере журнала «Колхозное производство» за сорок четвертый год. Статья называлась: «О борьбе с овсюгом и агротехнике весеннего сева». А затем он снова и снова возвращается к опыту, самим же названному случайным, чтобы четче определить весеннюю тактику и стратегию, умело использовать климатические условия весны и лета. И в определении путей получения высокого урожая будет медленно, в сомнениях и поисках вызревать главная мысль — непаханая земля родит хороший хлеб. Почему такое возможно? Каковы причины? Какими должны быть агротехнические приемы в данных природных условиях?

Если об урожае, полученном с непаханого участка, он сказал как о результате случайного опыта, то слова «агротехника

весеннего сева» отнюдь не случайно стали названием журнальной статьи. Уже в начале сороковых годов они как нельзя лучше определили главную, стратегическую линию опытничества Мальцева. Именно агротехника весеннего сева решала судьбу урожаев на шадринских землях. И один из приемов ее — выбор оптимальных сроков сева.

Не раз случалось: весной колхоз и район затягивают сев, последними в областной сводке числятся. За это подвергаются резкой критике. А осенью — первые места по урожайности, хвалят, премируют. Больно переживает такую непоследовательность колхозный полевод, но линию держит крепко, веруя в то, что рано или поздно его поймут и поддержат большие ученые. Кажется, можно бы довольствоваться достигнутым: он признанный авторитет в зауральском земледелии, орденом Ленина награжден, избран депутатом в Верховный Совет СССР, удостоен звания лауреата Государственной премии СССР — почет, уважение… Но нет довольства и нет успокоенности. Дальше, смелее направляются мысли и действия: земля за Уралом может давать стране значительно больше хлеба.

— Дайте нам тракторы!

Терентий Семенович приглашен на Пленум Центрального Комитета партии. В Москве он заходит к министру сельского хозяйства Бенедиктову.

— Нечем работать на полях, запущены, засорены. Помогите.

— Не можем дать тракторов, не хватает их стране. Понимаете, послевоенные трудности. Потерпите.

— Понимаю. Но выделяете же технику для Алтая, к примеру.

— Алтай дает хлеб.

— И мы дадим, если у нас будет техника.

С трибуны Пленума Мальцев высказал свои предложения о введении в Зауралье принципиально новых агротехнических приемов. Вместо отведенных по регламенту пятнадцати минут, увлекшись, говорил сорок. Президиум и зал слушали с огромным вниманием.

— Наличие двух сортов яровой пшеницы — раннеспелого и позднеспелого необходимо для обширного лесостепного Зауралья с часто повторяющимися засухами… Нельзя по шаблону устанавливать сроки обработки земли и сроки сева в целом для всей области. Отсеяться-то можно и в назначенный срок, а не пострадает ли главное дело? И просьба: дать возможность колхозам проявлять инициативу и определять тактику полевых работ, исходя из сложившихся условий, поднять ответственность за урожай в каждом хозяйстве.

Говорил о необходимости расширения посевов яровой пшеницы, защищал пары, которые за годы войны сильно потеснила рожь, дававшая из-за суровых и малоснежных зим скудные урожаи. И о большой нужде в технике.

— А сколько нужно тракторов, товарищ Мальцев? — спросил из президиума Сталин.

— Пятьсот!

— А еще что нужно?

— И за это спасибо, товарищ Сталин!

…Область получила пятьсот тракторов, причем половину — уже к весне. Ожили, загудели поля. Но борьба не закончилась, она продолжалась, и чем принципиальнее вопрос — тем яростнее схватка. Нет, не только капризы погоды и небогатые земли противостояли Мальцеву и его единомышленникам. Сталкивались мнения и точки зрения, характеры и авторитеты.

— Вы, товарищ Мальцев, не согласны с партийной установкой по срокам сева?

— Я против шаблона.

— А статья в газете «Не в ладах с агротехникой» вас не трогает?

— Журналист не разобрался, не понял.

— Может быть, вы возьмете небольшой участок, вырастите рекордный урожай и тогда — Звезда Героя.

— Не хочу незаслуженной славы.

— Что же вы хотите?

— Чтобы не мешали работать и с севом не торопили.

— Да глядя на вас, товарищ Мальцев, и другие выжидают!

— Верно делают. Только надо всей нашей агротехники придерживаться, иначе толку не будет. Особенно важны приемы обработки почвы.

…Нужны плуги без отвалов, дисковые лущильники, бороны лапчатые, кольчатые валки. Много ли намастеришь в кузнице? А заводам сельскохозяйственного машиностроения не планируют производство новых орудий: не признаны, не утверждены… В Челябинске, в Одессе, в других городах идут навстречу колхозному ученому. Что-то делают сверх плановых заказов, где-то идут на нарушения инструкций — а сколько времени, нервов…

Казалось, состоявшийся в феврале тысяча девятьсот сорок седьмого года Пленум ЦК, принявший постановление, во многом способствующее развитию инициативы на местах, поможет колхозным опытникам действовать смелее. Но велика была сила инерции, директивы сверху по-прежнему спускались без учета местных условий. Как это ни странно, но именно в сорок восьмом году мальцевские опыты на полях пережили трагические дни.

Обвиняя колхоз «Заветы Ленина» в нарушении агротехнических правил и срыве весеннего сева, областные и местные руководители предписали немедленно посеять пшеницу — в указанные ими сроки. Мальцеву удалось отвоевать лишь поле в сто семьдесят гектаров.

Эти гектары ему дорого стоили. Твердо решил: под трактор лягу, а сеять по пару, пока сорняки не вылезут, не дам. А в самые напряженные дни сломался единственный мощный трактор.

— Ну, теперь нас голыми руками возьмут, — тяжело опираясь на стол, проговорил председатель. — Без трактора в наши сроки теперь не уложиться, а затянем — землю иссушим, без урожая останемся. И так плохо, и этак не лучше…

В ту же ночь Терентий Семенович выехал в Челябинск за деталью для трактора. По пути на вокзал зашел к другу, ответственному районному работнику Леготину.

— Василий Андронович. Прошу как коммунист коммуниста. Сохрани до моего приезда пары!

Вернувшись через несколько дней из Челябинска, Мальцев увидел паровое поле с проклюнувшейся щетиной овсюга, исхудавшего, с воспаленными глазами Леготина, который стерег поле, готовый прикрыть его своим телом. Они крепко обнялись.

— Успокойся, Терентий Семенович, теперь все в порядке будет.

— В порядке? — Мальцев поднял голову, и глаза его, в которых только что сквозила обычная человеческая слабость, потемнели от гнева. — А те триста восемьдесят гектаров, что без нашего ведома засеяны?! Как пойдут хлеба в рост, так и сгорят, не дождутся июльских дождей… Ну, вот что, — оборвал он себя. — Доказывать так доказывать!

Утром Терентий Семенович встал, как обычно, рано, попросил у Татьяны Ипполитовны чистую белую рубаху. Жена хотела спросить, что надумал, но не осмелилась, бросилась к сундуку.

— Ежели кто спросит, так в поле я.

Она молча кивнула. Стояла у раскрытой двери, пока за соседними домами не скрылась прямая, обтянутая холщовой рубахой спина мужа. «Знать, что-то надумал, на что-то такое решился», — поняла Татьяна Ипполитовна, терзаясь переживаниями мужа.

Терентий Семенович тем временем запряг пару лошадей в конный лущильник и выехал за село, к тому злополучному полю в триста восемьдесят гектаров, на котором изумрудные всходы пшеницы густо переплелись с овсюгом. Сердце его сжалось от боли, но как только лущильник пошел, оставляя за собой свежую

полосу, его целиком захватила остервенелая радость настоящей работы: вот сейчас бы самое время сеять. К вечеру все поле было исполосовано крест-накрест. А утром он заново посеял по полосам ту же пшеницу — «лютесценс 956».

Уже к концу июня на поле было жалко смотреть: рано посеянная пшеница страдала от сорняков и недостатка влаги. Слабая, пожелтевшая, она стояла горьким укором рядом с той, что кустилась и наливалась соком на пересеянных полосах. Осенью подсчитали: урожай с полос более чем в четыре и семь десятых раза превысил собранный с основного поля. Урок был весьма нагляден. Последнюю точку в разборе принципиальных разногласий между колхозом и руководителями района и области поставил Центральный Комитет партии, который увидел в позиции руководителей тормоз в развитии науки и производства.

Два документа — постановление ЦК «О руководстве Шадринского райкома ВКП(б) Курганской области сельским хозяйством района» от 10 января 1949 года и решение Советского правительства о создании в колхозе опытной станции в 1950 году — открыли перед Мальцевым новые перспективы.

Суть философии земледелия Мальцев увидел в определении условий повышения плодородия почвы и улучшения ее структуры.

Начиная с 1938 года почти тысячу гектаров в полевых севооборотах колхоза занимали многолетние травы. Такова была основа травопольной системы земледелия. Многолетние травы давали скудный урожай — всего по десять — двенадцать центнеров сена с гектара, но считалось, что именно они обогащают почву плодородием и придают ей комковатую, зернистую структуру.

— Как же так, — не раз задумывался Мальцев, — между многолетними и однолетними растениями нет никакой принципиальной разницы: те и другие, отмирая, оставляют в почве органические вещества. Однако после однолетних растений пашня быстро «выпахивается». Не в том ли секрет, что поле, занятое многолетними травами, не тревожит ежегодно плуг? Вспоминалось, как крестьяне забрасывали выпаханные земли на отдых на несколько лет. И сеяли. В естественных условиях любые растения не только не истощают почву, но и обогащают ее: вон какие богатые буйные травы, цветы в лесах, на лугах, а там ведь человек не добавляет удобрений. Но одновременно он и не трогает, не зарывает, не хоронит под пластом земли накопленные питательные вещества, части и корни отмирающих растений. Так не сами ли люди виноваты в том, что однолетние растения по общепризнанным понятиям истощают почву? Значит, надо

научиться так обрабатывать почву, чтобы и однолетние растения обогащали ее и улучшали структуру.

Это смелое открытие Мальцев сделал в то время, когда совершенно незыблемым казалось утверждение, что только многолетние травы могут улучшать плодородие, обогащать органикой почву. И вдруг — однолетние растения обладают той же способностью, если создать им соответствующие условия. Нет, он не ставил знака равенства между многолетними и однолетними травами, но… Глубоко познав материалистические законы развития природы, изучив труды выдающихся философов, биологов, богатое наследие российской агрономической науки, творчески применив методы марксистско-ленинской философии, Мальцев поставил под сомнение основы учения всемирно известного академика В. Р. Вильямса о прогрессивном наращивании плодородия почвы — травопольную систему.

В декабре месяце 1948 года во Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина Министерство сельского хозяйства по просьбе Мальцева собрало ученых. Он вышел на трибуну, положив перед собой маленькие листочки с тезисами. Собравшиеся смотрели с интересом, приготовили блокноты, ручки, В какие-то мгновения подумалось: «Записывать-то ведь нечего. Надо думать, совет держать».

Почтительная тишина стояла лишь первые несколько минут, пока он рассказывал, как поверил утверждению Вильямса, как внедрял в колхозе десятипольный севооборот и убедил колхозников в полезности посевов многолетних трав.

Но вот прежде спокойный плавный голос оратора стал заметно усиливаться, будто от нетерпения. И правда, хотелось скорее высказать наболевшие, измучившие его думы.

— Мы считаем, что вопрос о способности однолетних растений повышать плодородие почвы — это главнейший вопрос в агрономической науке.

В зале нависла готовая вот-вот взорваться тишина, но голос звучал уверенно, напористо, ошеломляя противоречащим основам основ новым суждением:

— Однолетние растения по их свойствам, при определенных условиях, а именно: при новых агротехнических приемах обработки, суть которых в чередовании глубокой безотвальной вспашки с дискованием, — могут обогащать почву органическим веществом и перегноем, могут воссоздавать структуру почвы и, следовательно, повышать ее эффективное, а вместе с тем потенциальное плодородие.

Вопросы посыпались градом:

— Однолетние?

— Какие определенные условия?

— Не пахать? Как то есть не пахать?

Да, нужно было обладать смелостью и даром научного предвидения, партийной и научной принципиальностью, непреклонной решимостью, чтобы отстоять и доказать правоту своих взглядов. Терентий Семенович обладал этими чертами характера, а теоретические выводы его подтверждались практическими результатами на колхозных полях.

Позднее он узнал, что еще в начале века агроном И. Е. Овсинский, а в сороковых годах американский фермер Э. Фолкнер считали плуг и глубокую вспашку главными вредителями и разрушителями почвенного плодородия, и искренне пожалел: познакомься он с трудами этих земледельцев и их идеями раньше, насколько бы быстрее мог решить свою формулу новой системы обработки почвы. По просьбе Терентия Семеновича «Безумие пахаря» Э. Фолкнера было переведено на русский язык и издано массовым тиражом.

…В 1956 году Всесоюзная академия сельского хозяйства имени Ленина избрала Мальцева почетным академиком.

Прошло еще несколько лет, и в семьдесят втором году полевод колхоза «Заветы Ленина», почетный академик ВАСХНИЛ Терентий Семенович Мальцев был удостоен премии имени известного советского ученого В. Р. Вильямса и награжден памятной золотой медалью.

Человек, немало сделавший для развития идей своего учителя, глубоко уверен: проживи Вильямс хотя бы еще немного, — он бы сам обнаружил ошибочность некоторых своих взглядов. Потому Мальцев и считает, что лишь выполнил долг.

СТРАНИЦА ЦЕЛИННОЙ ЭПОПЕИ

10 ноября 1983 года Терентию Семеновичу исполнилось восемьдесят восемь лет. Прекрасна его старость: в полном здравии, в народном признании, в постоянной занятости главным своим хлеборобским делом и общественной деятельностью. Дом полон гостей. Горяч и душист «мальцевской» заварки чай, нетороплива беседа. Именинник шутливо обижается на возраст:

— Все жду, когда обратно начнут годы отсчитываться и снова до молодости дойдут. Да что-то незаметно пока. — И продолжает уже не шутейно: — А все-таки мало человеку на земле отпущено. Только накопит опыт, осмыслит все, в силу войдет, а его уж старость подстерегает, уходить торопит. Этак бы лет двести веку, а не сто — насколько бы обогатилось человеческое общество! А что? Наука еще достигнет этого! — И смеется от радости за человечество.

Разговор незаметно переходит к важнейшим событиям в жизни страны. Терентий Семенович взволнованно рассказывает о встрече с ветеранами в Центральном Комитете партии, о том, что хотелось ему сказать Юрию Владимировичу Андропову, как единодушно поддерживает весь народ титанические усилия партии и правительства по обеспечению мира на земле, как горячо одобряет внутреннюю и внешнюю политику нашего государства.

— Вот вы меня сейчас поздравляете с днем рождения, — говорит он, — и мне вспоминаются слова, сказанные на этой встрече товарищем Андроповым: «…Жизненный опыт — это как бы вершина, поднявшись на которую можно лучше видеть открывающиеся горизонты. Такой опыт не притупляет, а заостряет чувство нового, без которого нельзя, невозможно решать задачи, которые ставит перед нами жизнь, практика совершенствования развитого социализма». А мне с высоты моего возраста ой как далеко видно.

Терентий Семенович и в такой день, когда бы только заслуженные хвалебные речи слушать, говорит о том, о чем болит у него сердце, — о сельскохозяйственной науке, о любви к земле, о нравственной зрелости молодежи.

Он смотрит на гостей, на детей и внуков своих, сидящих рядом, и невольно отмечает про себя: «Вот здесь бы сидел сейчас Константин. Сколько бы ему было теперь? Шестьдесят один? Неужели шестьдесят один? Так ведь сорок лет как погиб…» Он не был на могиле сына в Сумской области несколько лет. И когда приехал этой осенью, снова пережил великое горе свое, как в

прежние печальные встречи. Собрались жители окрестных сел к обелиску павших героев, и с ними ему было не так одиноко и не так больно. И самой доброй памятью о погибших за родную землю назвал Терентий Семенович хлеб — богатый вызрел хлеб на тех полях, на которых выпало им стоять насмерть.

А потом была поездка по Полтавщине, где успешно применяется безотвальный способ обработки почвы, и он видел, как радовался первый секретарь Полтавского обкома партии Ф. Т. Моргун достигнутой культуре земледелия — он тоже вложил в эти поля частицу своей жизни. Они хорошо знали друг друга, встречались не раз раньше. У того и другого была в биографии целина.

Ожили перед глазами события тех дней…

Прошло восемь лет после окончания Великой Отечественной войны. Болят еще не зажившие раны, многого недостает в стране, но нужнее всего хлеб. Все понимают: будет хлеб — будет мир, будут машины и школы, сахар и обувь и цветные карандаши для детей. Все будет.

В сентябре пятьдесят третьего и в феврале — марте пятьдесят четвертого года проходят Пленумы Центрального Комитета партии. Они ставят первоочередные задачи по дальнейшему мощному подъему всех отраслей сельского хозяйства, значительному росту материального благосостояния и повышению культурного уровня советских людей.

Чтобы решить эти задачи, нужно было резко поднять сельскохозяйственное производство, в первую очередь — зерновое. Это было возможно — за счет освоения целинных и залежных земель. В ближайшие два года в стране предстояло освоить миллионы гектаров целины.

В тревогах и беспокойстве пришла весна, первая целинная весна. Печать, радио рассказывали о создании совхозов на новых землях. Десятки тысяч патриотов по зову партии приехали в степи. Шли комсомольские добровольческие эшелоны, составы с техникой и через станцию Шадринск. В южные районы области из городов Зауралья выезжали молодые посланцы рабочего класса.

Властно звала целина и Терентия Семеновича Мальцева. Для него она была там, где он жил и работал, — на полях родного колхоза «Заветы Ленина». Не с пустыми руками встречал колхозный опытник знаменательную весну пятьдесят четвертого года. К этому времени уже сложилась, получила теоретическое обоснование и широко применялась на шадринских полях разработанная им система безотвальной обработки почвы.

В колхозе «Заветы Ленина» был некоторый опыт применения новых приемов агротехники на заброшенных старопахотных

землях.

— Если наука и практика, — думал полевод, — при соответствующей агротехнике способны повышать плодородие старопахотных земель, то почему этот опыт нельзя применить на целине?

Пустующих земель в колхозе не было, и Мальцев попросил соседей, руководство конезавода номер сто четыре обработать по его рекомендации двадцатилетнюю залежь. В августе пятьдесят третьего года одну часть массива вспахали обычным отвальным плугом, а на другой лишь поверхностный слой почвы обработали дисковыми лущильниками. Весной на опытных полях посеяли пшеницу. Редкий день не заглядывал сюда Терентий Семенович, волновался: подтвердится ли его предположение о пригодности новой агротехники на целине?

Пшеница росла хорошая на всем массиве, но на непаханой земле развивалась заметно быстрее. Анализы почвы показали, что на вспаханной части поля начался процесс разрушения органического вещества и структуры, а на взлущенной запасы органики и структура сохранились. Опыт обнадеживал, побуждал к новым поискам. Полевод решил проследить, как влияют ежегодные вспашки на почвенное плодородие и сколько лет подряд можно сеять по непаханой целине. И как это в свою очередь влияет на урожаи, засоренность и агрохимический состав почвы. Решили участки разбить на делянки и продолжать наблюдения.

Но время и события торопили. Вся страна жила освоением новых земель. Предстояло поднять невиданные площади и не ошибиться, выбрать верную тактику. Ошибки же случаются и у опытных земледельцев. Кое-где в казахстанских степях уже пронеслись над полями черные бури, жгучим песком забросали плодородную почву. Дурманом полезли сорняки. Требовалось выработать и внедрить научную систему земледелия применительно к сложнейшим природно-климатическим условиям республики. Систему, которая не только сохраняла бы, но и умножала естественное плодородие земель. Нелегкая задача. Но Казахстан, древние степи Оренбуржья и Западной Сибири должны были стать крупнейшими зерновыми районами страны.

Это и побудило Леонида Ильича Брежнева, секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана, поехать в Курганскую область, в колхоз «Заветы Ленина».

Гости приехали в двадцатых числах июля 1954 года. С Леонидом Ильичом Терентий Семенович встретился впервые, а чувство такое, будто знал его всю жизнь: такой располагающий к себе, обаятельный человек!

— Рассказывайте все, Терентий Семенович, — попросил Леонид Ильич. — Учиться мы к вам приехали. И покажите нам свои поля.

Почти пять часов ездили гости по колхозным нивам. Леонид Ильич подробно, прямо-таки дотошно расспрашивал известного колхозного опытника: о сути безотвальной обработки, о применяемой системе агротехнических мероприятий, о конструкции плугов, дисков, борон.

— Отвальный плуг, — предостерегал Терентий Семенович — главный враг степного земледелия. Максимально уменьшайте количество обработок почвы! Поднимайте целину, но потом как можно меньше ее трогайте. Непременное условие степных урожаев — пары. Не получить хлеба, если оставить целину без них.

Рассказывал полевод о неранних сроках сева, применяемых в колхозе, о борьбе с сорняками, советовал попробовать на целине их опыт и рекомендации, но одновременно искать и свое, самое приемлемое для местных условий.

Творчески подошли к опыту зауральских хлеборобов на целине, многое взяли и, борясь за устойчивые урожаи, выработали надежные методы борьбы с эрозией почвы.

Пятьдесят четвертый год стал определяющим в признании и распространении безотвальной, «мальцевской» системы обработки почвы. По решению Центрального Комитета партии в колхозе «Заветы Ленина» Шадринского района в начале августа было созвано Всесоюзное совещание по изучению и распространению передового опыта в растениеводстве. В нем приняли участие партийные и хозяйственные руководители из многих областей и краев страны, представители министерств и ведомств, ученые, практики. Интерес к новым приемам агротехники был настолько велик, что через два месяца, в октябре, состоялось еще одно такое совещание.

Никогда в село Мальцево не наезжало так много гостей. Большинство из тех, кто был в августе, приехали снова. Они помнили тогда еще не убранные тучные хлеба. Особенно поражала пшеница, посеянная на участках, где земля не пахалась три года. До тридцати центнеров с гектара собрали колхозники с этих полей, а в среднем колхоз получил больше двадцати одного центнера зерна с гектара. Для засушливого Зауралья урожай отменный.

Выступить на совещании с докладом было поручено полеводу колхоза Терентию Мальцеву. Все свои думы и мысли, итоги трудов колхозников, агрономов, сотрудников опытной станции вложил он в доклад, назвав его «Новая система обработки почвы

и посева». Наряду с другими важнейшими разделами в докладе была выделена глава «Обработка целинных и залежных земель». Терентий Семенович поделился первыми результатами опытов обработки целины и залежи, высказал свои предложения. Не обошел и спорных проблем:

— Некоторые специалисты высказывают опасение: не усилит ли ежегодное лущение поверхности непаханой почвы распыление верхнего слоя? Наши наблюдения показывают, что для таких опасений нет оснований. Мощная корневая система злаковых культур и стерня защищают почву от распыления, а следовательно, и от возможного выдувания.

Бурно и заинтересованно проходило обсуждение основного доклада и докладов руководителей секций. Сталкивались полярно различные мнения. Кое-кому опыт колхозных новаторов представлялся чуть ли не противоестественным, даже псевдонаучным, некоторым — примитивно простым. Другие одобряли и твердо отстаивали его, указывая, что мальцевская система агротехники практически с успехом работает и на науку, и на получение высоких урожаев.

Постановление совещания «узаконивало» открытие колхозного ученого:

> «Всесоюзное совещание считает прогрессивной разрабатываемую Т. С. Мальцевым систему обработки почвы и посева сельскохозяйственных культур. Эта система обеспечивает получение высоких и устойчивых урожаев и повышение плодородия почвы. Совещание рекомендует ее для широкого внедрения в практику работы колхозов и совхозов с обязательным учетом местных условий и особенностей».

Новая система обработки почвы имела огромное значение для целины. К сожалению, на совещаниях об этом говорилось мало. Вероятно, трудно было сразу определить перспективу. Сказывался не только длительный застой в развитии сельскохозяйственной науки. Как всякое новшество, мальцевская агротехника нуждалась и в понимании, и в поддержке. Дальновидными оказались немногие, среди них — директор научно-исследовательского института земледелия, впоследствии лауреат Ленинской премии А. И. Бараев. Он отметил, что исследования Мальцева и полученные им результаты уже в настоящее время дают основание к широкому внедрению новой системы обработки почвы не только в Курганской области, но и в областях с другими почвенно-климатическими условиями.

Как настоящий творческий ученый и исследователь, он понял

идею Мальцева о сохранении и приумножении плодородия целины и принял ее.

Как ни радостно было Терентию Семеновичу слышать от признанных авторитетов высокую оценку своих трудов, он достаточно объективно представлял, что революция в системе обработки почвы еще не свершилась, — она начинается. И потому кратким было заключительное слово:

— Задача повышения плодородия почвы и увеличения производительности труда в земледелии может быть решена только общими усилиями. Что применимо из нашего опыта — используйте, ищите новые пути, которые повышают плодородие почвы, повышают урожайность. Дело ведь не в Мальцеве. Дело в государственном подходе к делу, в дальнейшем развитии сельскохозяйственной науки и земледелия… Здесь поднимали вопрос: всегда ли нужно применять для поверхностной обработки земли дисковые лущильники? На Украине очень одобряют буккера. Если будет что-либо лучше, изучайте, если будут лучшие орудия для безотвальной обработки почвы — используйте их.

Щедро и искренне отдавал он людям то, чему были посвящены без остатка годы труда и забот, годы мучительных поисков истины. В своей борьбе он никогда не был одинок. И, выступая на Всесоюзном совещании с программными предложениями, хотел найти новых единомышленников, чтобы идея, подхваченная теоретиками и практиками, жила и развивалась для пользы народа:

> «Творческое обсуждение самых важных вопросов земледелия поможет найти правильное их решение. Мы приглашаем всех специалистов сельского хозяйства и колхозников осознанно включиться в дальнейшую практическую разработку новой системы обработки почвы с тем, чтобы на этой основе в ближайшее время резко повысить урожайность социалистических полей, дать больше хлеба, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов».

Вскоре партия и правительство провели ряд специальных совещаний по проблемам освоения целины. Одно из них состоялось в феврале пятьдесят пятого года в Академии наук СССР. Терентий Семенович был болен, лежал в Кремлевской больнице и прийти на совещание не мог. Но и остаться безучастным к столь важным проблемам было не в его характере. Особенно волновали дискуссии, которые и устно и в печати вели ученые-аграрники о том, как лучше распахать целину: глубоко или мелко, куда, в какой слой почвы захоронить дернину…

Большинство сходилось во мнении, что в первые годы урожаи будут высокие. А потом? Самый острый вопрос — как сохранить высокое плодородие целинных и залежных земель на длительное время и как это плодородие еще увеличить — обходили молчанием.

Мальцев направил в адрес совещания письмо, которое затем опубликовала газета «Сельское хозяйство». Целинники получили конкретные рекомендации опытного хлебороба: пахать целину плугами без отвалов и тем самым сохранить структуру почвы и гумусный слой, приготовить хороший пар без пахоты, вместо ежегодной пахоты дисковать почву. И закладывать на целине опыты, искать и отбирать самые эффективные и надежные методы обработки земли.

Интерес к предложениям Мальцева был настолько велик, что спустя две недели, в марте того же года, ему предоставили возможность снова выступить на страницах газеты «Сельское хозяйство». Статья называлась «О приумножении плодородия целинных и залежных земель».

> «…Целина — народное богатство… Надо добиваться, чтобы богатство целинных земель не уменьшалось, а увеличивалось и чтобы урожаи на них не падали, а все время росли, чтобы от роста урожаев росло и плодородие почвы».

Как настоящий ученый, он не мог жить одним днем. Его научное предвидение проникало дальше достигнутого, раздвигая все новые и новые горизонты. И как умный и талантливый полководец, он не стремился получить благополучие сегодняшнего дня любой ценой и тем более за счет завтрашнего. Поэтому-то так настойчивы его предупреждения:

> «Если будем каждый год пахать наши новые земли, то очень скоро растратим ценные их свойства и особенно скоро там, где гумусный слой невелик и где под ним близко лежит песок или какой-либо другой малоплодородный слой. Этого ни в коем случае нельзя допускать. Перемешивая каждый год дернину с песком, мы перегноя дернины скоро не увидим, а будет один песок».

Снова и снова Мальцев призывает на помощь агрономическую науку, которая, по глубокому его убеждению, должна прежде всего направить усилия на сохранение и приумножение плодородия новых земель. В распространении

полезного опыта и развитии творческих идей, разработанных в колхозе «Заветы Ленина» и на Шадринской опытной станции, многое сделали ученые Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства во главе с директором А. И. Бараевым, созданного в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году под Целиноградом.

> «Работы Мальцева вскрывают новые закономерности в почвообразовательном процессе и дают в руки практиков сельскохозяйственного производства приемы более активного воздействия на процессы, происходящие в почве, позволяют человеку дать им желательное направление… — писал Бараев в статье «Систему Т. С. Мальцева — на поля Казахстана». — В нашей республике глубокая безотвальная вспашка будет иметь еще большее значение, нежели в Курганской области. Система обработки почвы должна разрабатываться применительно к каждому полю и массиву с учетом конкретных почвенно-климатических условий. Т. С. Мальцев — враг шаблона в агротехнике».

Да, убедителен опыт Зауралья. Колхоз «Заветы Ленина» ежегодно получает высокие урожаи. Семь и более центнеров зерна с каждого гектара составляет прибавка урожая и в других хозяйствах области, применяющих мальцевскую агротехнику. В пятьдесят четвертом году зауральские колхозы и совхозы засеяли зерновыми культурами около пятидесяти тысяч гектаров по глубоким парам, вспаханным плугами без отвалов, свыше сорока семи тысяч гектаров засеяно по лущеной невспаханной стерне. Переход на вспашку без оборота пласта сдерживался нехваткой специальных плугов. Мало было такой техники и на целине, а результаты и там разительные. В Федоровском совхозе Кустанайской области на обыкновенных черноземах в пятьдесят втором году на площади сто гектаров пар был вспахан плугами без отвалов на глубину тридцать пять — сорок сантиметров. В следующем году это поле дало урожай по двадцати одному и семи десятых центнера яровой пшеницы, а остальные пары — лишь по четырнадцати и семи десятых центнера с гектара. Исследования по применению новой агротехники на различных почвах и под разные культуры показали и значительное увеличение урожаев картофеля, овощных и бахчевых культур, риса, люцерны. И не случайно в основу рождающейся на казахстанской целине почвозащитной системы земледелия и борьбы с эрозией почвы легли приемы мальцевской агротехники.

В нашей стране и за рубежом все более ширилось применение

агротехнических приемов возделывания земли, разработанных в колхозе «Заветы Ленина». И естественным было стремление ученых, специалистов сельского хозяйства, хлеборобов, руководителей хозяйств узнать о них как можно больше, посмотреть своими глазами. Только в пятьдесят третьем — пятьдесят четвертом годах в колхозе побывало более трех с половиной тысяч человек. Приезжали с экскурсиями, по командировкам хозяйств и по собственной инициативе отовсюду: из Казахстана и с Украины, из Узбекской и Таджикской республик, из Красноярского края и Башкирии, из центральной и средней полосы России и с Востока. И конечно, из соседних областей — Челябинской, Свердловской, Тюменской, Оренбургской…

Раскрывая «секреты», Терентий Семенович одновременно настойчиво учил:

— Новая система обработки почвы требует высокого качества выполнения всех производственных операций и учета особенностей природных условий. Недоброкачественное и несвоевременное выполнение даже отдельных работ может свести на нет все преимущества системы и что еще хуже — привести к отрицательным результатам.

Среди приезжих немало иностранных гостей. Труды Мальцева переведены на многие языки, вышли большими тиражами в ГДР, Чехословакии, Польше и других странах. В предисловии к польскому изданию книги «Новая система обработки почвы и сева», вышедшему в 1955 году, есть такие слова:

> «Тов. Мальцев, член колхоза «Заветы Ленина», полевод колхоза, а также директор Шадринской опытной станции — тип ученого-практика, новатора, который мог появиться только в Советском Союзе, где содружество науки с практикой стало составной частью жизни страны. В земледелии это содружество проявляется в особенности. Социалистический строй создал условия для развития творческой инициативы колхозников и всех работников сельского хозяйства».

Далее автор предисловия подчеркивал возможности внедрения и преимущества мальцевских методов в условиях Польши.

…Все больше приходит к Терентию Семеновичу писем с вопросами, как лучше обрабатывать землю, в какие сроки сеять, на какие сорта ориентироваться. В каждом слова: посоветуйте, помогите. Ни одной просьбы не оставил без внимания колхозный

ученый. Особенно волновали его письма с целины.

….Молодые трактористы совхоза «Ириклинский» Оренбургской области решили опробовать на целине новый метод. Комитет комсомола поддержал их. Постановили: во внеурочное время обработать по-мальцевски большой участок. Но с чего начать и как действовать — представляли смутно. В дирекции совхоза к почину комсомольцев отнеслись настороженно.

— Не спешите, ребята, — сказал главный агроном, — во-первых, у нас нет специального плуга для безотвальной обработки, а во-вторых, мы еще не знаем, пригоден ли этот метод в условиях нашей области.

Но желание комсомольцев было настолько велико, что отказаться от идеи они не могли. Кто-то предложил написать письмо Терентию Семеновичу. Ответ пришел скоро, его читали во всех бригадах, передавали из рук в руки.

> «Дорогие товарищи, — писал Мальцев. — Мне очень нравится ваше стремление, горячее желание сделать нашу страну еще более богатой и счастливой.
>
> Инициативу в создании опытного участка одобряю. В нынешнем году вы можете на нем провести только лущение без подъема зяби там, где был вспахан пласт. Засеять участок надо отборными сортовыми семенами.
>
> Можно провести такой опыт — обработку пласта целины под посев будущего года. Участок надо разбить на три делянки. На одной проведите уничтожение растительности двух-трехкратным лущением, весной боронованием и предпосевным лущением. На второй проведите обычную вспашку плугами с отвалами и предплужниками. На третьей — глубокую безотвальную пахоту на глубину тридцать пять — сорок сантиметров.
>
> Понаблюдайте, какой вариант будет лучшим…»

Пришлось дирекции отступить перед напористостью комсомольцев. Решили по совету Мальцева обработать тысячу двести гектаров, четыреста из них — распахать безотвально на большую глубину. Переконструировали плуг в совхозной мастерской. Глубокую пахоту и лущение доверили лучшим трактористам…

Терентий Семенович не только принимает гостей и экскурсантов в своем колхозе, отвечает на множество писем. Он много ездит по стране, интересуется, как внедряется новая система, каковы результаты. Больше всего поездок — на целинные земли. Не везде новое быстро находит понимание, есть

случаи и его дискредитации. Не по злому умыслу — из-за упрощенчества, нарушений условий применения. И Мальцев на авторитетных совещаниях и конференциях ученых, агрономических семинарах и в печати неустанно требует — бороться против шаблона, самонадеянности, относиться к науке и земле творчески, разумно, пристрастно и добросовестно.

Жизнь давно убедила его, что хлеборобу нужны большие знания, а кроме них творчество в работе, стремление трудиться сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. Он глубоко уверен, что к востоку от Урала большой хлеб без двадцати процентов паровых полей получать трудно.

…С трибуны зонального совещания в Свердловске как выстрел прозвучали слова — Терентия Семеновича назвали «пшеничным аристократом». В первое мгновение ему показалось, что удар пришелся прямо в сердце. В груди стало нестерпимо больно. Сидевшие впереди обернулись — сочувствие и понимание, неприязнь и усмешка, поддержка и уважение промелькнули в их взглядах. Терентий Семенович не отвел глаз ни от друзей, ни от недругов, только, скорее инстинктивно, чем сознательно, прикрыл рукой грудь, то место, куда когда-то в детстве ударила копытом лошадь. И теперь там была ямка, незащищенная, мягкая.

«Пшеничный аристократ. То, что пшеничный, пожалуй, хорошо. А вот аристократ — обидно», — размышлял Мальцев. Он понимал, чего от него добиваются. Понимал, что кукуруза — прекрасный корм для скота и необходимо научиться выращивать «королеву полей» в сложных зауральских условиях. Но вся жизнь его была подчинена одной заботе и одной непроходящей страсти — выращивать хлеб. И он ничего не мог поделать с собой: как ни важна кукуруза, пшеница остается пшеницей и ею он поступиться не может. Чувствовал, что конфликт назревает, что так это не пройдет, но, будучи человеком честным, не искал обходных путей, оставался самим собой.

В сельскохозяйственной науке и практике обстановка усложнилась. Кажется, давно ли ученые пришли к выводу о несостоятельности травопольной системы земледелия Вильямса? И вот другая крайность: ввести повсеместно пропашные севообороты, ликвидировать пары. Стране, людям нужны хлеб, молоко, мясо. Нужны не завтра, а сегодня. Но это не значило, что любой ценой, и не значило — получить сегодня за счет дня завтрашнего.

Немыслимо оставаться без паров в засушливых регионах страны, на целине, в Сибири. Твердое убеждение Мальцева

основывалось на многолетнем опыте и наблюдениях: пар — это сохраненная влага, верное средство борьбы с сорняками, а в итоге — хлеб. Так думали многие, но отстаивать свою точку зрения хватало мужества не у всех. Среди этих немногих был Терентий Семенович Мальцев с его простой и мудрой логикой: то, что во вред делу, — против совести.

Зональное совещание в Новосибирске. Многого ждут от него сибирские хлеборобы, наболело у полеводов, опытников, агрономов, ученых, руководителей хозяйств. Обсудить сообща проблемы, выбрать самое главное, эффективное и — работать, работать не покладая рук! Но еще до того, как скрестились шпаги на трибуне, дискуссия началась в коридорах гостиниц.

Ответственный столичный работник, незадолго перед совещанием приезжавший в колхоз «Заветы Ленина» и посмотревший кукурузу, признался Терентию Семеновичу:

— Я доложил, что сильно загущена у вас кукуруза.

Мальцев в сердцах бросил:

— Вы ведь знаете, как меня за эту кукурузу греют, и еще добавляете масло в огонь. Пожалели мы ее прореживать, уж больно хороша. А зеленой массы даст и без этого достаточно.

Собеседник развел руками: он считал, что выполнил свой долг…

Терентий Семенович тоже выполнил свой долг. До начала совещания, встретившись с директором Алтайского научно-исследовательского института сельского хозяйства Г. А. Наливайко, отвел его в сторону и без обиняков начал:

— Неладно вы делаете. Подумайте, к чему приведет Сибирь пропашная система. Сейчас можно быть на волне, а потом? Прошу вас, подумайте. У нас пока нет возможностей ликвидировать чистые пары. Без них будем без хлеба, и в первую очередь пострадает целина. Она уже страдает.

Наливайко не услышал тревоги и не почувствовал боли. Речь его на совещании, пересыпанная призывами, звучала оптимистично:

— Опыт убедительно показывает, что в Сибири, где главной зерновой культурой является яровая пшеница, вполне возможно вести земледелие без чистых паров. Те хозяйства, которые отказались от чистых паров, получают значительно больше продукции.

Не забыл и о разговоре с Терентием Семеновичем, сделал легкий реверанс в его сторону:

— Утверждение Мальцева о том, что и однолетние растения способны увеличивать запасы органических веществ в почве, имеет большое значение.

Дежурные аплодисменты проводили оратора от трибуны до стола президиума. Мальцев не посмотрел в его сторону. Сидел в глубокой задумчивости, прикрыв глаза рукой, пока ему не предоставили слово.

Кое-кто в такой критической ситуации ожидал от Мальцева взрыва. Но он спокойно убеждал: ликвидация паров при отсутствии других средств борьбы с сорняками не повысит культуру земледелия. Рассказывал, как уже двенадцать лет в колхозе применяется безотвальная и поверхностная обработка почвы, что урожай в среднем за эти годы — по двадцать центнеров с гектара. Говорил о нужде в посевной и уборочной технике, о том, что в условиях Сибири нужны особые машины. Но о чем бы он ни говорил, само собой выходило — в защиту паров.

— Я думаю: везде ли выйдет с немедленной ликвидацией паров так же хорошо, как это выходит у Алтайского института… Возьмем наш Шадринский район. Как только серьезно взялись за истребление овсюга, урожай резко увеличился. Мы и нынче получили по району почти стопудовый урожай. И вся наша Курганская область, серьезно борясь с овсюгом и другими сорняками, урожаи свои также значительно повысила. В этом много помог пар.

Серьезным ученым, опытным агрономам была понятна забота колхозного полевода о повышении культуры земледелия. Конъюнктурщики, которых, к сожалению, на совещании было также немало, выступление Мальцева расценили по-своему: «Не хочет заниматься кукурузой — значит против политики». Задавали вопросы, в которых звучали язвительность и неуважение, откровенные насмешки, долго не отпускали с трибуны, но не сбили Мальцева с его позиций. Выступление он закончил с достоинством и в тот же день, не дожидаясь окончания совещания и его рекомендаций, уехал из Новосибирска.

Жизнь и время доказали правоту убеждений, которыми он не поступился и тогда, когда под давлением волюнтаристского отношения к законам развития природы и общества, в самом расцвете своих сил, не получал должного признания. Обиды и несправедливости никогда не перечеркивали его мысли и не уменьшали азарта в работе. Богатые шадринские всходы — всходы его трудов — поднимались в степных районах Сибири, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Казахстана.

Невозможно подсчитать экономический эффект вклада Мальцева в развитие отечественной сельскохозяйственной науки. Сегодня миллионы гектаров земель в различных районах страны, и в первую очередь на целине, обрабатываются по его методу.

Труды его стали основой почвозащитных и противоэрозийных комплексных программ.

Снова пришла весна. Для целины — двадцать шестая. Для Терентия Семеновича Мальцева — восемьдесят четвертая. И, как обычно, спрашивали его:

— Терентий Семенович, урожайный ли нынче год будет?

— Сумеем хорошо поработать, — отвечал он, — будет урожай.

Снова зовет его хлебное поле. Ибо не знает он большей радости и большего счастья, чем растить на земле хлеб для людей.

СЛОВО К МОЛОДОМУ ДРУГУ

Телефонный звонок из Центрального Комитета комсомола обрадовал и взволновал. Просили принять участие в работе пленума, который будет обсуждать итоги июльского (1978 года) Пленума ЦК КПСС и задачи комсомольских организаций. Многое вспомнилось и многое хотелось сказать. Но возникало и сомнение: поймут ли его, старого человека, молодые, уверенные, образованные?

Недавно он был в профтехучилище. Учатся ребята на трактористов, комбайнеров, наладчиков, управляют мощными «Кировцами», «Нивами». А что такое сабан — никто не знает. Не то что не видел, но даже и не слышал. А ведь деды их пахали еще деревянным плугом. Могучее ускорение получает наша жизнь… Об этом, пожалуй, надо сказать.

Когда Терентий Семенович поднялся на трибуну пленума, долго не смолкали приветственные аплодисменты. Потом вдруг наступила тишина, каждое слово в которой как бы удесятеряло свою силу. И он заговорил с ними

о хлебе.

— Вся моя жизнь связана с полем, — сказал негромко и просто. — Считаю, что хлеб — самый важный продукт и такой вид энергии, без которого ни одна шестеренка у станка не завертится. И вряд ли придет такое время, когда можно будет сказать: вот теперь у нас хлеба вдоволь и его больше не надо. Каждому из нас понятно, что чем больше мы вырастим хлеба, тем богаче и сильнее будет наша Родина.

Он говорил и вглядывался в молодые одухотворенные лица, и сердце его наполнялось гордостью за молодую хлеборобскую смену. В конференц-зале сидели внуки тех, кто в тридцатые годы организовывал колхозы, сыновья первоцелинников. Они слушали, чуть подавшись вперед, проникаясь его волнением и его святым отношением к хлебу — достоянию народному.

— Когда я был крестьянином-единоличником, считал так: «Моя земля. Мой хлеб». Когда организовался у нас колхоз, вся общественная земля моей стала. Хлеб растет — это мой хлеб. Соберут его с полей, увезут — это уже не мой хлеб. А пашня моей остается, и надо снова выращивать урожай.

Вся жизнь Терентия Семеновича связана с родным зауральским краем. Самое главное дело его жизни — растить

хлеб для людей. На это ушли и молодые годы, и пора зрелости…

В фильме «Мальцев из села Мальцево», снятом Центральным телевидением в связи с восьмидесятилетием Терентия Семеновича Мальцева и награждением его второй Золотой звездой Героя Социалистического Труда, есть потрясающий эпизод. Терентий Семенович зримо воссоздал для молодежи картину того, как пахали землю в недалеком прошлом. Нашли в колхозной мастерской старый плуг, правда, не деревянный сабан, а железный, каким пахали в первые колхозные годы. Впрягли лошадь, самую смирную и спокойную. И Терентий Семенович встал за плугом и пошел по пашне, налегая всем корпусом на старый, забытый за ненадобностью плуг. Он пахал землю, как пахали его отец, дед и прадед, как прежде пахал он сам, и испытывал радостное, необъяснимое блаженство. Операторы уже сняли десятки метров пленки и были довольны «схваченными» кадрами, а колхозный полевод все шел за плугом, и казалось ему, что там, у кромки березового колка, его ждет отец…

Очнулся от нахлынувших мыслей, когда внезапно кончилось поле и лошадь остановилась у наезженной дороги. Пахарь отер рукавом взмокший лоб, наклонился, взял комок земли и размял в руке. От земли пахло остро и сладко перегнившей прелой стерней.

— Поспевает землица, готовится зерна принять, — как о живом существе заговорил пахарь. Да она и есть для него живая, потому что родит хлеб.

Вспоминается одна из давних встреч с Терентием Семеновичем. В разгар уборочной страды мы приехали в колхоз «Заветы Ленина» с корреспондентом «Комсомольской правды». Дома, конечно, Мальцева не было, не было и в конторе колхоза и в кабинете опытной станции. Бывалый райкомовский шофер засомневался:

— Найдем ли в поле? За ним разве угонишься?

И мы поехали наугад, надеясь, что где-нибудь да встретимся.

Вечер клонился к закату, длинные фиолетовые тени лежали на узких проселочных дорогах, медвяный запах отцветающего лабазника перебивал все другие запахи уходящего лета. В полях работали комбайны, сновали груженые и порожние грузовики. На одном из полей за дальними колками увидели мальцевский «газик». Но пока колесили, объезжая неубранный хлеб, машина исчезла, а встретившийся на лошади парень неопределенно махнул рукой:

— Может, там, на дрянновской пашне.

Мы уже повернули в досаде к деревне, когда шофер резко затормозил:

— Сам идет, полюбуйтесь!

Мы выскочили из машины и остановились, завороженные. Небольшое, круглое, как каравай, поле горело малиновым цветом скатившегося под самый горизонт солнца. Малиновыми были и два комбайна, работавшие рядом, и машина, притулившаяся к березкам. От комбайнов по сжатой полосе шел человек. Он был в светлой, выпущенной поверх брюк рубахе, подпоясанной ремешком. Шел медленно, твердо ступая босыми ногами по колючему жнивью. В руках он держал сноп и так осторожно и любовно прижимал его к груди, что, казалось, несет спящего ребенка. На лице его, и на светлой рубахе, и на бережно обхваченном руками снопе пшеницы играли малиновые сполохи, и от этого идущий по полю человек казался неземным, прекрасным видением. Видение приближалось, и все явственнее становилась его жизненная плоть: озабоченно-радостное лицо с глубокими бороздками морщин, большие жилистые руки.

— Здравствуйте, издалека будете? — протягивая правую руку столичному гостю, а левой все так же прижимая к груди драгоценную ношу, заговорил Терентий Семенович. И тут же, извиняясь и вытирая ноги о жнивье, продолжал: — Не могу, знаете ли, в туфлях по полю ходить, сквозь подошву не чую, какая она, земля. А она ведь живая, матушка наша.

— Утром росно, холодно босым ступать, — возразил шофер.

— Привычное дело, — рассмеялся Терентий Семенович, — с детства притерпелись, в обуви-то ногам тесно. Ну так как, беседовать в поле зачнем? — повернулся к приезжим. — Мне сегодня еще в одной бригаде побывать надо.

И мы снова поехали, и снова он ходил по полям, решая, где раньше начинать косить, а где в последнюю очередь. Останавливался, растирал в ладонях колосья, сдувал шелуху и, пересыпая с руки на руку горстку зерна, улыбался:

— Богатый хлеб уродился.

Он помнит то время, когда эти земли родили хлеб скудно. Испокон веков мечтали зауральские крестьяне о стопудовом урожае. Но бедствовали они и в так называемые благополучные годы. Часто повторялись засухи, не успевали крестьяне оправиться от одной беды, как приходила другая — голод, пожары, болезни.

В декабре 1901 года в искровском журнале «Заря» в статье «Внутреннее обозрение» Владимир Ильич Ленин писал о положении в Шадринском уезде Пермской губернии, которая считалась царским правительством вполне «благополучной по урожаю», хотя неурожай в ней… еще сильнее неурожая 1898 года. Сбор хлебов составляет только 58 процентов среднего сбора, а по

Шадринскому и Ирбитскому уездам — только 36 и 34 процентов». Автор с болью и гневом пишет: «…цены на хлеб начали подниматься еще с 1-го июля, крестьяне уже распродают скот, — а правительство все-таки упорно считает губернию «благополучной»!!»

В то время, когда Владимир Ильич Ленин писал о надвигающейся на шадринских крестьян беде, Терентию Мальцеву было шесть лет. Через десять лет, в девятьсот одиннадцатом году, засуха повторилась; и без того истощенная земля совсем не дала хлеба. Не собрали крестьяне даже семян… А потом ударила первая мировая война, угнала мужиков в мерзлые окопы, под пули и отравляющие газы, обескровила деревни.

Жалкое наследство получила Советская власть. Порушенные гражданской войной, разрухой хозяйства с трудом вставали на ноги. Хлеба увидели вдоволь, когда образовались колхозы, когда пришли на поля тракторы и комбайны, когда вооружились грамотой и наука двинулась на поля.

Обо всем этом вспоминается Терентию Семеновичу. Но говорит он с молодыми не о прошлом, он говорит о сегодняшнем и больше всего — о будущем.

— Завтрашний хлеб создает нынешний хлебороб. Чтобы выполнить свой долг на земле, на мой взгляд, земледельцу, и прежде всего молодому человеку, необходимо преодолеть четыре «надо». Я их расцениваю как заповеди.

Первая — надо знать. В современных условиях это не трудно. Грамотных, знающих людей у нас сейчас немало. Для примера, в тысяча девятьсот тринадцатом году на все Зауралье был один-единственный агроном. Помню, когда в двадцать четвертом году я присутствовал в Шадринске на уездном совещании по сельскому хозяйству и объявили, что среди участников совещания есть агроном, а к тому же это была женщина, — так я смотрел на нее как на чудо. Все мы были кто с начальной грамотой, а кто вовсе и расписываться не умел и вдруг: человек с образованием! Сейчас в колхозах и совхозах нашей области трудится более девяти тысяч дипломированных специалистов. Так что было бы только желание, а получить образование в нашей стране каждому под силу.

Но знать — это еще только начало, — говорит Мальцев. — *Надо уметь.* Умение не приходит само собой, оно достигается практикой, в процессе работы. «Не тот пахарь, который хорошо пашет, а тот, который любуется своей пахотой», — любит повторять Терентий Семенович слова российского земледельца Энгельгардта из его известных «Писем из деревни».

— Надо желать, страстно стремиться осуществить мечту,

ставшую целью жизни. Потому так важно человеку найти свое место. Только стремясь, можно добиться желаемого.

И четвертое — надо действовать.

Трудно сказать, многого ли добился бы Мальцев, не имея сильного, бойцовского, принципиального характера. Он одновременно приобретал знания и умения, соединял желание с действием. Он никогда не сидел сложа руки и никогда их не опускал, даже если казалось, что наступил предел физических и духовных сил, даже когда самому себе хотелось сказать: все, хватит.

Еще на заре своей опытнической работы, когда овладевал азами селекционного дела и вместе с молоденькой комсомолкой Шурой учился орудовать пинцетом, искусственно опыляя цветки злаковых культур, он сказал: «Я выращу такой сорт пшеницы, который выстоял бы в засуху, не полегал в дождливую погоду и давал сорок центнеров с гектара».

В то время стопудовый-то урожай — шестнадцать центнеров казался чудом, а сорок центнеров грезились ни больше ни меньше как предел возможностей человека и нещедрой зауральской природы.

В тридцать четвертом году Терентий Семенович получил первые семена созданных собственными руками гибридов пшеницы. Из имеющихся в хате-лаборатории сортов он подбирает все новые и новые комбинации, новые родительские пары, и уже тысячи гибридов созревают на опытных участках. Но до сорта его мечты еще далеко, очень далеко. Не хватает глубины знаний генетики, селекции, недостает исходного опытного материала, наконец, нет времени, потому что по основной работе Мальцев — полевод, и все колхозные поля, севообороты, и обработка земли, посевы и уборка, колхозники и машины — все за ним, в его ведении.

В личных встречах с большими учеными и с трибуны агрономических совещаний он просит:

— Дайте нам сорта пшеницы, приспособленные к местным природным условиям и климату. Дайте сорта — мы взрастим хлеб.

В сороковые и пятидесятые годы, когда он вплотную занялся безотвальной системой возделывания земли, на какое-то время почувствовал, что раздваиваться нельзя. И, не оставляя мечты о новом сорте, не прекращая опытов в теплице и на делянках, направил свои силы на разработку новых приемов агротехники. Он глубоко убежден: не будет найдено самых приемлемых способов вспашки, борьбы с сорняками, сохранения влаги, быстрейшего созревания — сам по себе даже лучший из лучших

сортов останется образцом — не более. О! Как взаимосвязано все: природа и человек, пашня и орудия ее обработки, особенности сортов и местные условия.

— Представьте себе шахматную доску, — говорит Терентий Семенович собеседнику, — за которой сидят двое: Человек и Природа. При этом белыми фигурами всегда играет Природа, за нею право первого хода. Она определяет начало весны, приносит суховеи, дожди, заморозки. Это все коварные ходы Природы. И чтобы в этих условиях не проиграть, Человек должен уметь правильно ответить на любой ее ход. В распоряжении Человека, как и всякого шахматиста, множество вариантов, но всякий раз он должен находить единственно правильный! Только тогда он будет с максимальным урожаем!

Больше всего Терентия Семеновича сердят голословные утверждения, что можно получать высокие урожаи независимо от погодных условий.

— Но поле — не заводской цех, его крышей не накроешь и от непогоды не спрячешь. Так куда же девать погодные условия, которые могут быть благоприятными и неблагоприятными? — прямо задает вопрос Мальцев, Помолчав и как бы итожа собственные мысли, останавливаясь на каждом слове, отвечает: — Главнейший вопрос агрономической науки, практиков земледелия в том и состоит, чтобы получать хорошие, устойчивые урожаи при любых погодных условиях.

Как-то его спросили: каким может быть самый высокий урожай в Зауралье? Он хитро сощурился и уточнил:

— А какой год вы имеете в виду? Засушливый или с достаточным количеством осадков в вегетационный период? — И продолжал: — В сухой год урожай в двадцать пять центнеров будет хорошим, а в благоприятный этот же урожай мал. — И развивает мысль дальше: — Независимо от природы (а не только от погоды) мы не можем работать на земле. Это верно для любого дела, тем более для нашего. Высшее искусство земледельца в том, чтобы действовать в соответствии с законами природы, в согласии с ними.

Терентию Семеновичу хочется, чтобы молодые хлеборобы исходили из этой простой истины, и он снова и снова обращается к ним на встречах со студентами Тимирязевской академии и в газете «Комсомольская правда», выступая в областном героико-патриотическом клубе «Родная земля» и в студии Центрального телевидения «Орленок», на слетах ученических производственных бригад. Такая у него аудитория, зеленые классы страны, где он — мудрый учитель.

Учитель он и для своих детей. Трое из пятерых работают в

сельском хозяйстве. Сын Савва — старший научный сотрудник Шадринской опытной станции. Дочь Валентина — агроном Шадринского «Агрохимобъединения», а Лидия — кандидат сельскохозяйственных наук, работает в Курганском научно-исследовательском институте зернового хозяйства. Здесь же руководит селекционным центром ее муж, тоже кандидат наук Владимир Викторович Лисич.

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов отец сказал Савве:

— Кто знает, когда дождемся мы из институтов нужных нам сортов. Берись-ка за это дело.

Савва молча посмотрел на отца, ожидая продолжения разговора.

— У меня может не хватить времени, — вздохнул Терентий Семенович. Что-то хотел добавить еще, но только махнул рукой и пошел в горницу, где лежала больная Татьяна Ипполитовна.

У Саввы сжалось сердце: только сейчас, в этом усталом вздохе и беспомощном взмахе руки он увидел, как время и невзгоды повлияли на отца, как невыносимо тяжело ему сознавать, что безнадежно больна Татьяна Ипполитовна.

Мать никогда не жаловалась и не корила отца. При большой семье, домашнем хозяйстве и работе приходилось ей нелегко. Сейчас, когда болезнь свалила с ног, она чувствовала себя виноватой, что не может встать у печи, что недотканной сжалась в кроснах половичная дорожка и что не знает Терентий, как скоро уйдет она… из любимого своего дома, от него, от детей. Потому и торопится дошить рубашку мужу. Вышитый украинскими мастерицами купон на нее подарили Терентию Семеновичу в Сумской области, куда ездил он на могилу сына.

— Тереша, — просит слабым голосом. — Надень-ка ты Костину сорочку.

— Ты что, мать? — пугается Терентий Семенович. — Будет праздник и надену.

— Надень, — снова просит жена. — Посмотреть хочу. Ну вот и спасибо…

Она откидывается на высокую подушку. Терентий молча стоит перед женой. Новая, из тонкого льна, расшитая красным узором рубашка обхватывает его плечи, и он боится пошевелиться, видя, как улыбается в беспамятстве Татьяна, слыша ее обжигающий шепот:

— Вернулся, Костюша, вернулся живой… Теперь и я буду жить… Все будем жить, Тереша!

Тихо в комнате, тихо в доме…

— Вот что, Савва, — неожиданно продолжая неоконченный

разговор, обращается к сыну Терентий Семенович. — Собирайся да поезжай в Саратов к Валентине Николаевне Мамонтовой. Крупнейший селекционер. Думаю, не откажет в совете и академик Лукьяненко. Павел Пантелеймонович только рад будет. Пожалуй, лучшего исходного материала, чем его озимая «безостая-1», и не найти.

Совершенно закономерно, что отец позвал на помощь в кровном деле своем сына — единомышленника и последователя: в разрабатываемой им системе агротехники сорт стоял на одном из первых мест.

Еще в тридцать пятом году, на Втором Всесоюзном съезде колхозников, Терентий Семенович сказал, что главной темой опытов, которые ведет их хата-лаборатория, является изыскание таких сортов пшеницы, которые не только давали бы высокие урожаи зерна, но и вызревали раньше.

С годами эти требования становились все более конкретными и четкими. «Применительно к местным условиям» — значит: сорт должен иметь короткий вегетационный период, чтобы созревать за непродолжительное зауральское лето, противостоять засухе и не полегать от обилия влаги, не поддаваться ржавчине и головне. И при этом иметь полный и крупный колос с отличными хлебопекарскими качествами зерна. Раннеспелый «лютесценс» в пятидесятые годы доминировал на мальцевских полях, но он не гарантировал постоянных высоких урожаев: сказывались июньские засухи и ранние заморозки.

Передавая Савве накопленный опыт, отец не замыкал его поиски рамками своего авторитета, но и не оставлял без внимания и контроля.

Терпелив и настойчив научный сотрудник опытной станции Савва Терентьевич Мальцев. Каждый год появляются новые гибриды, из них выбираются лучшие, снова скрещиваются, снова выбираются… Теперь уж иначе, как «Саввины», никто и не называет опытные делянки. Новые сорта дороги ему, но еще дороже — отцу. Потому что в них вложили труд и Савва, и дочь Лидия, и зять Владимир, и колхозники. И потому, что сорта, о которых мечталось, теперь есть, и потому, что выращены они на родной мальцевской земле. Есть «шадринская», есть «зауральская», есть «вера». Есть совсем новые прекрасные гибриды, пока не совсем доработанные, пока не переданные в госсортсеть. Опытные делянки их дали свыше пятидесяти центнеров с гектара.

Именем старшей дочери Веры назвал Савва Терентьевич один из новых перспективных сортов яровой пшеницы. Младшей дочери Татьяне дал имя матери. Растет хлеб, продолжается

жизнь. Так не обрывается нить, связующая самое святое, что есть у человека, — Родину, мать, землю, хлеб.

Как-то в беседе Терентий Семенович сказал:

— Хлеб нам дорог не потому, что он белый или черный, что им можно насытиться. Невелика цена у нас хлебу в магазине. Но велика цена хлебу блокадному, хлебу Малой земли, хлебу целинному. Тот, кто знает вкус этого хлеба, тот знает ему цену…

Мысли земледельца и философа Мальцева, направленные к малому пшеничному зернышку, переходят к величайшему зерну жизни — Человеку. И следующее его слово

о человеке.

Недавно, будучи на беседе в Отделе пропаганды Центрального Комитета партии, Терентий Семенович немало удивился, когда один из ответственных работников спросил:

— Терентий Семенович, а помните, я у вас интервью брал во время XXV съезда?

— Говорить мы с вами говорили, Виктор Петрович, а насчет интервью — не помню, — усомнился Мальцев.

— А вот ваши ответы, — засмеялся собеседник. И признался: — Вы уж простите, но я всю нашу с вами беседу сразу записал.

Листок бумаги, заполненный аккуратным убористым почерком:

— Ваши любимые писатели?

— Писарев, Добролюбов, Чернышевский, Герцен, Лев Толстой, Гельвеций, Дидро, Макаренко, Сухомлинский, Некрасов, Шолохов, Салтыков-Щедрин и другие. Нравятся писатели с философским уклоном.

— Любимое время года?

— Люблю все четыре времени года в их натуральной красоте. Но, безусловно, самое лучшее, самое красивое — время колошения пшеницы.

— Время дня?

— Восход солнца.

— Правило жизни?

— Главным правилом своей жизни считаю успевать работать, успевать читать и думать о прочитанном, а самое главное, прочитанное переваривать в собственной голове на пользу жизни.

— Что вы прощаете человеку?

— Искренние ошибки, если осознаются, да еще своевременно.

— Любимое дерево?

— Береза.

— Цветы?

— Заключенные в колосовой пленке пшеницы.

— Место на земле?

— Поле колхоза «Заветы Ленина».

— Самый главный наказ молодежи?

— Прежде чем давать нравственный наказ молодежи, нужно подумать о себе и себе подобных — людях, вышедших уже из возраста молодых: как мы себя ведем, какой пример показываем. А пример-то мы подаем не всегда тот, который нужен молодежи, нужен для построения будущего образцового коммунистического общества. Надо серьезно подумать о примере, какой берет с нас молодежь. Пример — в воспитании главное.

Я сам не пью спиртного и молодым людям не советовал бы увлекаться этим «благом», которое может превратиться в большое зло. Поскольку я сам ни разу не куривал, то от всей души советовал бы молодым людям с папироской не играть, и особенно девушкам, которым совсем некстати быть курильщицами. Безусловно, советов надавать можно много, но есть здесь главное: у нас недостает молодому поколению должной советской нравственности. Одной грамотности недостаточно, надо быть одновременно и грамотным и высоконравственным человеком.

В этих искренних ответах — весь Мальцев с его отношением к жизни, с его требовательностью к себе и людям. Он считает, что самовоспитанием и самоутверждением себя как личности человек должен заниматься всю жизнь, потому что нет границ пределам совершенствования. Ему самому повезло на великих и мудрых учителей, и он впитывал их науку, жадно тянулся к знаниям и продолжает учиться и самосовершенствоваться.

— Кто мои учителя, мои лучшие друзья, спрашиваете? — повторяет вопрос Терентий Семенович. Он поднимается из-за стола и открывает дверцы одного из многих деревянных шкафов. На полках тесно прижались друг к другу любимые его книги. В знаменитой мальцевской библиотеке более пяти тысяч томов — литература по истории и философии, биологии и сельскому хозяйству, художественная и научно-популярная. Много редких букинистических изданий, биографии и мемуары известных политических деятелей, ученых, полководцев, писателей.

Любовно оглаживая руками темно-синий жесткий переплет давнишнего издания, тихо говорит:

— Всего двадцать пять лет прожил Добролюбов, а написал много томов… Да ведь писал-то как! «Воспитать убеждение, внутреннего человека, видеть в себе человека».

Кладет книгу перед собой и открывает следующую, так же

испещренную быстрым его карандашом — красным, фиолетовым. Загрубевшие пальцы медленно водят по выделенным местам:

> «…Труд — лучший хранитель человеческой нравственности, и труд же должен быть воспитателем человека…»

— У меня часто просят совета — как воспитывать у молодежи уважение к сельскому труду. И я в свою очередь спрашиваю: как же научить любить землю, труд без занятия трудом на земле? Это будет равносильно тому, чтобы научить людей плавать без воды. Воспитание начинается с раннего детства, с семьи, — Терентий Семенович с книгой в руках ходит по комнате. — Раньше в каждом крестьянском хозяйстве была необходимость трудиться с малых лет. А сейчас мы зачастую детей оберегаем от труда: отдохните, поспите, побалуйтесь; мы в свое время хлебнули лиха, а вы уж готовенькое возьмите, наслаждайтесь. Задумайтесь, отцы, матери, наставники: от чего мы призываем отдыхать, а точнее — отлынивать? От труда! От труда, которым создаются все материальные и духовные ценности, наконец, нравственные ценности самого человека — добро, честь, товарищество, коллективизм, самоотверженность, уважение. Вот ведь как это глубоко идет…

Терентий Семенович обращается к деятелям народного образования через «Учительскую газету». В Москве беседует в Министерстве просвещения СССР. Выступает на областном и районном учительских совещаниях, советует: нужно, чтобы обучение труду было частью обязательных школьных программ так же, как усвоение математики, литературы, истории, биологии.

В Кургане, в облоно, ему показывают альбомы с фотографиями летних лагерей труда и отдыха, рассказывают, что значительно больше стало ученических производственных бригад.

— Бывал я и в летних лагерях и в ученических бригадах, — не успокаивался Мальцев. — Не слишком ли много в них парадности, показухи? Вот в Краснозвездинской школе имени Григория Михайловича Ефремова действительно дело поставлено так, как надо. Там ребята в труде воспитываются, их работа по выращиванию поросят — часть общесовхозного дела.

Начало ученической производственной бригаде в совхозе ордена Трудового Красного Знамени «Красная Звезда» положил директор, Герой Социалистического Труда Григорий Михайлович Ефремов. Перед школой и совхозом он поставил задачу так: в труде воспитываем гражданина. И назвал школьную бригаду первой ступенью к гражданской зрелости.

Терентия Семеновича Мальцева связывали с Григорием Михайловичем долгие годы дружбы. Что роднило этих людей, во многом несхожих характерами? Стремление делать добро, служить народу всей жизнью. Оба — коммунисты, оба — борцы.

— Рассчитывай на меня! — И больше не нужно было слов. Они не утешали друг друга при неудачах, не призывали к стойкости, а действовали. Ефремов решительно поддержал Мальцева в практическом применении системы безотвальной обработки почвы и приемов агротехники для борьбы с сорняками. Мальцев подсказывал Ефремову направление воспитательной работы среди людей. И когда Ефремова не стало, Мальцев очень тяжело переживал потерю друга.

В ветреный, не по-весеннему холодный апрельский день хоронили Григория Михайловича Ефремова. Пошел снег и неистово сек, обжигал скорбные лица. Кто-то просил Терентия Семеновича надеть шапку, кто-то пытался взять его под руку, о чем-то кто-то спрашивал. Он ничего не слышал.

Они встречались всего неделю назад.

— Барахлит сердце, Терентий Семенович, — говорил ему Ефремов.

— Ты зажми его в кулак, не впервой ведь, переборешь. Нам с тобой еще много надо сделать.

— Да, много. Мне бы еще три года надо, вот бы стал совхоз! Из города люди обратно возвращаются к родной земле.

Они засиделись в тот вечер допоздна, читали, спорили, обсуждали, готовились к грядущим дням и нескончаемой своей работе. И вот…

Терентия Семеновича очень беспокоит увлечение некоторых молодых людей спиртными напитками.

— Успешно строим материально-техническую базу коммунизма, а вот человека-то упускаем, — сетует он. — Человека трудно воспитать и еще труднее — перевоспитать. В борьбе с пьянством надо объединить усилия всех — руководителей предприятий и культпросветчиков, отцов и матерей семейств, писателей, кинематографистов, журналистов. А у нас что ни фильм, то обязательно выпивка. Ну ладно бы еще пили отрицательные герои, пьют, курят и положительные, по поводу и без повода, мужчины и девушки. Дурной это пример, заразительный.

С трибуны XXI съезда партии Мальцев обращается к делегатам, ко всему народу с призывом бороться с пьянством, с пагубными его последствиями — хулиганством, преступностью, низкой трудовой дисциплиной, семейными разладами…

— Задумайтесь каждый, — говорит Терентий Семенович, — полностью ли мы реализуем данные нам советским образом жизни возможности? Два выходных дня в неделю, библиотеки, Дворцы культуры, театры, стадионы… Все взаимосвязано: песни и музыка, танцы и духовные запросы. И даже одежда наша. Посмотрите на некоторых — лишь бы на западный лад и чем дурнее, тем моднее. А где же наша советская мода, отечественная, национальная, выражающая духовную красоту человека?

…Терентий Семенович возвращается домой с сессии Верховного Совета РСФСР. В купе сразу набивается много людей. Кому не хватает места, стоят в дверях, в коридоре. Знакомятся быстро: на восток едут, значит земляки — уральцы, сибиряки.

— …Учитель, с классом на экскурсии был, — говорит о себе моложавый человек в синем спортивном костюме.

— Это хорошо, — улыбается Мальцев. — Побольше бы в школы учителей-мужчин, да таких, чтобы ребята за ними по пятам ходили.

— Да, — подхватывает нить разговора учитель. — Сейчас все больше парней в педагогические институты идет.

— Курите? — неожиданно спрашивает Терентий Семенович, и глаза его перестают улыбаться.

— Балуюсь, — учитель неловко мнет пальцами сигарету.

— Не в обиду вам, — извиняется Терентий Семенович, — но мне кажется, что учителю особенно вредно курить. Никому другому так не вредно, как учителю… — Глаза его обретают прежнюю живость, в них еле скрывается лукавство: — Наверное, ученикам говорите, что курить не надо, что вредно это?

— Конечно говорю, а как же? — спутник еще не догадывается, к чему клонится разговор.

— И правильно делаете, говорить надо, внушать надо, объяснять, — не торопясь, плавно произнося слова, одобряет Терентий Семенович и сразу вопрос в лоб: — Только не поверит ведь ученик, если ему учитель внушает одно, а делает другое, а?

— Не поверит! — учитель выбрасывает в окно измятую сигарету.

— С родителей, с воспитателей надо начинать воспитание. — И полилась, покатилась беседа под стук вагонных колес — неторопливая, раздумчивая.

— Счастье в самом человеке. В том, как он относится к работе, к людям. Надо учить любить. Любить Родину, землю, труд. Любить детей, родителей, весь великий окружающий мир. Любить природу.

И следующее слово Терентия Семеновича

— Красота и ценность нашей природы, если о ней не заботиться по-настоящему, быстро падают. Каждого честного человека не может не беспокоить то, ради чего мы живем — будущее нашей страны и новых поколений. Богатства наши не безграничны. И приспело время, когда человеку необходимо взять под свою защиту и леса, и поля, и реки, и обитающую в них всякую оставшуюся живность.

Сказав «оставшуюся», Терентий Семенович не оговорился. В его памяти живы картины, когда леса и поля вокруг изобиловали и дичью и зверем. Сейчас редкостью стали глухарь, куропатка, тетерев и даже когда-то самый многочисленный обитатель Зауралья — заяц. Не слышно песен жаворонка, редко заметишь журавля или цаплю. Оскудела природа на его глазах, и от этого особенно горько.

Тому есть несколько причин, — считает Мальцев. Первая — она же и наиболее сложная для разрешения проблема — прекратить неограниченное применение ядохимикатов в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями и сорняками. Казавшееся сначала добром обернулось теперь трудно поправимым злом. Поедая отравленных насекомых, зерно, погибают представители фауны. Ядохимикаты уничтожают и разрушают микрофлору почвы. Накапливаясь в культурных растениях, они пагубно влияют и на здоровье человека. Как бы ни легко было с помощью ядохимикатов уничтожать сорняки и вредителей, настала пора бороться за чистоту и плодородие полей с помощью повышения культуры земледелия, совершенствования агротехнических приемов. Основой устойчивых урожаев считает он достаточное количество в севообороте паров. За наличие паров в колхозе, в районе, области боролся и борется неустанно. Вот и беседа с журналистами «Правды» была посвящена этому, и статья «Как нам быть всегда с хлебом», которую написал, вернувшись из Москвы.

Другая, не менее сложная задача — упорядочить действия членов добровольного общества охотников и рыболовов. Терентий Семенович выступает против не промысловой охоты, а так называемых охотников и рыболовов-любителей.

Как-то встретил он такого любителя с ружьем в ближайшем от села лесу. Охотник пожаловался: «Что же такое получается, Терентий Семенович? Весь день по лесу ходил, а всего лишь одного зайца встретил». Спросил его Терентий Семенович грустно: «И того, поди, убил?» — «Убил», — ответил охотник. «Да, — вздохнул Мальцев, — пожалуй, недалек час, когда и заяц,

как редкое животное, попадет у нас в Красную книгу».

И еще одна проблема появилась вместе с ростом нашего благосостояния. Все больше в личном пользовании горожан и селян автотранспорта. И все больше тяга людей к природе. Но как часто «общение с природой» обращается в непоправимое бедствие: всепозволительность, безнаказанность ведут к опустошению и разорению флоры и фауны. Не всем «любителям» природы достает сознания и совести не ездить по посевам, не разжигать костров, не подрубать березы из-за глотка сока, не вырывать с корнями цветы, ягоды, грибы, не оставлять на полянах и лужайках мусор.

Поделившись этими беспокойными мыслями в передачах Центрального телевидения, в выступлениях в печати, в беседах с трудящимися, Терентий Семенович получал и продолжает получать тысячи писем от людей разных возрастов и профессий. Советских людей кровно волнует не только свое родное поле и растущий в их местности лес, а решение проблемы в государственных масштабах, и чем скорее это будет сделано, тем меньше будет затрат и потерь.

ЛЮДЯМ

Он по-прежнему встает раньше всех в селе — в три-четыре часа утра. Включает чайник, а когда вода закипит и крышка начнет прыгать, заваривает в стакане чай — тот самый, «мальцевский», о котором рассказывают легенды, а наслышанные просят: «Расскажите, Терентий Семенович, как вы завариваете чай».

Днем в доме бывает много разных людей: соседи, с опытной станции или из правления колхоза, приезжие. Но сколько бы ни явилось гостей — каждому найдется стакан или чашка и всегда прежде чем перейти к разговору — долгому иль скорому, — чай. Такое здесь гостю уважение.

Но ранний утренний чай, за редким исключением, Терентий Семенович пьет один. Завтрак его, как, впрочем, и обед и тем более ужин, — не обилен. Пара вареных вкрутую яиц, бутерброд с сыром и маслом. С едой управляется быстро, чай пьет медленно, наслаждаясь, но большими глотками: «Иначе вкуса не ощутить».

Позавтракав, выходит во двор. Здесь работа для него в любое время года: зимой убирает снег, сдалбливает наледь у колодца, воду из которого берет чуть ли не полсела, весной копает огород, летом подметает двор, улицу, снова возится в огороде, а уж осенью — копать картошку, морковь дергать или мак ставить снопами на просушку вдоль забора, капусту рубить — сама отрада. Поработав так часа два или три, возвращается в дом, где уже хлопочет у печи дочь Анна.

— Здравствуйте, Анна Терентьевна! — обращаясь к дочери, улыбается с порога отец. — Все ли ладно, как здоровье? Хорошо, так хорошо.

И идет к себе. Просторная комната на четыре окна заставлена книжными шкафами вдоль стен и шкафами же делится на две неравные части. В одной — кабинет с двумя письменными столами, в другой — спальня. Широкая деревянная кровать застлана высоким тюфяком и шерстяными одеялами, в изголовье — высокие тугие подушки. Хозяин любит тепло, а здесь, в прогреваемой батареями водяного отопления и печью, упрятанной за шкафами спаленке, зимой бывает до тридцати семи градусов. Человеку непривычному вряд ли выдержать такую «сауну», а ему сухая жара в самый раз. Удивительно крепок его могучий организм. Мальцев не страшится ни самого крепкого мороза, ни самой сильной жары. Зимой удовольствия ради ходит босым по снегу. Одного лишь остерегается — сквозняков.

Трудно выбрать неделю от понедельника до понедельника,

которую Терентий Семенович всю находился бы дома. Частые поездки по депутатским делам или работе опытной станции, по колхозным нуждам или заботам района, бывает, надолго отрывают его от обычных повседневных дел. Раньше ездил поездом, а сейчас чаще стал летать самолетом: успеть надо много, а в сутках по-прежнему всего двадцать четыре часа. Поездка в Германскую Демократическую Республику в составе пропагандистской группы ЦК КПСС; в Москву на очередной пленум правления общества «Знание» РСФСР, членом президиума которого является уже несколько лет; доклад на выездной сессии Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина в Новосибирске; знакомство с лучшими хозяйствами по разведению племенного крупного рогатого скота в Латвии; беседа с инженерами на Ростсельмаше: как скорее поставить комбайны на гусеничный ход для работы в условиях Сибири; выступление перед слушателями Академии общественных наук при ЦК КПСС; прием делегации Монгольской Народной Республики и встреча с учеными-селекционерами из США по проблемам генетики — и другие встречи, поездки, беседы, выступления…

Терентия Семеновича узнают всюду: в поезде и на улице, в магазине и в московском метро. Высокий, чуть сутуловатый, в неизменной косоворотке или гимнастерке гражданского покроя, аккуратно заправленной под широкий кожаный ремень, он сразу выделяется из массы людей. И прежде всего — внимательным, добрым взглядом. С ним здороваются знакомые и незнакомые люди, и он, отвечая на приветствия, кланяется, улыбается, благодарит за добрые пожелания.

…В перерыве между заседаниями XXV съезда партии Терентий Семенович присел отдохнуть в холле Дворца съездов.

— Товарищ Мальцев, не узнаете? — седоволосый, среднего роста улыбающийся мужчина протянул руку.

— Знакомое обличье, а сразу не признал, — смутился Терентий Семенович.

— Цеденбал из Монголии! — отрекомендовался гость съезда. — Давненько мы с вами не виделись!

Обнялись, поцеловались. Товарищ Цеденбал присел рядом. Весь перерыв проговорили. Монголия осваивает целинные и залежные земли, много трудностей. Раньше в стране никогда не было своего хлеба, сейчас полностью обеспечивает себя зерном, овощами, картофелем, кормами для скота. Монгольские земледельцы применяют мальцевскую систему обработки почвы.

— Приезжайте, Терентий Семенович, — приглашает Первый секретарь ЦК МНРП, — будем очень рады. А к вам приедут наши специалисты, раскройте, пожалуйста, свои секреты.

— Разве есть от друзей и братьев секреты? — Терентий Семенович широко раскрывает руки. — Приехать-то к вам очень хочется, далековато вот только.

…В гардеробе Свердловской областной клинической больницы утомленный ночным дежурством врач, заметив Мальцева, поспешно ставит на скамью портфель и бросается помочь снять пальто.

— Здравствуйте, Терентий Семенович, не заболели случаем?

— Здравствуйте, здравствуйте! Спасибо, не беспокоитесь. Я здоров, а вот мальчика нашей колхозницы к вам на операцию привезли. Сами кто будете? Знать, встречались где-то?

— Хирург я, Терентий Семенович. Встречаться не довелось, а знаю вас. За мальчика не волнуйтесь, все будет хорошо.

…В столичном гастрономе, куда Терентий Семенович зашел купить на дорогу пряников, многолюдно. Как всегда, встал в очередь и терпеливо ждал, обдумывал, что еще надо успеть сделать до отъезда. Вдруг очередь расступается:

— Пожалуйста, проходите!

— Что вы, что вы? У меня есть время!

Но кассир, пожилая женщина, уже поднялась из-за кассы.

— Товарищ Мальцев, прошу вас!

Выбивая чек и отсчитывая сдачу, шутя выговаривает:

— С двумя Звездами и в очередь! Да таким людям — почет и уважение. Спасибо, что к моей кассе встали. А я вас сразу узнала и покупатели тоже. Спасибо вам за все, что вы делаете.

…Терентий Семенович ехал в Курган на слет юннатов. Неожиданно что-то заскрежетало, застучало, и машина остановилась. Всегда спокойный и невозмутимый шофер Афанасий Михайлович виновато взглянул на Мальцева.

— Возвращаться придется нам, Терентий Семенович, поломка серьезная.

— Возвращайтесь, конечно. Дозвонитесь до колхоза, за вами приедут, а мне никак нельзя. Мне к ребятам на слет надо.

И он пошел по обледеневшей, припорошенной снегом дороге, скользя легкими на тонкой кожаной подошве туфлями. Ветер насквозь прошивал демисезонное пальто, начался снег с дождем, и, как назло, не догоняла ни одна попутная машина. Шел уже несколько километров и ворчал про себя, что не успеет дойти, опоздает и как же расстроятся ребятишки, не дождавшись.

Рейсовый автобус нагнал его далеко, где не было ни жилья, ни автобусных остановок со спасительной крышей над головой.

— Товарищ Мальцев?! — изумился шофер, открывая дверь.

— В Курган, дорогой человек, спешу, в Курган. Ну как, прибавим ходу чуть-чуть? — попросил, усаживаясь на переднее

сиденье, и хлопнул с досадой крышкой карманных часов. — Нет, чтобы сегодня вперед убежали, так ведь всегда из секунды в секунду. — И, помолчав, добавил: — Хорошие часы, челябинские мастера делали.

Когда автобус въехал в город, до открытия слета оставалось несколько минут. Теперь уже все пассажиры волновались и, забыв про свои дела, дружно попросили шофера: «Давай сначала к театру, а?»

Шофер рассмеялся: «А я вас хотел о том же просить».

— Благодарю, товарищи! — Терентий Семенович поклонился людям, крепко пожал руку шоферу.

О чем он будет говорить сегодня с ребятами?

О том, чтобы набирались знаний и учились любить землю, чтобы, принимая заботу общества, учились отдавать. Он расскажет о встречах своих с любимым народом Всесоюзным старостой М. И. Калининым и военачальником К. Е. Ворошиловым, с маршалом Г. К. Жуковым и писателями И. Г. Эренбургом и М. А. Шолоховым, с Вальтером Ульбрихтом и Густой Фучиковой — он поделится всем, чем так богата его жизнь.

Память Терентия Семеновича отчетливо хранит все даты, имена, фамилии, события. И, рассказывая о великих людях и великих событиях, он вспомнит непременно Пимена Мальцева из своего села. Пимен батрачил и не имел земли, а когда вступил в колхоз, то так радостно работал, с таким азартом, что никто за ним угнаться не мог. Началась война, и ушел Пимен на фронт. Убили фашисты лучшего колхозника, лучшего работника…

Воспоминания уводят Терентия Семеновича далеко, в молодые годы, на то поле, которое он пахал с отцом. Выросли сейчас березы на заветном отцовском поле, целый лес молодой стоит. Вот они где, его корни, здесь черпает он силы душевные и физические.

В большом личном архиве Терентия Семеновича нет ни дневниковых записей, ни мемуаров. На это не оставалось времени. Лишь несколько листков автобиографии да отрывочных записок об истории села Мальцево, об отце, о первой мировой войне и возвращении на родину. И без того неполные, они обрываются на самом начале двадцатых годов.

И есть еще один листок, помеченный одиннадцатым июля, без указания года. Под числом написано: «Курганская областная больница». Тогда Терентий Семенович лежал на операции. Необыкновенный по человечности и силе любви к людям этот документ невозможно не привести.

«Наступает третья бессонная ночь. Безызвестность состояния здоровья страшно меня беспокоит. Видимо, до тринадцатого числа я ничего не узнаю. Причем боюсь узнать. В эти часы и дни часто приходит на ум далекое прошлое моего детства, юношества, а также двадцатые и тридцатые годы.

Больше всего мысли сосредоточиваются вокруг людей того времени, вокруг мужиков, женщин и моих сверстников. Невольно вспоминается их простота, темнота и безотказное их трудолюбие. Вспоминаются первые годы колхозной жизни. С каким подъемом, каким энтузиазмом люди тогда работали, не считаясь со временем! По своей прежней привычке рано вставать и поздно ложиться и работать так, чтобы было не стыдно друг перед другом. Все старались показать свою способность и прилежание к выполняемой работе. Если кое-кто и пытался иногда полениться, то, помнится, в какое он попадал положение: все над ним и над плохо выполняемой им работой смеялись, так что ему волей-неволей приходилось идти в ногу с другими.

Возвращаясь поздно с работы, а ездили на лошадях полными телегами, люди наполняли все вокруг звонкими песнями, особенно в этом усердствовали женщины.

Если другой мужик, будучи в единоличном хозяйстве, и допускал небрежность в работе, то это мало кто видел, да никому и нужды не было его понуждать. А в колхозе, работая бок о бок с другими людьми на общей работе, ему стыдно было допускать небрежность и подвергать себя осмеянию. Да, были люди! И как не вспомнить Лермонтова: «Богатыри — не вы! Плохая им досталась доля; немногие вернулись с поля»… Да, с поля не вернулось сто пять прекрасных колхозников. Они и там, на защите нашей Родины, крепко поработали!

Дорогие мои мужики, как мне жаль вас, что вы не дожили до того времени, когда большую часть крестьянского груда удалось свалить на плечи машин, что не видите вы сегодняшней жизни…»

На этом письмо обрывается. Не письмо — мост, соединяющий прошлое, настоящее и будущее, мост между поколениями и людьми.

Случилось, что на восемьдесят третьем году жизни, идя по двору с полным ведром воды, поторопился Терентий Семенович,

поскользнулся на пристывшей укатанной дорожке и упал, подломив под себя руку. Боль в предплечье не проходила, и в конце концов пришлось обратиться к врачам. Обеспокоенные доктора предложили лечь в больницу. Как ни отговаривался Терентий Семенович, но вынужден был подчиниться: «Ну уж ладно, на недельку, не больше. Работы много, недосуг в больнице лежать».

Неделька растянулась на месяц. Лечение помогало мало, боль не утихала. Терентий Семенович нервничал: предстояла поездка в ГДР, надо было готовиться к весне, да мало ли еще дел! Но и в больнице он не нарушил обычный режим дня, вставал так же рано, много читал к писал. Работал. Ему принесли в палату самовар, и он, как обычно, пил «свой» чай и вечерами угощал навещавших его друзей. Потом, оставшись один, отвечал на корреспонденцию. Бывало, за день отправлял до шестидесяти ответов на различные письма. Здесь, в больничной тишине, связь с людьми ощущалась особенно остро.

Пишет женщина из Подмосковья. Пишет в горестные минуты — похоронила внезапно умершего мужа, осталась с двумя сыновьями-подростками. Советуется, как одолеть беду, на какой путь направить сынов. Сама она перенесла уже две операции, больна. Она не знает Терентия Семеновича, но глубоко верит, что он откликнется. И с какой радостью читает ободряющий ответ. Не знает женщина из поселка Одинцово, что вместе с письмом к ней идет от Терентия Семеновича другое письмо в районный комитет партии — с просьбой направить мальчиков в городское профтехучилище, найти возможность поставить на квартире больного человека телефон.

> «Как благодарить мне вас, дорогой Терентий Семенович, за ваше внимание, доброту! Сыновья учатся, будут рабочими. Вы даже побеспокоились, чтобы телефон нам поставили. Теперь я обязательно встану на ноги, радость — лучший лекарь. Спасибо вам великое!»

Терентий Семенович читает письмо за письмом и сразу вступает в разговор с авторами — соглашается и спорит, поддерживает, убеждает, развивает мысль. Он то задумывается на миг, и прорезавшие доброе лицо линии пережитого становятся глубже, то вдруг засмеются и вспыхнут синим светом глаза. Во всем прекрасном и мудром облике его высвечивается забота о людях — искренняя, идущая от сердца.

Пишут люди разных возрастов и профессий, поверяют свои мысли о назначении человека на земле, о цели и смысле жизни, о воспитании детей. Простые письма с простыми словами. Родные,

как люди. Непохожие, как судьбы. В одном школьники просят совета — какому делу посвятить себя? В другом сетует жена на мужа за пристрастие к «злодейке-бутылке». В третьем агроном ведет разговор о достоинствах и недостатках нового сорта пшеницы. В следующем — пенсионер рассказывает о выпавших на его долю военных дорогах, а еще в следующем мать просит усовестить сына: «Уважаемый Терентий Семенович! Пишу вам, как отцу». Как отцу…

Много писем и о многом… Только после телевизионного фильма «Мальцев из села Мальцево», снятого Центральной студией и прошедшего на экранах страны в октябре 1977 года, писем пришло более восьми тысяч. Он прочитал их все, а вот ответить смог лишь на самые важные, самые срочные. Спасибо, пришло на помощь телевидение и подготовило специальную передачу.

Как обычно, он очень волновался, сидя перед камерой кинооператора, боялся, что начнет говорить и не найдет самых нужных, самых доходчивых слов.

— Не невольте вы меня, — просит он приехавших из Москвы журналистов. — Вот соберусь с мыслями и скажу от души.

Заранее написанный текст Терентий Семенович терпеть не может. Ему нужен живой собеседник. И тогда уже не слышит надоедливое жужжание камеры, не видит микрофон.

Едва наступает перерыв в съемке, «главный герой» убегает в свою комнату «приходить в себя». Появляется через некоторое время, сконфуженный, растерянный.

— Не обессудьте, не гожусь я в артисты.

И все начинается сначала.

Ранним летним утром поднимаюсь по широким ступенькам в рубленный из крепкого смоляного дерева дом. Навстречу, радушно улыбаясь, выходит хозяин — высокий, статный, с открытым взглядом добрых синих глаз. Он уже успел поработать сегодня и во дворе, и в огороде, и за письменным столом и сейчас отдыхает.

— Здравствуйте, здравствуйте, Терентий Семенович! Чем занимаетесь?

— Хлебопашеством занимаюсь, — отвечает хозяин, все так же улыбаясь, и приглашает к столу чаевничать.

Хлебопашец… Сколько сказано одним словом! Все есть в нем: и могучая былинная сила, и непреходящая любовь к земле-матушке, и гордость за добрые деяния разума и рук человеческих.

И нет ничего удивительного, что с разных концов страны и из-за рубежа тянутся нити сердец к зауральскому селу, к дому, где живет дважды Герой Социалистического Труда колхозный

полевод Терентий Семенович Мальцев.

Пророческими явились слова великого Горького, написанные быстрым синим карандашом на рукописи первой мальцевской статьи в журнал «Колхозник» в тридцать четвертом году:

«Вот как растут люди, полезные Родине!»

БЫТЬ НА ЗЕМЛЕ ХОЗЯИНОМ

И снова дорога ведет меня в Мальцево, знакомая до каждого малого поворота, всеми своими ромашковыми полянами и хороводами белоствольных берез и щемящая сердце от предчувствия радостной встречи, словно дорога в родительский дом.

Как же благодарить мне судьбу, одарившую однажды, в самом начале журналистского пути, встречей с Терентием Семеновичем, продолжающейся вот уже четверть века дивными вечерними беседами, душевными исповедями о виденном и пережитом, о том, что волнует и тревожит, заметками на полях зачитанных книг?!

Крестьянин по происхождению и профессии, коммунист по убеждениям и партийной принадлежности, философ и боец по отношению к жизни, ученый по сделанному в науку вкладу и общественному признанию, гражданин, патриот, интернационалист, — к его очень чувствительному сердцу и светлому разуму близко, буквально вплотную подступают заботы страны и колхоза, тревоги всего человечества и отдельного человека.

Ему идет восемьдесят девятый год — почтенный возраст, дающий право на заслуженный отдых.

— В отпуске я не был ни разу, — смеется Терентий Семенович, если у него об этом спрашивают. — Самое лучшее для мня наслаждение и отдых, когда я работаю, когда в поле. Чем дольше живу, тем сильнее ощущение незавершенности моей работы. Все кажется: что-то не сделал, что-то упустил. Это и придает мне силы. Рожь нынче больно хороша, свернем? — неожиданно переводит он разговор на самую близкую и родную ему тему. И наш «уазик», которым мы едем с ним из города, ныряет с асфальта в мягкую зелень полевой дорожки.

Озимая рожь, сеянная по удобренной и ухоженной земле, и впрямь удалась на славу, что в здешних местах бывает не так часто.

— Центнеров за тридцать будет?

— Будет, — согласно кивает он, обычно осторожный и сдержанный в оценке урожая, пока хлеб не убран.

Но мягкое доброе лицо его задумчиво и печально, а голос звучит глухо, словно прорывается сквозь глубинную боль.

— Холода нынче долго стояли, трава не росла, вот и скосили порядочный клин на подкормку скота. Как увидел, слезы полились от обиды. Уж я выговаривал председателю: не ладно

делаете, не по-государственному. Да не поправишь, не вернешь, больше потеряли, чем выиграли… Оправдываются, дескать, скосили всего двадцать три гектара из трехсот, а мне бы и метра не скосить — рука бы не поднялась на хлеб.

Позднее, когда вечером мы обсуждали с Терентием Семеновичем план его газетной статьи, его слово к читателю о Продовольственной программе партии, я вспомнила о ржаном поле: пример-то уж очень свежий.

Терентий Семенович провел по лицу сухими, жилистыми, как корни могучего дерева, руками, словно снимал дневную усталость, и так же глухо, как днем, произнес:

— Об этом писать не надо. Наше дело, домашнее, сами разберемся. А сказать я хочу вот что: главное в Продовольственной программе — забота партии о хлебе насущном, о земле, хозяйском к ней отношении. Землю-матушку, кормилицу нашу не обманешь, она отзывается на искреннюю к ней любовь и заботу. Грамотных-то у нас нынче много, специалистов хватает, а настоящих хозяев, умных, рачительных, бережливых, не одним днем живущих, недостает повсеместно — от руководителя до рядового колхозника, от агронома до механизатора. Подумать надо, как выправить такое положение.

Догорал жаркий летний вечер, медленно скатывалось за крыши домов солнце. Терентий Семенович разбирал бумаги на письменном столе. Немало неотложных дел накопилось в его отсутствие. Отдельной стопой лежали письма. Он придвинул их к себе согнутой в горсть ладонью, будто зачерпнул и боялся пролить хоть капельку драгоценной живительной влаги. Этой же горстью взял написанные своим аккуратным убористым почерком листы.

— Почитайте, пожалуйста. Изложил мысли по решению Продовольственной программы. Меня все спрашивают: «С чего начинать, да какое самое главное звено взять и разом вытянуть всю цепь проблем современной деревни?» Считаю, что начинать надо с нас самих, прежде всего, с укрепления дисциплины, с воспитания коммунистической нравственности. Не случайно следом за майским и ноябрьским (1982 г.) Пленумами Центрального Комитета КПСС проходит июньский (1983 г.) Пленум ЦК, который обсудил актуальные вопросы идеологической и массово-политической работы партии. Возьмем такое простое дело, — продолжает Терентий Семенович. — Мог ли раньше, к примеру, крестьянин-единоличник лечь спать, оставив во дворе некормленую лошадь? И представить себе не могу такое. Так почему же сейчас иной нерадивый тракторист бросает в поле или на дороге трактор, при этом материально

никак не страдает? При нашем личном и общественном благополучии мы перестали радеть за общественное добро как за личное. Много бед оттого, что современный крестьянин, особенно молодой, мало привязан к земле. Спросите, как привязать? Директивными мерами тут не поможешь. Надо, чтобы человек имел оседлость, чувствовал себя привязанным к земле всей душой и воспитывал эту привязанность в детях своих. Я много езжу по стране, радуюсь социальным переменам на селе. В нашей области тоже крепко взялись за упрочение материальной базы сельского хозяйства, но в отрыве от воспитания, формирования коммунистической нравственности оно не должно идти.

И снова, круто повернув разговор, вдруг поднялся из-за стола, легкий, стремительный, не пригласил, а попросил:

— Поедемте на опытные деляны, а?! Посмотрим новые гибриды — прямо чудо: в одном колосе два да три колоса зреют.

Он молчал всю дорогу, наверное, думал вечную свою думу о хлебе, и я боялась потревожить его неосторожным вопросом. И только у самого края деляны, чуть подавшись вперед и стараясь разом охватить все опытное поле, словно телом сливаясь с упругими сильными стеблями наливающегося богатырским колосом, рожденного на мальцевской земле нового сорта, тихо сказал:

— Урожай будущего. Завтрашние дни становятся днями сегодняшними. — Голос его дрогнул, и лицо осветилось счастьем. И в этой его светящейся радости мне вспомнилась самая первая встреча с Терентием Семеновичем почти четверть века назад.

Зимним трескуче-морозным днем я приехала в село Мальцево попросить Терентия Семеновича выступить в городском молодежном университете культуры. Автобус попался холодный, и пока бежала от дороги к селу, пока спросила, где дом, совсем закоченела. Едва постучала — дверь отворилась, будто ждали меня здесь.

— Входите, входите, валенки снимайте, грейтесь, чай пить будем.

Волнения мои — как встретит незнакомого человека, вдруг да откажет, сошлется на занятость или что другое — мигом исчезли. Пьем чай. Терентий Семенович подкладывает сахар, смеется: «У меня для гостей норма не меньше трех стаканов». Спрашивает, чем занимается шадринская молодежь в свободное время, как комсомол организует досуг, много ли читателей в библиотеке и боремся ли мы со «стилягами». Ох уж эти стиляги — яркий галстук, узкие брюки, туфли на толстой подошве…

— Слепое подражательство Западу к добру не приведет, —

говорит Терентий Семенович, — советскую моду утверждать надо!

В назначенный день выступления Терентия Семеновича разыгралась пурга. Сбивала с ног, слепила глаза даже в городе, что уж говорить про открытое поле. К семи часам вечера, как ждали, Терентий Семенович не приехал. Решили начинать занятие университета просмотром кинофильма — тем более что рассказывал он о Мальцеве и его агрономической науке. Но вот закончился фильм, а его все нет — пора расходиться по домам. Но никто не собирается уходить.

Еле-еле дозвонились до колхоза. Уехал, говорят, в город во второй раз, теперь на тракторе. На машине не мог сквозь заносы пробиться. В зале от такого сообщения буря аплодисментов. И снова ждем. Проходит еще немало времени, и вдруг в распахнутых дверях в клубах снега — он с комсомольцами, вышедшими ему навстречу.

Мигом расставлены ряды кресел в большом зале. Времени 11 часов вечера.

Терентий Семенович выходит на сцену, подходит совсем близко к краю ее, стремительно выбрасывает вперед руки. Зал подается ему навстречу и замирает, словно охваченный таинством. Какую драгоценную ношу держит сейчас этот мудрец, этот кудесник в сложенных чашечками ладонях? О чем думает, что скажет?

— О земле говорить буду, кормилице нашей, — негромко, неторопливо начинает Терентий Семенович, все так же бережно держа перед собой ладони чашечками. — Исстари человек почитает хлеб, называет «хлеб-батюшка» за то, что питается им. Землю называем мы «земля-кормилица» за то, что она кормит нас. Отец и мать!

«Так вот что он держит в них и протягивает нам — ЗЕМЛЮ! Две горсти земли!» — вдруг доходит до нас, и все вскакивают, бросаются к сцене, словно хотят увидеть самое драгоценное, что есть у людей.

— Начнем с хлеба — главного продукта народного питания. Требуется его все больше и больше. Пашни же, способной родить хлеб, наоборот, становится меньше — наступают на нее стройки, города. Во всем мире так происходит. И это большая проблема. Велика наша страна, да земли лишней нет.

Два часа говорил Терентий Семенович, и два часа одним с ним дыханием жил зал.

А когда закончил, сославшись на позднее время, его окружили, засыпали вопросами и не отпускали еще долго. По-прежнему не унималась снежная буря. Терентий Семенович

попрощался и отправился в обратный путь домой, в ночь, в снег, за двадцать километров. О чем он думал в ту дорогу? О хлебе? О молодых людях, которым надлежало хозяйствовать на земле? О собственных невзгодах — немалые силы требовались, чтобы отстаивать свою точку зрения?

Спустя много лет я напомнила Терентию Семеновичу о встрече с молодежью в университете культуры, о тракторном «переходе» через снежные заносы от села до города Шадринска и о том, как же были мы ему благодарны за приезд, за разговор. Он, то ли занятый другими мыслями, то ли давно забывший о той поездке, — немало их у него было, — разве все упомнишь, удивился:

— Разве я мог не приехать?

И продолжался наш разговор.

— Без стратегии и тактики в сельском хозяйстве нельзя. А мы пока что все стремимся урожаи-то авансом брать в счет будущих урожаев. Нам же надо сегодня создавать условия для завтрашних урожаев и добиться такого положения, чтобы чем выше был урожай, тем сильнее бы обогащалась почва. Тогда и от погоды будем меньше зависеть.

— Словом, Терентий Семенович, ключ к урожаю в руках самого земледельца?

— Так-то оно так, да не простой это ключик, а «замок» и вовсе с секретом — у природы свои тайны от нас. Если с умом подходить, так не «преобразовывать» природу надо, к чему мы все время призываем и от чего часто поначалу кажущееся добро оборачивается злом или даже бедой. Мое убеждение такое: к природе надо прислушиваться, понимать происходящие в ней процессы, следовать в какой-то мере ее законам, обращая их в свою пользу. Вот в чем секрет.

С раннего утра, не раз уже почаевничав, мы сидим с ним друг против друга за большими «мальцевскими» столами, крепко сработанными деревенскими умельцами. Широко распахнуты книжные шкафы. Любимое его занятие, в котором и отдохновение, и настрой на новую работу, — беседовать с книгами. Любую нужную в данный момент книгу достает с плотно набитых полок сразу же и безошибочно — верный признак того, что не стоят они мертвым капиталом, а все время в ходу, в действии.

— Пожалуй, почитаем, — решает Терентий Семенович, отрываясь от рукописи. — Что скажут нам великие наши учителя? Они тоже мучились в поисках истины, сомневались, предлагали, достигали победы и терпели поражения — опыт современной науки и практики не на пустом месте зиждется. Учиться и знать

никогда не поздно.

С этими словами Терентий Семенович берет с полки книгу и открывает страницы, буквально испещренные синим и красным карандашом, с одному ему ведомыми значками и пометками на полях. Он оглаживает, ласкает руками зачитанные листы, словно здоровается с ними, и протягивает мне:

— Почитайте-ка вслух. Герцен о взглядах философа Бэкона.

> «Посмотрите вниз, посмотрите на эту природу, от которой вы силитесь улететь куда-то; сойдите с башни, на которую взобрались и откуда ничего не видать; подойдите поближе к миру явлений — изучите его. Вы ведь не убежите из природы: она со всех сторон, и ваша мнимая власть над ней — самообольщение; природу можно покорять только ее собственными орудиями, а вы их не знаете; обуздайте же избалованный… ум ваш настолько, чтоб он занялся делом, чтоб он признал несомненное событие вас окружающей среды, чтоб он склонился перед повсюдным влиянием природы — и начинайте, проникнутые уважением и любовью, труд добросовестный».

Я прочитала до отметки. Терентий Семенович заговорил не сразу.

— Вот ведь как: чтобы ум склонился перед явлением природы… Глубокая мысль, очень глубокая и к нашему времени подходяща.

— Терентий Семенович, ваша идея безотвальной обработки земли возникла тоже ведь как следствие наблюдения за природой и жизнью растений. И наверное, логично и закономерно, что получила она в разработке и применении с другими агротехническими приемами определение как система «почвозащитного», «почвоохранного земледелия».

— Как ни называй, смысл один: действительно, почву необходимо оградить от разрушения, оскудения, А разрушает-то кто? Да мы с вами, люди. Непродуманными нашими действиями, грубым вмешательством, а строить взаимные отношения с природой нам надо не вопреки ей, а в согласии с ней. Чтобы почвоохранное, почвозащитное земледелие стало бы еще и почвообразующим.

Многолетний опыт и практика на полях Зауралья, а теперь уже во многих других регионах страны, и в первую очередь на целине, в Поволжье, на Полтавщине, в Нечерноземье, дают право утверждать, что в силах человека так хозяйствовать на земле, чтобы почвенное ее плодородие не уменьшалось, не истощалось,

а накапливалось для будущих урожаев, для идущих за нами поколений. Будучи полными хозяевами положения на полях, мы несем гражданскую ответственность за состояние их плодородия перед современниками и потомками.

Хозяйствуя на земле разумно, не нарушая законов почвообразования, а взаимодействуя с ними, следуя им и помогая культурой земледелия, мы достигаем того созидательного процесса, к которому стремимся и ради которого живем и работаем. Для этого надо жить не вчерашним багажом знаний и умений, действовать не ради сиюминутной выгоды, а ясно представлять себе день завтрашний и обязательно все время помнить завещание Карла Маркса — не оставлять потомкам пустыню.

Нетороплива, раздумчива речь Терентия Семеновича. И не речь даже, а откровенный разговор по душам о большом государственно важном деле.

Идея безотвального, бесплужного земледелия, родившись сорок лет назад на мальцевской земле, открыла новую эпоху в отечественном и не только отечественном земледелии. Высказав дерзкую мысль о возможности не только многолетних, но также и однолетних растений при соответствующих условиях создавать почвенное плодородие, доказав ее практически и отстояв, колхозник-опытник сделал открытие мирового значения. Это теперь бесспорно и общепризнанно.

Научный и гражданский подвиг Мальцева состоит в том, что он пошел вслед за открытием и развил идею безотвальной пахоты в систему новых агротехнических приемов обработки почвы для сохранения и увеличения почвенного плодородия, изобрел комплекс почвообрабатывающих орудий и поставил вопрос о необходимости разработки философских основ земледелия, всего сельского хозяйства, путей решения его экономических, социальных и нравственных проблем.

Снова необычно, снова дерзко. Исходя из государственных интересов — масштабно. Есть философия — учение о законах развития общества. И есть земледелие — агрономическая наука о выращивании сельскохозяйственных растений. Но философия земледелия… Как соединить их в одно целое? И надо ли, а главное, возможно ли такое соединение?

По просьбе Мальцева в село приезжают ученые, изучают выдвинутые им концепции, приходят к выводу: «Вопрос будущего»…

Мальцев не отступает:

— Философские законы действовали в природе всегда, действуют сегодня и будут действовать завтра. Урожаи нам

нужны сегодня и завтра, так как же хозяйствовать на земле, не вооружившись современными философскими знаниями и не применяя их?

Он выступает в центральной печати, статью называет «Философия земледелия». Выступает на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Снова и снова просит собрать философов и аграрников для совета. Готовит сообщение «О философских проблемах земледелия» и ставит его на заседании Президиума ВАСХНИЛа. После обсуждения сообщения Т. С. Мальцева Президиум принимает постановление, в котором отмечает:

> «…Т. С. Мальцев ставит ряд важных научных и практических вопросов дальнейшего развития сельскохозяйственного производства. Весьма актуальной является постановка вопроса о всемерном увеличении плодородия пахотных почв как основы прогрессирующей интенсификации земледелия и решения задач по увеличению производства сельскохозяйственной продукции, определенных Продовольственной программой».

Хороший документ, к сожалению, лег в протоколы, и за ним не последовали ни научные рекомендации практическому земледелию, ни дальнейшая углубленная разработка «науки Мальцева».

Главная мысль Мальцева: быть на земле хозяином, дорожить званием хлебороба.

— Судьба урожая все больше зависит не от природы, а от самих хлеборобов: механизаторов, агрономов, руководителей хозяйств, ученых. От них все больше требуется инициативы, самоотдачи, повышения ответственности, разумного, творческого, а не шаблонного подхода.

Много у Терентия Семеновича мыслей об этом. Он записывает их в своих «памятках». Есть у Терентия Семеновича такие заветные листочки в половину стандартного машинописного листа, заполненные красивым аккуратным почерком. Редко кому показывает и дает прочитать:

— Для себя писано, думать над этим еще надо.

Как-то он особенно долго не поднимался из-за письменного стола. Неторопливо писал. Перечитывал, шевеля губами, зачеркивал и снова писал. Сердился на себя:

— Вот ведь беда у меня какая: не могу во всей полноте и ясности выразить то, что в голове теснится. Кабы кто сумел перенести мысли мои из головы на бумагу.

И снова писал. Закончив самую тяжкую для себя из всех работ, сложил листочки в стопочку и протянул мне.

— Может, что полезное из этого прочитаете. Сгодится — так возьмите.

Он вздохнул облегченно и радостно, будто выпускал в небо птиц. Высоко поднимались его птицы — мысли, с доверчивой откровенностью обращенные к людям, к их сердцу и разуму, долгу, совести, чести… Памятка «Каким должен быть коммунист». Памятка «Что такое любовь к Родине». Памятка «Об охране природы».

И вот памятка «О развитии научного земледелия».

> «Должна ли быть в развитии научного земледелия какая-то основная (осевая) направляющая идея или теория, которая бы держала путь к этому всегда открытым и давала бы повод к новых постановкам задач и их разрешению?
>
> Если должна, то какая?
>
> Я не философ, но вопросами философии интересуюсь уже давно. И вот мне думается, что основоположники марксистско-ленинской философии оставили нам очень большое и богатое наследство — диалектический метод исследования, который как раз и позволяет находить любые научные вопросы и разрешать их.
>
> Но наша сельскохозяйственная наука, как мне видится, еще недостаточно пользуется этим оружием в своих исследованиях, да и сама философия не пытается глубже проникнуть в сферу сельхознауки и производства. (А надо бы!)
>
> Вот мне и кажется, как сельскохозяйственная наука, так и философия могли бы совместно ухватиться за это оружие и при его помощи установить направляющую линию в развитии сельскохозяйственной науки. Это и было бы прочное осевое направление. Только надо в этом отношении крепко все продумать и обдумать. Ведь здесь философия будет не отвлеченной, а предметной.
>
> Диалектический метод здесь поможет осознанно пользоваться услугами природы: процессы создания — разрушения направлять в желаемом направлении».

Вот такая памятка-наставление. Сам Мальцев видит в философии земледелия органичное взаимодействие законов марксистско-ленинской диалектики с аграрной политикой партии, интеграцию научно-технического прогресса и социальных

программ преобразования села, союз творческой мысли и творческого труда.

…В столичной гостинице «Москва» мы, как договорились, встретились с Терентием Семеновичем вечером. Он вернулся из поездки по подмосковным полям. Притомился, пропылился: июльское солнце палило немилосердно. Только шагнул за порог гостиничного скромного номера, начал рассказывать:

— Поглянулось. Поля чистые, хлеба ладные, хорошие дороги, и все кругом строится, строится. Не мудрено, что доярок набирают по конкурсу. Живут, понятно, не без проблем, видел сегодня, траву косят тоже горожане… Как бы нам поскорее-то все решить, а?!

Вопрос, который мучит его, он задает всем, не имея в виду получить исчерпывающий ответ, а себя и других понуждая к размышлению и действию. На просьбу редакции «Советской России» поделиться мыслями с читателями газеты живо откликается:

— Хлеб требует. Коротко и ясно: Хлеб требует.

И продолжает разговор:

— Кому не знакома такая картина? Приедет в колхоз какой-нибудь уполномоченный, заметит в хозяйстве какие-то неполадки и говорит колхозникам:

— Вы же хозяева, почему такое допускаете?

Они обычно отвечают:

— С чего вы взяли, что мы хозяева? Делаем то, что нам скажут.

И председатель колхоза на такое отвечает тем же, чем и колхозники: что и он, и правление тоже не хозяева. Как же так? Земля передана колхозу по акту на вечное пользование, колхоз и должен решать, как ее выгоднее использовать не только для себя, но и для государства, поскольку земля государственная.

Скорее надо перестраиваться, больше доверять колхозам и совхозам, чем им доверяли до сих пор. Худо от этого не будет, мне кажется, будет только лучше. Ведь так бывает, что планы, составленные и утвержденные зимой, весна часто заставляет переделать по-своему, и то, что намечалось планами, оказывается в сложившихся условиях непригодным. Поэтому-то планирование должно быть гибким и оставлять место для возможного их изменения в более выгодную сторону как для хозяйства, так и для государства.

Скажете: легко давать советы. Согласен, но, положа руку на сердце, скажу, что всегда сам прислушивался и сейчас прислушиваюсь к мудрым, знающим людям. Несмотря на возраст, продолжаю учиться и самосовершенствоваться, убежден, что

человек должен это делать всю жизнь, чтобы не отставать и всегда идти в ногу со временем. И получается, что ключ к урожаю в руках у человека.

Это он еще раз доказал, многие годы воюя за пары и у себя в районе, и в области, и в масштабе всей страны.

— Я, можно сказать, родился на парах, вырос на парах и состарился на парах. Всю жизнь их отстаиваю и защищаю, потому что глубоко убежден: без паров у нас в Сибири, на Востоке получать устойчивые урожаи невозможно. Да и только ли в Сибири? Возьмите Поволжье, постоянно страдающее от жестоких засух, другие зоны рискованного земледелия.

Испокон веков зауральские крестьяне оставляли под чистые пары до одной трети невеликого своего надела и сеяли по ним яровую пшеницу. А сейчас, случается, некоторые руководители даже сельхозорганов рассуждают так, будто под паром земля гуляет попусту, и сколько бы можно, дескать, было за счет дополнительной площади получить хлеба дополнительно.

Глубокое заблуждение. Не будем забывать мудрый совет древнегреческого философа Сократа: «Гораздо лучше… получать каждый год хлеба достаточное количество, чем то очень много, то слишком мало». Пары — это прежде всего сохраненная влага, а значит, и гарантированный урожай в засушливые годы.

Собрание партийно-хозяйственного актива в Целинограде осенью 1985 года. В числе участвующих от Курганской области Терентий Семенович Мальцев. Место его — во втором ряду от трибуны слева. Неподалеку в том же ряду Александр Иванович Бараев, директор известного института зернового хозяйства в Шортандах. Не сумел Терентий Семенович увидеть его перед началом заседания. Подумал про себя: «В перерыв обязательно найду».

О многом надо поговорить и посоветоваться им, двум крупным ученым. Странно и плохо получилось, что они, работая над одной и той же проблемой — защитой и повышением почвенного плодородия, так и не объединили своих усилий. Что мешало тогда и мешает сейчас?

Эта мысль не дает покоя. Преодолей они сразу давно возникший между ними порог отчуждения, и как бы двинули вперед дело!

Разве суть в том, как называется система — мальцевская или бараевская — размышляет старый хлебороб. Главное в той пользе, какую принесла идея безотвальной пахоты, а отдача от освоения научно обоснованных систем ведения хозяйства, интенсивных технологий должна быть немалая. Как много работы предстоит!

Основная задача агропромышленного комплекса — достижение устойчивого роста сельскохозяйственного производства, надежное обеспечение страны продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем. Об этом говорит сейчас с трибуны собрания Генеральный секретарь Центрального Комитета партии. А сколько ему пришлось в свое время повоевать, доказывая это?! До того, пока были приняты специальные документы партии. Был и без вины виноватый, и незаслуженно замалчиваемый в самые зрелые и плодотворные свои годы. Но ведь пережил же, не поступился собственными убеждениями в силу неблагоприятных обстоятельств или в угоду мнимым авторитетам. И жизнь доказала, как всякое правое дело, реалистичность и прогрессивность его взглядов и предложений по повышению культуры земледелия.

Состояние дел в экономике сельского хозяйства заставляет настойчиво искать поворотные моменты к коренному их улучшению прежде всего на местах. Наступательно и устремленно ведет эту политику Центральный Комитет партии. Об этом говорит Михаил Сергеевич Горбачев с трибуны собрания. Слушают его с огромным вниманием. Партия и страна идут к XXVII съезду — время строгих оценок, время коренных перемен.

Слушая и обдумывая сказанное, Терентий Семенович не вдруг замечает, что Михаил Сергеевич отыскивает его взглядом в большом зале и ставит в пример, как надо последовательно и настойчиво внедрять в производство передовую практику увеличения плодородия почв.

— Поздравляем! — Сидящие рядом товарищи пожимают Терентию Семеновичу руку. Он благодарно кивает головой и чувствует, как что-то сжимается в горле и перехватывает дыхание. Да, отрадно услышать оценку трудов, которыми наполнена вся жизнь, увидеть их плоды, продолжая трудиться. В перерыве они встречаются — Генеральный секретарь Центрального Комитета партии Михаил Сергеевич Горбачев и колхозник, народный академик Терентий Семенович Мальцев. И хотя мало времени, разговор о самом жгучем — как увеличить плодородную силу земли и разумно на ней хозяйствовать.

НАУКА ДОСТОЙНО ЖИТЬ

В 90 лет, наверное, можно без всякого осуждения жить прошлым и прежними заслугами. Терентий Семенович весь в настоящем и будущем, и возраст его невозможно определить прожитыми годами. Потому что удивительно молодо сердце, острота мышления поражает по-прежнему.

О чем, казалось бы, заботиться и сожалеть человеку, чьи труды дважды отмечены Золотыми звездами Героя и народной любовью?

В самый канун юбилея пригласили Терентия Семеновича на встречу со студенческой молодежью в областную библиотеку. Не раз бывал он здесь в уютных читальных залах, интересовался, какие книги постоянно на руках, а какие стоят нераскрытыми. И снова вопросы.

— Много ли читают молодые люди? То ли читают? Может, больше интерес к детективам?

Порадовался, услышав, что заметно возросло влечение к исторической, мемуарной, философской, экономической, морально-этической литературе.

И вот он уже в окружении студентов. С душевной искренностью говорит о самом простом и самом сложном, о вечных истинах и нравственных ценностях. Как живем, как поступаем? Что творим и во имя чего? О чем думаем?

О себе говорит. Но так говорит, словно душу каждого открывает, очищает ее от мелкого, суетного, наносного.

— Мое дело — бороться всеми силами с возможной войной. И мое же дело растить хлеба все больше и больше — лишним-то он никогда не станет. Но растить хлеб — значит и растить человека. И это тоже моя забота. Вот такие дела, дорогие товарищи, и все главные.

Сказал и замолчал, положив на стол перед собой натруженные, похожие на корни могучего старого дерева, руки. Может, видел он сейчас собственную жизнь, в нем самом прошедшую и сделавшую его таким, каков он есть, при самом непосредственном его участии и старании. И, словно отвечая мыслям своим, произнес в задумчивости:

— Человек растит человека. А что нам с вами в жизни важнее всего? Пример, хороший пример.

Сам он являет собой и своей жизнью достойный пример. Никто и никогда — ни в родной семье, ни в селе не видел его праздным. Всегда в трудах, в учении, в заботах. Будто о нем сказал известный американский просветитель Б. Франклин:

«Тот, кто хочет разбогатеть с помощью плуга, должен либо сам идти за плугом, либо погонять».

Всю жизнь Терентий Семенович идет за плугом и благодаря этому достиг несметных богатств — высочайшего авторитета и уважения, разносторонних знаний, радости дружбы и товарищества, счастья видеть плоды трудов своих и мыслей.

Терентий Семенович Мальцев — уникальное, если не сказать больше, — историческое явление в нашей действительности. Его поражающая современников жизнь еще будет предметом изучения философов, социологов, публицистов, аграрников.

Все, что до сих пор сказано о нем и его науке выращивания хлеба, пока только вступление, пролог. Уж поистине: большое видится на расстоянии. Мы живем с ним рядом, знаем его очень близко и никак не постигнем до сих пор всю безмерную глубину его постоянно работающей мысли, его блестящий талант ученого, удивительную работоспособность и тягу к самому рядовому, «черному» труду землепашца и сеятеля, тайну характера, клад энциклопедических знаний, высоту понимания долга…

До многого в нем просто не дотянуться сразу, не сравняться. Но и из того, что знаем, — как много полезных уроков. Сама его жизнь со всеми радостями и сложностями — пример достойной жизни во благо людей, она пронизана светом идей, убежденности, мужества, оптимизма.

Сегодня мы можем говорить о жизни Мальцева как об уроках. Уроки любви к Родине, верности земле, о хлебе, о долге, о чести, о совести… Об этом — высшем идеале человека все его заботы, тревоги, раздумья, исполненные величайшей человечности.

У Терентия Семеновича часто спрашивают, есть ли у него последователи и кто его ученики. Не припомню случая, чтобы он назвал кого-то по имени. Почему?

Однажды признался:

— Не знаю, кто лучший последователь. Может, тот, кто даже не в нашем колхозе, не по соседству живет, а где-то далеко от меня. Был недавно в гостях на Полтавщине. Там с любовью и знанием дела занимаются поверхностной обработкой почвы. Хорошие у них поля, хорошие урожаи, и во всем этом — большие перспективы в будущем. Они назвали себя моими учениками. Я ответил, что в какой-то степени сам у них учусь.

Вот сейчас в нашем колхозе работает первый год агрономом-семеноводом после окончания Курганского сельскохозяйственного института Показаньев Сергей Александрович. Он приходит ко мне часто, и по вечерам мы беседуем об агрономической науке, о каждом колхозном поле в

отдельности, — за все годы знаю, когда и чем они были сеяны, когда паровали, как обрабатывались, какие урожаи приносили. Без такой «биографии», родословной пашен агроном как в потемках. Мне нравится пытливость молодого специалиста, стремление разобраться во всем и приложить к делу свои знания и энергию. Хорошим учеником он был в институте, теперь надо на земле оправдать доверие. Думаю и надеюсь, что у него все получится.

А так говорят последователи и ученики Терентия Семеновича Мальцева. Ветеран колхоза Емельян Нестерович Мальцев рассказал при встрече:

— В колхоз мы вступали вместе с Терентием Семеновичем. Был я его моложе и тянулся к нему всей душой. Работал я в огородной бригаде. Съездил Терентий Семенович к Ивану Владимировичу Мичурину и попросил нашего бригадира Василия Дмитриевича Мезенцева: «Нет ли у тебя в огородниках смышленого и трудолюбивого колхозника?» Мезенцев порекомендовал меня: «Лучше, дескать, и не найти». Так я стал садоводом.

Посадили первые сорок яблонь, а яблони-то какие? — Ранетки. Других мы и не знали, им радовались. Потом кто-то сливами угостил, из косточек вырастили саженцы. Чуть что мне непонятно, я сразу бежал к Терентию Семеновичу. Потом привезли из Башкирии восемь кустиков смородины, и стал наш сад в шесть гектаров, да каждый колхозник посадил плодовые деревца у себя на огороде. По всему Зауралью распространились наши саженцы, и сады зацвели. Это сейчас денег у всех много, компоты в магазинах покупают, сады в колхозах повывели. А какая от компота польза? Это я так, отвлекся.

Терентий Семенович посоветовал мне изучить труды Мичурина и книжки дал. А сам что прочитает, то и расскажет. К философии приучал, да не осилил я. Уважительный он ко всем людям. Отца Семена Абрамовича любил, ни в чем ему не противоречил, а правоту свою опытами доказывал. Когда умер Семен Абрамович, дома сына его не было. Узнал о беде далеко и так лошадей гнал, что чуть не загнал, а уж не успел…

Тридцать пять лет мы с ним бок о бок работали, а жили в одном селе и того больше, с рождения. Я и сейчас не знаю, то ли своим умом жил, то ли его… Встречаемся сейчас редко, постарели оба, а как встретимся — старину вспоминаем, все лучшее в ней. Старее нас с ним нет в Мальцеве. Что добавить еще хочу? Хотел сельсовет назвать в честь Терентия Семеновича улицу его именем. Да воспротивился он. Назвали улицу Школьной.

А это письмо от первого секретаря Полтавского обкома партии Федора Трофимовича Моргуна. Они знакомы давно, не раз встречались в нелегкие для целинников годы, вырабатывая для целины стратегию и тактику обработки полей. Мальцевская наука пошла дальше.

«Уважаемый Терентий Семенович!

Хочется, чтобы Вы приехали и своими глазами посмотрели на полтавские бесплужные поля, перенесшие сильнейшую осенне-весеннюю засуху. Особенно жесткие погодные условия были в апреле — мае. Свыше 70 хозяйств области до 1 июня не имели осадков с осени. В мае запасы влаги в почве достигали критического уровня.

И все же хлеб будет неплохой, хороши кукуруза и свекла. Полтавчане еще раз убедились в силе Ваших идей, Терентий Семенович, потому что если бы мы, как прежде, пахали плугами с отвалами, хозяйства в этих невероятно сложных погодных условиях практически не имели бы ни кормов, ни зерна. Безотвалка спасла наши поля, и это сейчас доказательно просматривается. Урожай будет, думаю, вполне хороший…»

Терентий Семенович отправился в Полтаву на 90-м своем году. Манило увидеть те поля, встретиться с Федором Трофимовичем, украинскими хлеборобами. И была еще одна притягательная сила — он ехал в те края на печальное свидание с сыном.

Ехал и вспоминал до мельчайших подробностей жизнь до войны. Вспоминал с щемящей болью.

— Отправились как-то со старшим сыном Константином в лес дрова рубить. Мать положила нам три вареных яйца — больше-то не было. Стали с Костей обедать. Я ему два яйца положил, себе одно взял. Он одно оставил, другое мне переложил. Никак я его убедить не мог, что не хочу, что он молодой, растет, ему надо больше есть. Пришлось третье яйцо пополам разрезать — так только с трудом уговорил. Хороший парень он у нас был…

На Курской дуге погиб Константин Терентьевич, 22-й год ему шел. Чем дальше время уходит, тем все больше и нестерпимее у отца, сестер и братьев жалость о нем.

Едет отец к сыну. Весь последний разговор с ним может повторить от слова до слова. Обратился он тогда к сыну по Всесоюзному радио в декабре 1942 года.

«Горячо любимый мой сынок Костюша!

Шлю я тебе свой сердечный родительский привет и от всей моей души крепко прижимаю тебя к своему сердцу и целую. Желаю тебе самых наилучших благ и успехов в твоей ратной жизни и самое главное — скорейшего разгрома ненавистного врага и возвращения к своему родному очагу, к своему родному семейству. Тебе будет уготована радостная встреча и всеобщая заслуженная любовь твоего родного семейства.

Вместе с тем прими такой же, как и от меня, горячий привет и от твоей дорогой мамы, которая болеет за тебя душой. Она своим беспокойным материнским сердцем посылает вместе с миллионами матерей проклятье злодеям человечества, которые вызвали небывалое в мире пролитие моря человеческой крови и слез — немецким фашистским мерзавцам. Не забывай, Костюша, ни при каких обстоятельствах свою дорогую маму и как можно чаще давай нам знать о твоем драгоценном для нас здоровье. Каждое твое письмо вызывает праздник в нашем доме.

Если бы ты знал, Костюша, как мы все соскучились по тебе: все твои братишки и сестренки, и как они без тебя уже изменились!

Савва уже становится взрослым — ему скоро исполнится семнадцать лет — он также мечтает стать в ряды Красной Армии, а пока работает на животноводческой ферме. Вася стал у нас неузнаваем — он уже ходит в школу — в первый класс. Откровенно скажу — Вася учится с каким-то особенным желанием и успехом: он по классу самый лучший отличник. Начинает уже писать сам письма, писал и тебе.

Нюра, к глубокому нашему сожалению, из-за слабого здоровья вынуждена пока прекратить учебу. Думаем через пару лет учить ее какому-нибудь полезному и доступному ей ремеслу.

Валя удивительно быстро растет — ей всего еще пять лет, а она уже выглядит порядочной девчонкой и неотвязно просится в школу.

Наша маленькая и любимая тобою и всеми нами Лидочка стала забавной девчонкой. Она не только уже научилась говорить, но научилась очень умно рассуждать. Она у нас не поддается никакому обману — всякий обман разоблачает лучше взрослого. А ведь ей всего лишь два с половиной года. И вот все они вместе шлют тебе задушевный братский привет и желают тебе

самого дорогого для человека счастья, здоровья и скорого возвращения домой с победой.

Разреши, Костюша, передать тебе и старческие чувства бабушки Капитолины и бабушки Анны, наполненные искренней любовью к тебе. Они по-своему, по-старушечьи, прилагают все свои силы и помыслы на помощь фронту, на помощь вам, защитникам Родины.

Прими привет и от нашего с тобой задушевного друга и одного из самых честных и прилежных колхозников — от садовода Емельяна Нестеровича.

Дела у нас в колхозе идут неплохо; несмотря на трудности, с работой справляемся. Долг перед государством — хлебопоставки выполнили полностью еще 7 ноября. Теперь идет окончание молотьбы. Колхозники наши работают с небывалым подъемом — они все силы отдают делу помощи фронту. Будьте уверены, наши дорогие защитники, что тыл выполнит, так же, как и вы выполняете, свой долг до конца. Дадим фронту все, что нужно.

Нахожусь я теперь в Москве, на сессии ВАСХНИЛ, где вместе с академиками обсуждаем важнейшие вопросы повышения урожайности в сорок третьем году, чтобы еще больше дать фронту хлеба, мяса, масла и сырья для промышленности. На сессии я выступил два раза.

Выполнил, сынок, твою многократную просьбу — сфотографироваться с орденами и послать тебе. Через пару дней карточки будут готовы, и я их тебе вышлю. Как бы ты порадовал нас, сынок, если бы и ты в свою очередь тоже снялся на карточку и прислал бы нам. Как бы мы порадовались твоему снимку!

Сынок! Одного никогда не забывай: будь всегда верен присяге. Защищай нашу дорогую Родину, нещадно громи врага вверенным тебе оружием, которым учись владеть в совершенстве, как призывает к этому товарищ Сталин. Если будешь так делать, никогда не ошибешься.

Мы получили от командования части, где ты находишься, хороший о тебе отзыв. Ты мужественно ведешь себя в боях с врагами и прекрасно понимаешь свою задачу и выполняешь ее. Нас радует, что наш сынок умеет храбро защищать свободу и независимость Родины.

Пиши нам письма чаще.

Искренне любящий тебя твой родитель

Терентий Семенович Мальцев».

Сыну не довелось услышать голос отца: во время радиопередачи он, командир-артиллерист, находился в бою. А те, кто слышал, передали ему отцовское письмо слово в слово: к каждому обращался Терентий Семенович, как к сыну.

Все письма с фронта хранит отец. Множество раз перечитывал он их за более чем сорок минувших лет, и каждое письмо до сих пор вселяет надежду: вот-вот вернется старший сын к родному порогу.

> «Дорогие папа и мама, шлю горячий фронтовой привет. А также привет Савве, Васе, Вале, Нюре и бабушкам Капитолине и Анне!
>
> Сегодня у меня превеликий праздник, получил от вас долгожданное письмо и письмо от Саввы. Радуюсь, как ребенок, хотя обстановка вокруг суровая, военная… Я уже достаточно окреп после болезни, страдаю только одышкой. Питание у нас хорошее, всем обеспечены. Очень и очень ощутительна на фронте громадная забота тыла… Техника наша лучше вражеской. В этом я сам не раз убеждался. Против наших пушек не устояли такие хваленые танки, как T-VI («тигр»), с помощью которых они мечтали сокрушить нашу оборону. Русские люди дерутся, как львы…
>
> Прошу обо мне не беспокоиться. Теперь ваш сын уже не мальчик. Меня обожгло огнем войны и закалило. Я уверен в своих пушках и в бойцах. И время сейчас работает на нас. Довольно врагу поганить землю российскую… Настал час расплаты. Украина скоро будет наша! И Харьков будет нашим!
>
> Папа, за время зимнего наступления мне пришлось много испытать и многое своими глазами увидеть. Никогда не забуду бои за Чижовку (окрестности Воронежа). Они были особенно упорными и тяжелыми. Но вы знаете уже, что мы победили… Сейчас бои идут еще сильнее, они решают судьбу войны.
>
> Пишите чаще и больше. Каждое письмо ваше — в радость. Все время снится родная Мальцевка… У меня пока все. Ждите с победой!»

Больше писем не было. Успел Константин перед последним боем только написать домашний адрес на двух конвертах и —

все. В одном из них переслали фронтовые товарищи фотографию Терентия Семеновича, подаренную сыну. В другом конверте была похоронка. Так послал о себе Константин последнюю весточку.

Увеличенный портрет сына — на стене в светлой уютной горнице, заботливо убранной дочерью Анной Терентьевной. Прошу рассказать о детстве, об отце.

— Савва расскажет, он у нас старший, — говорит младшая Лидия Терентьевна. И Савва Терентьевич рассказывает тихо, чтобы не услышал ненароком отец: рассердится, скажет, ишь, чего надумали.

— В последнее время мы, дети его, все чаще думаем об отце. Вместе с нежностью к нему, с беспокойством о его здоровье сильнее, чем раньше, томит чувство вины и неоплатного долга. Все мы для него как пять пальцев на руке, какой ни рань — одинаково больно.

Земля — любовь наша семейная. Отец хотел, чтобы мы, его дети, стали продолжателями крестьянского дела и никогда не расставались с землей. Мы стараемся выполнить его желание и надежду. Я живу с ним рядом, в родном селе, и тоже выращиваю хлеб. Долго пришлось биться над созданием новых сортов пшеницы интенсивного типа — опорой в этом был отец, его вера в победу.

Помню себя маленьким и сильные руки возвратившегося с поля отца, высоко поднявшие меня. Помню, как с полатей старался получше разглядеть его лицо и услышать уверенную речь перед набившимися в избу мужиками, организаторами колхоза.

Со временем к мальчишеской гордости добавилось глубокое уважение к отцу. За всю свою жизнь он не выпил рюмки вина, не курил, не ругался. Мы постоянно видели и видим, как он помногу трудится, как тянется к книгам, знаниям, несмотря на обременительные заботы полевода, депутатские и семейные обязанности, а семья-то наша состояла из десяти человек.

Вот уже и мою голову прихватило инеем, и остались далеко за спиной фронтовые дороги, а для него все также я сынок, и хочется мне к нему прижаться, как маленькому.

На днях отец признался: «Вот что, Саввушка, знать бы, что жива сейчас где-то мать наша Татьяна Ипполитовна, я бы пешком через весь земной шар прошел, а отыскал ее».

И я понял, как он любил и продолжает любить и как тяжело и печально ему без нашей мамы, которая умерла почти шестнадцать лет назад. Для него она все живет.

Стремительно вошел отец, и мы все разом замолчали. Он не заметил замешательства, протянул Лидии книгу «Вопросы

земледелия», только что вышедшую.

— Вот просила в голубой обложке — нашлась.

Лида засмеялась: «Спасибо, папа».

«Дорогой и милой моей дочери Лидии Терентьевне Мальцевой на добрую долгую память, — было написано на титульном листе. — Читай, Лидонька, и думай, ведь все, что написано в этой небольшой книжице, было когда-то не только написано, но и пережито — иногда с радостью, а иногда и с горечью.

Крепко любящий тебя твой престарелый родитель

Т. Мальцев.

25.X.85 г.»

ЗА ТРЕЗВОСТЬ ВСЕМ МИРОМ

Где бы ни выступал Терентий Семенович, о чем бы ни говорил, он обязательно скажет о нехватке трезвости, о нравственном примере в воспитании, о необходимости с пользой занимать свободное время, о повышении культуры. Заботы его всю жизнь связаны с полем, и он знает, как вредны сорняки в посевах, как теснят они культурные растения, забирая из почвы влагу и питательные вещества. Еще опаснее сорняки в обществе людей, и бороться с ними сложнее. Но бороться надо! И Мальцев вступает в бой за трезвость. Об общественном вреде «горького» он говорил еще с трибуны XXI съезда партии, и от того, о чем сказал, чем поделился, не отступал потом никогда. Не отступал даже, будучи не всегда и не всеми понятый и поддержанный на деле. Но принципиальность коммуниста в том и состоит, чтобы исполнять партийный долг в любых условиях, в том числе и не всегда благоприятных, требующих глубокой внутренней убежденности, силы характера, определенной смелости посягнуть на устоявшееся мнение и привычки.

Будем откровенными: мы долгое время не хотели признаваться самим себе, что не все ладно у нас в организации нашей жизни. Правильные слова о высоких требованиях и ленинском стиле нередко оставались словами и потому оборачивались благодушием, беспринципностью, примиренчеством с недостатками, нарушениями партийной, государственной, трудовой дисциплины. Вспоминается, как на одном из совещаний вполне ответственный руководитель, не любивший выносить «сор из избы», попросил поговорить с Терентием Семеновичем, чтобы тот выступал о чем-нибудь другом. Дескать, всем надоело слушать об одном и том же — о пьянстве, о птичках, преклонении молодежи перед западной модой, о вреде курения.

Этот товарищ, зная Мальцева, не понял в нем главного. Мальцев потому и Мальцев, каким его все уважают и любят, что он никогда не был «временщиком» — касалось ли это его научных трудов, опытнической работы, вопросов земледелия или личных взаимоотношений. Стараясь не обидеть Терентия Семеновича, как можно мягче я все-таки передала суть «пожелания». Он долго молчал, а когда заговорил, в привычно певучем голосе звучала непреклонная твердость.

— Говорил и говорить буду. Пора же, наконец, понять, что нельзя нам мириться с недостатками, никак нельзя.

Тогда он первым попросил слово для выступления. Слушали

его, как всегда, внимательно, и душевная боль и тревога Терентия Семеновича передавались всем сидящим в большом зале.

— Хватит бездействовать, посмотрите, до чего дожили. Зашел я недавно в городской вытрезвитель, не успел слова вымолвить, а дежурные милиционеры ко мне с просьбами: «Терентий Семенович, помогите нам вытрезвитель расширить — тесно становится, а стройку в план не включают». — «Да разве такие нам стройки нужны? — спрашиваю. — Жилые дома, дворцы культуры, библиотеки, спортивные залы нужны нам и молодежи, в первую очередь».

Вздохнул и продолжал:

— Мне недавно рассказали такой случай. Две девочки в детском саду играют в «дом». Одна другой объясняет: «Я буду мама, а ты папа. Ты приходишь с работы пьяный и сразу валишься на диван». — «Да нет же, — поясняет «папа», — ты же меня ждешь, пол вымыла, ужин готовишь, а я в грязных ботинках. Ты увидела и заплакала, ботинки стаскивать стала с меня». Вот я и спрашиваю вас, товарищи взрослые, товарищи руководители, коммунисты: почему мы допускаем, что плачут дети?

Вопрос, адресованный всем и себе, в первую очередь. Он пишет письмо председателю Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, члену Политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцеву.

«Уважаемый Михаил Сергеевич.

Мы знаем, что Центральный Комитет партии и Вы лично ведете очень большую и очень важную работу по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Собран, видимо, уже довольно большой и убедительный материал. Но мне все же хотелось бы высказать еще несколько пожеланий.

Не секрет, что к рюмке прикладываются не только многие коммунисты, но и некоторые руководящие работники, люди, занимающие ответственные посты. Их часто не видно, как они пьют, тем более, что они не хулиганят, под забором, как говорится, не валяются, но пьют и не могут не пить, потому что алкоголь постепенно затягивает человека, какую бы должность он ни занимал. Не все пьяницы плохие люди, но алкоголь не щадит и хорошего человека, он и способного, уважаемого работника сводит с ума. А раз сам руководитель большой или маленький пьет, то как ему вести борьбу с этим злом среди своих подчиненных?

Поэтому, мне кажется, следовало бы предпринять следующее. Чтобы повести настоящую наступательную

борьбу с пьянством и алкоголизмом, надо, в первую очередь, отрезвить всех руководящих работников, какие бы посты они ни занимали.

Каждый руководитель должен глубоко проникнуться сознанием того, что не только на банкетах (о банкетах говорить нечего, пример они подают очень плохой), но и в домашней обстановке нельзя, не время теперь заниматься выпивками. Он должен понимать, что, поступая иначе, он разлагающе действует на окружающих, подает дурной пример подчиненным, молодежи, детям.

Из создавшейся обстановки вытекает необходимость принятия решительных мер по искоренению пьянства. Уверен, что успех будет обеспечен, если мы начнем с самих себя, если члены партии, комсомольцы активно возьмутся за собственное отрезвление, за отрезвление беспартийных трудящихся и несоюзной молодежи, поставят непроходимый заслон алкогольному зелью на подступах к предприятиям, колхозам, учреждениям, перед домами культуры, клубами, спортивными и туристскими базами, перед институтами, техникумами, школами.

Академик Т. Мальцев

19 ноября 1984 года».

Мысли и предложения Терентия Семеновича, как и многих советских людей, нашли отражение в документах и мерах партии и государства по искоренению пьянства и алкоголизма, встреченных народом с огромным одобрением.

Успокоился теперь Мальцев? Конечно же, нет. Он действует еще активнее, чем раньше, стал инициатором создания в своем селе и в Шадринске городского клуба трезвости. Его избрали в совет Всесоюзного общества борьбы за трезвость.

Не кому другому, а именно ему обязаны сейчас горожане тем, что в магазинах появилась вкусная минеральная вода из местных целебных источников, названная «Шадринской». История ее такова.

Несколько лет назад руководители города обратились к депутату Верховного Совета РСФСР Т. С. Мальцеву с просьбой помочь в развитии местного пищекомбината.

— Только ли сладкое там будет производиться? — поинтересовался он.

— Карамель, пряники, фруктовая вода… — заверили его.

Не раз обращался Терентий Семенович в Министерство пищевой промышленности, был у министра. Средства нашли и выделили, а когда новый комбинат пустили, узнал Терентий Семенович, что первая его продукция — крепленое вино. Он поверить не мог: «Как же так, обманули?!» В небольшом городе, где и так успешно действуют спиртовый, ликеро-водочный, пивной заводы, цех по разливу вина на межрайонной базе, добавилась новая технологическая линия — 6 тысяч бутылок в час.

Мальцев бросился на пищекомбинат, в горком партии, горисполком. Его пытались уговорить: «план, бюджет…». Он вызвал телеграммой представителя из министерства, и еще раз вызвал, и до тех пор не успокоился, пока не пошли по конвейеру другие бутылки — с минеральной «Шадринской».

А недавно побывал у ректора педагогического института, где и раньше не раз встречался и беседовал с преподавателями, студентами.

— Какой факультет считается самым труднодоступным? — поинтересовался он. — А легким? Так давайте подумаем, как нам сделать, чтобы «легкий» дошкольный стал самым трудным и престижным. Методисты и воспитатели детских садов могут благотворно влиять на семьи, которые, не секрет, нередко тоже надо наставлять на путь истинный. Они имеют дело с малышом, с «белым листиком». Сразу «набело» и воспитывать надо. Чтобы потом с перевоспитанием не маяться.

Когда я уезжала, он тоже собирался в Москву: «Встретиться надо с Федором Григорьевичем Угловым, что там, в нашем Всесоюзном обществе трезвости, какая работа ведется, чем я могу помочь?»

И поделился:

— И не знаю, какое огромное сердечное спасибо сказать Михаилу Сергеевичу Горбачеву, Политбюро, Центральному Комитету партии за наступательную, решительную борьбу против пьянства. Нужно обладать немалым мужеством, чтобы признать открыто грехи наши и пойти на крутые меры. От алкоголя страдают люди, семьи, а значит, страдает и наша Родина. Придем же, и как можно скорее, на помощь и себе, и Родине.

ВСЕ ОТДАЕТСЯ ЛЮДЯМ

Перед юбилеем Терентий Семенович волновался. Но переживания его были не из-за того, что исполнялось ему 90 лет, — возраст, понятно, немалый.

— Это ж сколько людям заботы из-за меня добавилось! Подготовительная комиссия работает в облисполкоме. Юбиляр, говорят, виновник торжества — что тут поделаешь?

Он смущенно разводит руками:

— И будут все хвалить меня, возносить… А еще древние философы говорили, что не бывает так, чтобы человек во всем был только хорошим, никого нет без недостатков.

С этими словами Терентий Семенович подходит к зеркалу, приглаживает волосы, поправляет рубаху, притворно вздыхает.

— Да, зеркала нынче неважнецкие, раньше-то значительно лучше были — сколько ни смотришься — все молодой. А сейчас взглянешь — старик да и только. Другое бы зеркало! — И он засмеялся. — Да еще бы годики назад пошли, не вперед…

Терентий Семенович замолк, не договаривая, углубился в собственные мысли.

— А что, если бы назад отстукивало время? — осмеливаюсь побеспокоить Терентия Семеновича в думах его. Он живо откликается:

— Вот-вот, меня уж спрашивали журналисты, как бы я прожил, начни жизнь сначала? Любите такие-то вопросы задавать?! Да так бы и прожил, только по-другому — повторять неинтересно, особенно ошибки. Уж если бы и совершилось чудо начать сызнова жить, я согласен при одном условии — чтобы был со мной весь нажитый мой опыт и приобретенные знания, мои дети, и друзья, и колхозники, которые живы и которых уж нет, и поля наши… Видите, как много мне надо?! На этот счет очень хорошо, по-моему, сказал Гете. Не читали? Послушайте.

Он открыл книгу в темно-синем переплете и стал читать сплошь подчеркнутую его рукой страницу.

> — «Что такое я сам? Что я сделал? Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, наблюдал. Мои произведения вскормлены тысячами различных индивидов, невеждами и мудрецами, умными и глупцами; детство, зрелый возраст, старость — все принесли мне свои мысли, свои способности, свои надежды»…

Прочитал, захлопнул книгу и замолчал, положив перед собой руки. Может быть, думал о собственной жизни, в нем самом прошедшей и сделавшей его таким, каков он есть при постоянном непосредственном его участии и старании. А может, был он сейчас со своими думами в поле…

Поле дремало, припорошенное снегом, но в нем протекала своя жизнь. Эта жизнь и не дает покоя Терентию Семеновичу ни днем ни ночью. Он чувствует, как за общими цифрами колхозных прибылей, за вниманием к развитию животноводства уходит былая «хлебная» слава родного колхоза, ослабла агротехника. Поля, чистота которых всегда вызывала особую гордость, запустили, расплодили на них овсюг. По нынешнему году куда больше мог быть урожай. Обидно, что соседние хозяйства имеют урожайность выше. Не молчит, говорит Терентий Семенович с колхозными агрономами, с руководством: никто за нас с вами в нашем доме порядок не наведет, давайте серьезно браться.

Такие вот, не похожие на юбилейные, хлопоты у колхозного полевода.

А поздравительные телеграммы и письма идут в село Мальцево со всей страны, съезжаются гости, и радуется он всему этому, как радуется человек, удостоенный самых высоких почестей. До глубины души тронула его личная телеграмма от Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева с благодарностью за труды на земле и пожеланием доброго здоровья и успехов в развитии сельскохозяйственной науки и практики.

Шестым орденом Ленина отмечена активная научно-производственная и общественно-политическая деятельность Мальцева в связи с 90-летием со дня рождения.

Пожалуй, еще никогда так много не получал писем Терентий Семенович, как в эти дни. Занят был сильно: встречи, беседы, выступления, читка и правка газетных гранок, как всегда, каждый день на прием являются люди с просьбами и часто нелегкими судьбами, с разными ходатайствами от организаций. Все сделать, во всем разобраться, все успеть, и едва выберется свободная минута — он читает почту. Смеется:

— Сегодня не прочитаю, завтра не справиться. — Письма с вопросами и просьбами откладывает в отдельную стопку — на них надо ответить в первую очередь.

— А на эти уж вы, пожалуйста, помогите ответить, через газету скажите от меня сердечное спасибо.

Сколько писем — столько новых друзей.

Уважаемый Терентий Семенович!

Ваша беседа «О хлебе, о земле, о человеке» произвела на меня сильное впечатление. Она проникнута горячей любовью к нашей дорогой Отчизне, к советским людям, к нашей молодежи. Все мы, люди разных профессий и возрастов, в неоплатном долгу у Вас — хлеборобов, чей нелегкий благородный труд дает нам хлеб — основу жизни.

Т. Пастухова,

инженер из г. Вязники Владимирской области

Низкий поклон Вам от нашего поколения! Спасибо Вам за жизнь Вашу, за любовь к родной земле.

Работники Першинского сельского дома культуры Тюменской области

Терентий Семенович! С глубоким уважением к Вам я и моя дочь Рита!

В понедельник мы с Вами ездили к профессору Илизарову. Большое Вам спасибо за оказанную Вами помощь. Передайте привет Анне Терентьевне, спасибо ей за гостеприимный прием.

Домнины,

г. Шадринск

Если признаться честно, до знакомства с книгой «Вопросы земледелия» о науке Т. С. Мальцева имел очень смутное представление, хотя в институте и получил диплом с отличием. Забота о повышении плодородия полей нашего совхоза должна стать главной в работе специалистов и механизаторов. Лично мне дано партийное поручение заняться опытнической работой с целью поиска путей высоких и устойчивых урожаев при любых погодных условиях.

Король Александр,

агроном-семеновод совхоза «Ленинградский» Кустанайской области

Терентий Семенович!

Извините, что решил Вас побеспокоить. В данное

время я растерялся и не знаю, что мне дальше делать. Все свои 52 года прожил не так, как надо, не так, как люди, которые трудились всю жизнь. После лечения в ЛТП у меня нет ни семьи, ни квартиры. Прошу Вас посоветовать, как мне дальше быть.

Агатов Г. А.,

г. Курган

С днем рождения, дорогой Терентий Семенович!

Мы, конечно, ничем не примечательные, а Вами восхищаемся и гордимся. Как Вы себя чувствуете? Читаете ли свои многочисленные книги?

Семья Касаткиных,

г. Ленинград

С возрастом осознаешь, как необходимо последующим поколениям учитывать опыт старших.

И. Хребтов,

Московская область

Уважаемый Терентий Семенович!

Письмо матери военнослужащего Е. Н. Герасимовой, адресованное Вам, рассмотрено. Вопрос ее будет решен положительно.

Заместитель командира по политической части

Терентий Семенович! Если сможете, пришлите, пожалуйста, нам Вашу фотографию. В школьном музее готовимся открыть новую экспозицию к XXVII съезду партии. Низко кланяемся Вам за хлеб. Спасибо. До свидания.

С уважением, внуки ваши (26 человек)

Целиноградская область,

Урюпинская средняя школа, 6 «б» класс

…Давно назрела мысль побеседовать с Вами письменно об охране природы и других вопросах.

А. Алферова, пенсионерка,

Калужская область

Уважаемый Терентий Семенович, с интересом прочитала Ваше письмо о трезвости. Правильно и прямо Вы пишете. Оправдания быть не может, чтобы употреблять спиртное «разумно».

А. Ендрюкайтис, гл. экономист колхоза,

Литва

Так и хочется замереть, и вглядываться, и впитывать красу полей, березовых рощиц, небес необъятных. Думается, что недаром в таких краях живут удивительно красивые, талантливые, душевные люди.

Какое же счастье прикоснуться ко всему этому. А хоть чуть прикоснувшись, любой засветлеет лицом и замягчеет сердцем. Благодаря встречам с Вами, я понемножку встаю на ноги.

Слава Брилевский, художник,

г. Москва

Я работаю трактористом, заочно поступил в сельхозинститут. Хочу стать агрономом подобно Вам. Стараюсь изучать новейшие способы хозяйствования, чтобы использовать землю как можно плодотворнее.

Н. Никитин, тракторист,

Новгородская область

А это письмо и вовсе неожиданное. Пришло вместе с небольшой книжкой. Заголовок на тонкой корочке «Челябинская область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке». 1939 год. (Курганская область до 1943 года входила в состав Челябинской.) И надпись на книге:

«Уважаемому земляку Терентию Семеновичу Мальцеву от бывшего животновода коммуны «Скнемвар», ныне члена Союза журналистов СССР Мурзина Михаила Александровича, автора этой книги».

Эту книжечку Терентию Семеновичу раньше видеть не довелось, и рад он был безмерно дорогому подарку.

Но еще больше рад гостям. Многих не встречал прежде, другие давно знакомы. Едут люди, чтобы увидеть, поблагодарить, пожать руку. Не в командировку, не по служебной надобности, не за государственный счет. Так приехал из Минска кинооператор, ныне пенсионер, Соколов, одним из первых сделавший фильм о колхозном опытнике; художница из Симферополя, написавшая портрет его сначала по фотографии в журнале, по собственному воображению, а теперь впервые увидевшая лично и снова взявшая кисть в руки здесь, в его доме.

Многие гости приезжали пораньше, загодя, чтобы без суеты обговорить с Терентием Семеновичем беспокоившие их проблемы, посоветоваться.

С особым нетерпением ждал Терентий Семенович директора Всесоюзного института зернового хозяйства с Казахстанской целины М. К. Сулейменова. Известен и авторитетен в ученом мире молодой профессор, новый директор известного института. Как-то сложатся их отношения, совпадут ли цели и пути научно-исследовательского института и колхозной опытной станции? Недавно ушел из жизни Александр Иванович Бараев, и вместе с печалью остался на сердце у Терентия Семеновича тяжелый осадок, что они так и не встретились в последнюю недавнюю поездку в Целиноград, не протянули друг другу руки, а ведь оба делали нужное для страны дело.

Взволновало и обрадовало Мальцева письмо Сулейменова. Много раз он его перечитал.

> «Дорогой Терентий Семенович!
>
> Я хорошо понимаю ответственность своего положения, заменив на посту такого крупного ученого и руководителя, как Александр Иванович Бараев. Но я не собираюсь почивать на лаврах, заработанных институтом под его руководством. Нельзя стоять на месте и повторять то, что уже было много раз сказано. Надо критически оценить все работы института и других научных учреждений по почвозащитной системе земледелия. К сожалению, мы не избежали догматического трактования многих вопросов. Считаю своей обязанностью дать возможность для более творческого подхода к вопросам земледелия в каждой почвенно-климатической зоне. В основе должен лежать диалектический подход, то есть критическое переосмысление и движение вперед, отказ от

абсолютизации идей, возможность возврата к некоторым старым положениям на новом уровне. Понимаю, что этот путь не из легких, но сознание правильности этого пути будет помогать мне в работе.

С большим уважением

М. Сулейменов»

Узнав о приезде Сулейменова, Мальцев отправился встречать его в город. Хотелось поскорее увидеться и поговорить. Не успели войти в дом, Терентий Семенович сразу с вопросом:

— Мехлис Касымович, давайте думать, как нам жить дальше. При интенсивной технологии выращивания зерна на первом месте должна быть высокая культура земледелия. А сделать ее обязаны мы.

За весь день, который провели вместе, только и выходили из кабинета попить чаю да пообедать. Недавно прошла очередная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук в Москве. Работы много, на ученых возложены большие задачи и большие надежды.

Почтальон принес газеты с опубликованным для всенародного обсуждения проектом Основных направлений развития народного хозяйства на двенадцатую пятилетку и до двухтысячного года. Читали вместе. Какой простор для мысли и творчества, как много работы!

— Думать и действовать! — подытожил разговор хозяин дома. — Думать и действовать!

Как ни старался Терентий Семенович отделаться от мысли о предстоящем юбилее и торжествах, день 10 ноября наступил незаметно вслед за ноябрьскими праздниками. И день этот был замечательный — с легким морозцем, ярким солнцем, высоким лазурным небом. В серебристом инее искрились деревья, и, казалось, дотронешься до них — запоют. В Курган ехали ранним утром всем колхозом в специально заказанных по этому случаю «Икарусах», Терентий Семенович — в легковой машине. И только поднялись на угор, что за Каргапольем, увидели над дорогой и лесом дугу — радугу — огромную, яркую, необыкновенно красивую на фоне белых снежных просторов и удивительную в ноябрьский день.

— Ишь, как вырядилась, — проговорил кто-то с радостью, — с нами едет.

Празднично и торжественно в прекрасном концертном зале областной филармонии в Кургане. Чествовать Терентия Семеновича Мальцева собрались сюда гости и земляки — ответственные работники аппарата Центрального Комитета

партии и министерств, видные ученые, руководители местных партийных и советских органов, посланцы других областей страны, делегации районов, передовые рабочие и колхозники, представители общественности.

Взволнован юбиляр. Вся его прожитая жизнь будто проходит сейчас перед глазами, и люди, самые строгие и взыскательные судьи его, смотрят на эту жизнь. Ему перед ними ни в чем не стыдно. Он честно жил и честно трудился, растил хлеб для людей.

В первом ряду зала сидят его дочери и сыновья, их дети и дети детей. Он любит их всех, но никогда он не принадлежал им полностью, и чистая и верная к ним любовь не заслоняла другой любви — долга перед землей. И они никогда не укоряли и не укоряют сейчас отца в этом — так жила и так научила их мать Татьяна Ипполитовна. Давно нет ее рядом с ним, ее чистой совести. Если он в чем-то, где-то, перед кем-то и виноват в жизни, то только перед ней, любящей, мудрой, тихой, доброй труженицей. Мать, мать… Нет тебя рядом сейчас, и Костюшки тоже нет — неизбывны горе его и печаль даже в этот торжественный и счастливый день.

А праздник ликует в цветах, музыке, радости. Поднимаются на трибуну ораторы. Слово о Мальцеве говорят президент Всесоюзной сельскохозяйственной академии, министр сельского хозяйства, секретарь ЦК ВЛКСМ, рабочая — депутат Верховного Совета республики, механизатор…

Говорят о выдающемся колхознике, дважды Герое Социалистического Труда, в хлеборобском звании ставшем народным академиком, большим государственным и общественным деятелем. И в лице тех, кто говорит о нем сейчас, кто находится в огромном зале, кто прислал поздравления, вся страна чествует своего достойного сына. А сыновья всегда в долгу перед теми, кто вскормил и вырастил их, перед Родиной и людьми в вечном неоплатном долгу. И не знает, не может Терентий Семенович найти в ответ самых подходящих, высоких и благодарных слов. Разве могут слова выразить то, что в сердце его?

— Дорогие товарищи! — обращается он в зал, и голос его прерывается от волнения. — Большое вам самое сердечное спасибо за ваше доброе отношение ко мне, за ваше пожелание, чтобы здоровье у меня было хорошее и чтобы я жил дольше.

Многое я думал-передумал над тем, что сказал нам на собрании в Целинограде Михаил Сергеевич Горбачев. А сказал он, что браться нам в первую очередь надо за землю. Потому что все от хлеба, все от земли, все от нас с вами начинается. Не только

понимать надо, что интенсивная технология выращивания зерна — это высокая культура агротехники, но с упорством выполнять. Наше Зауралье — край хлебный, а хлеба мы много недодаем из-за сорняков. Давайте договоримся сегодня: наша задача очистить землю от сорняков и общество наше тоже очистить от сорняков.

Как добиться урожая — мы знаем. Надо только действовать, без действия-то ничего не будет.

За мир бороться — главное наше дело. Все силы употребим на это, поможем нашему Центральному Комитету отстоять мир. Если мы мир отстоим, землю и общество от сорняков очистим, добьемся большого благополучия.

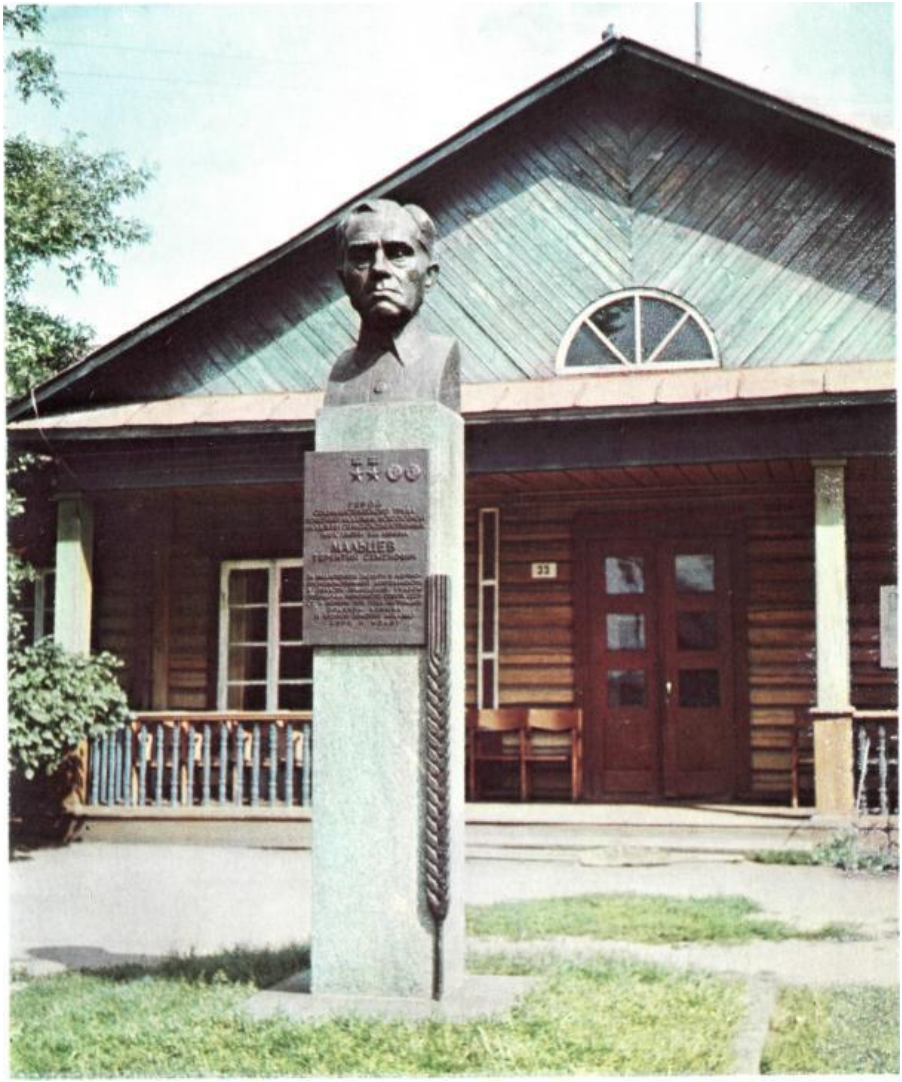
Терентий Семенович закончил свое коротенькое выступление, наверное, самое трудное из всех, которые выпали ему за долгую жизнь. И поклонился людям. Зал встал ему навстречу и долго-долго аплодировал. И снова дарили ему яркие осенние цветы. И поднимались на сцену девушки с хлебными караваями на вышитых полотенцах, и лились в честь юбиляра народные русские, украинские, казахские песни.

Казалось в эти минуты, что вся советская земля сошлась сейчас в Зауралье, на высоком берегу Тобола, славя главного хлебопашца страны.

ФОТОГРАФИИ

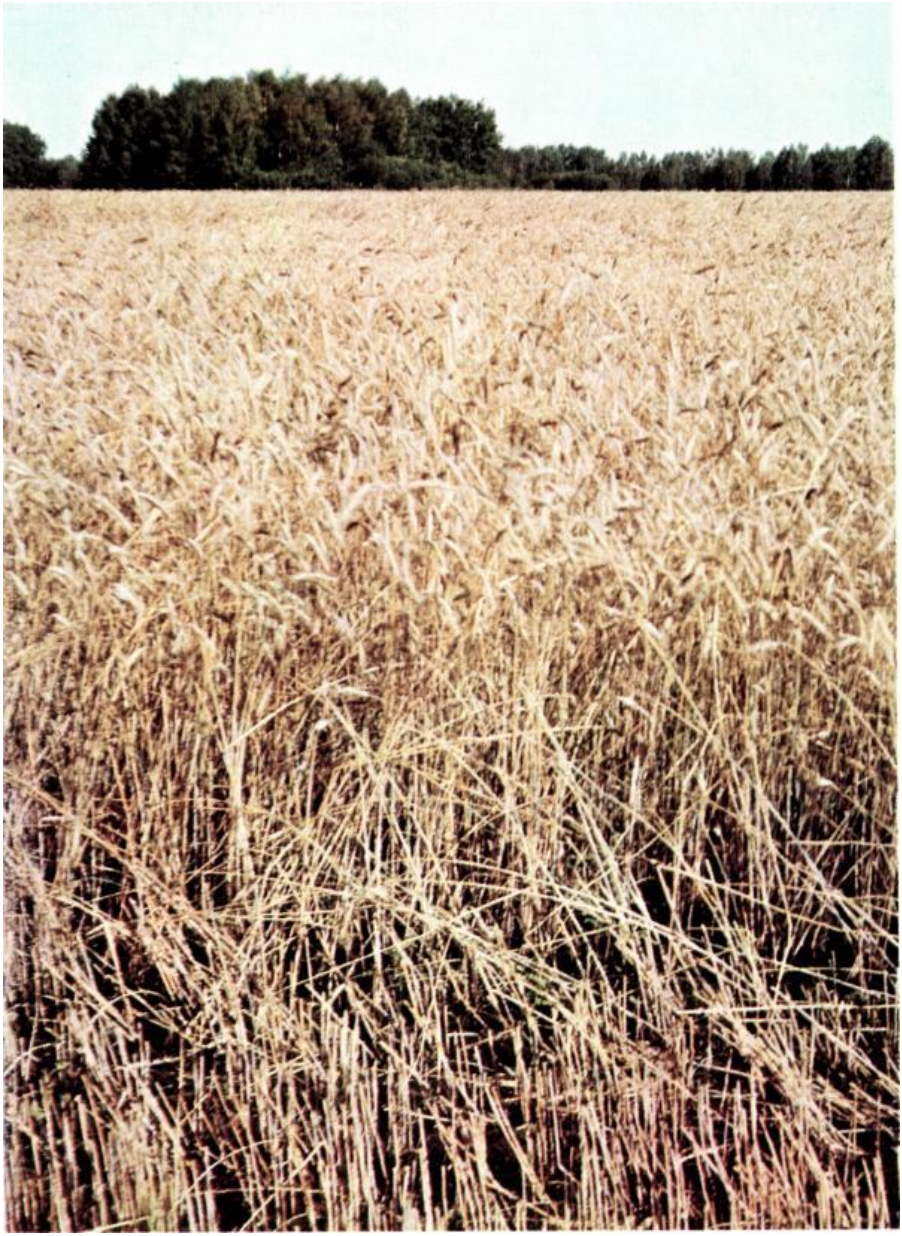
Руки хлебороба…

Терентий Семенович Мальцев.

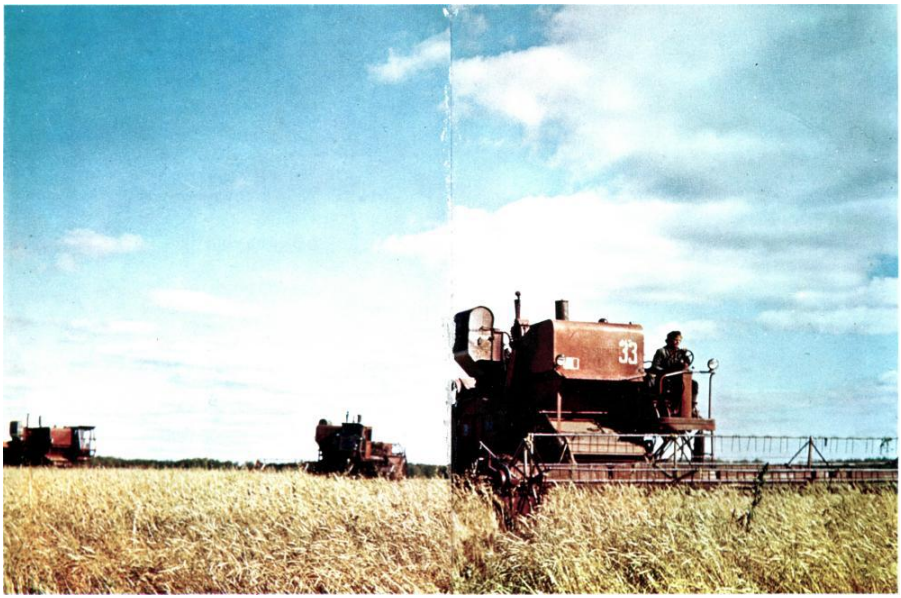


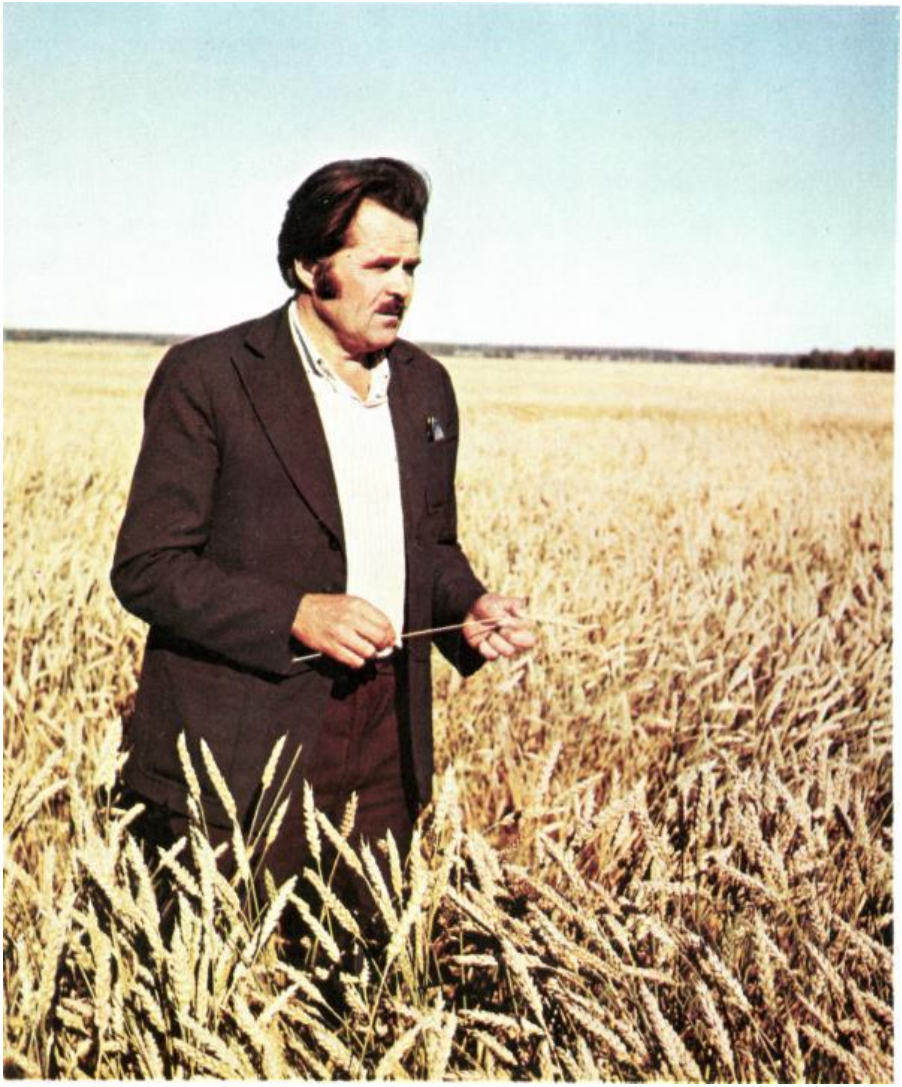
Шадринская сельскохозяйственная опытная станция в селе Мальцево.

Весенний сев в Зауралье.



Мальцевский хлеб.

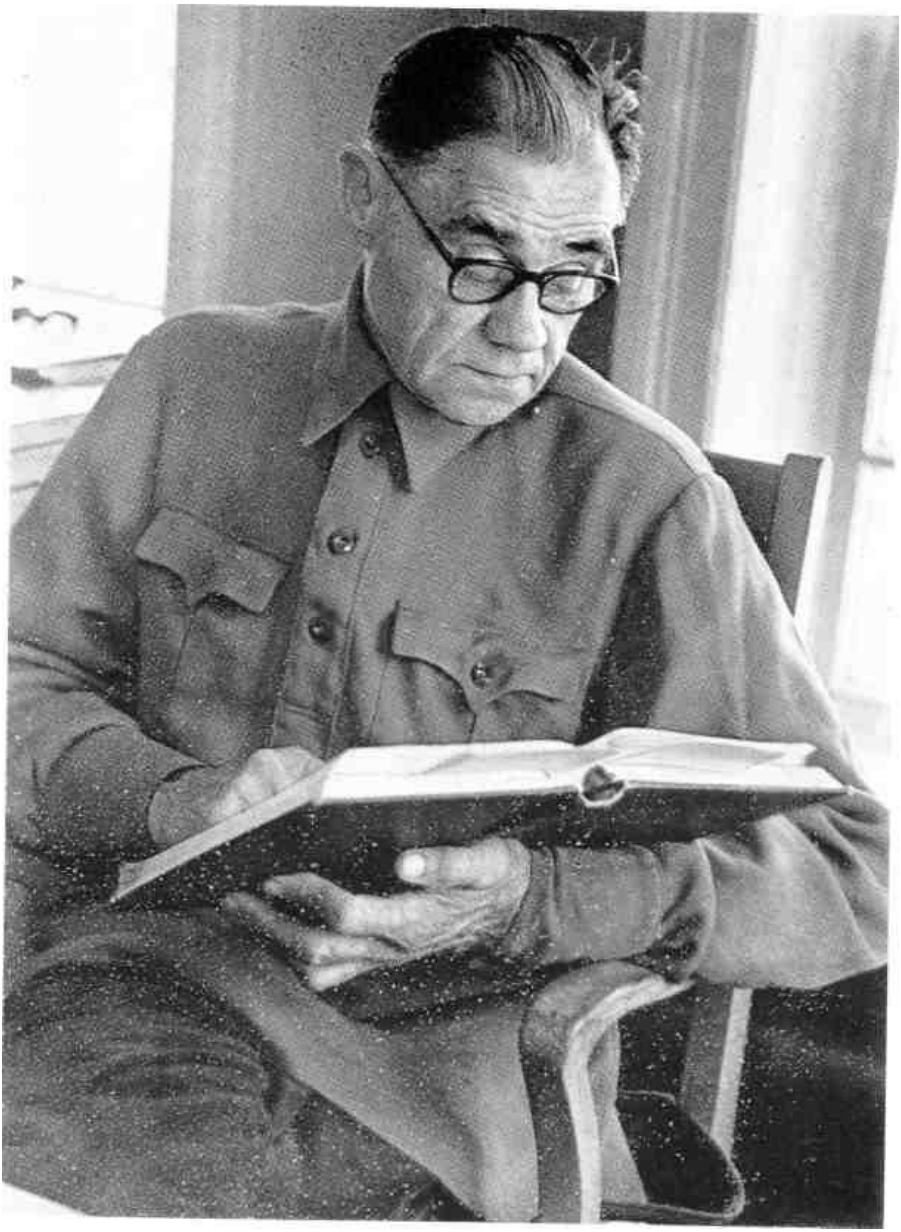

33

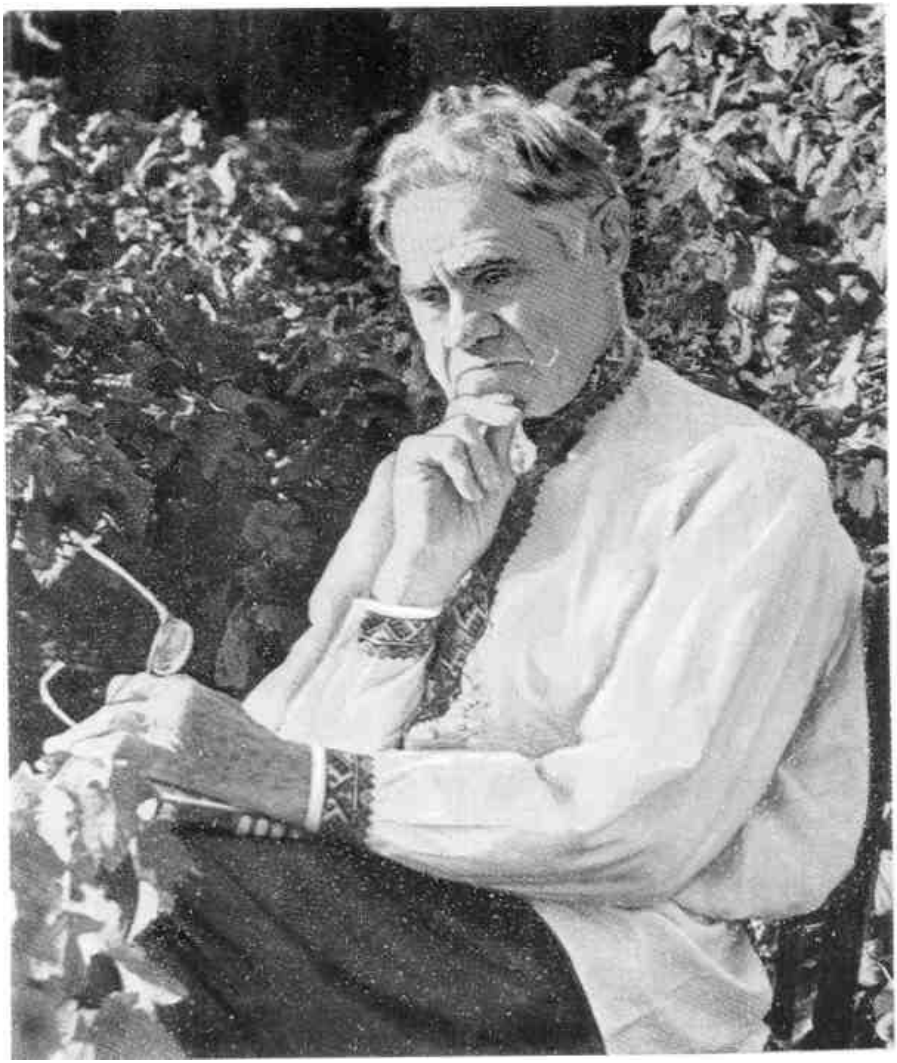


Сын Т. С. Мальцева Савва Терентьевич, продолжатель дела отца, в поле с новым сортом пшеницы «зауральская».

Вся жизнь впереди…

Мальцев с односельчанами и гостями.



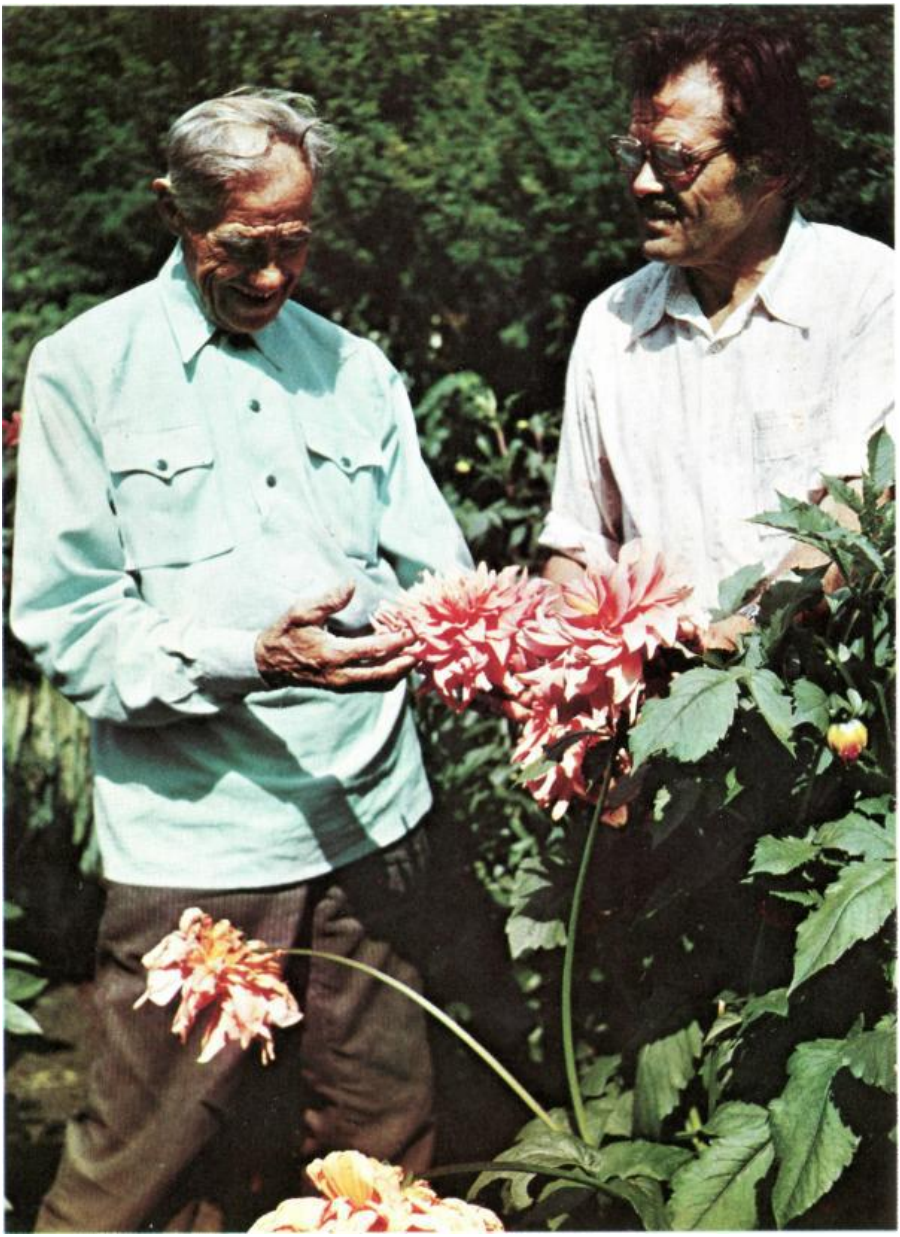


Раздумья над прочитанным…

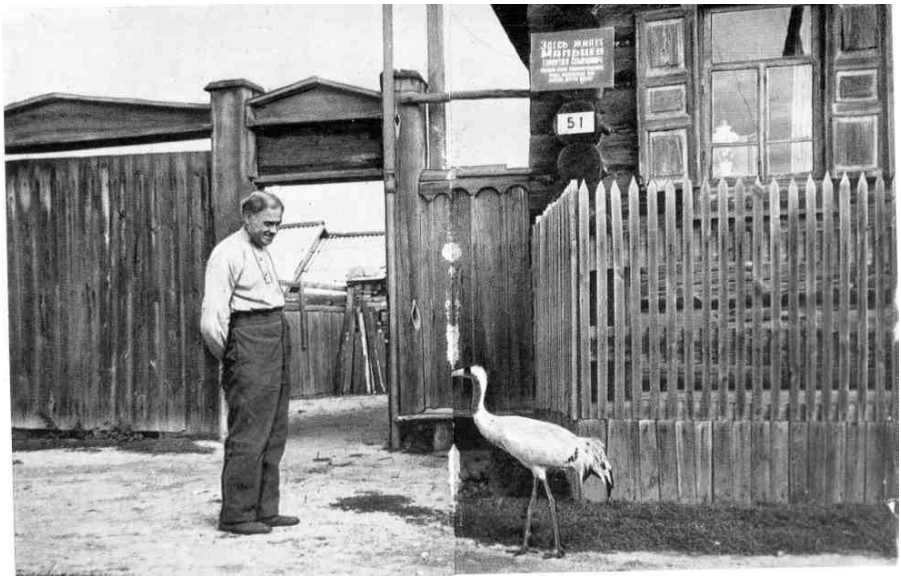
NOWY SYSTEM
UPRAWY
ROLI I SIEWU

Село родное…

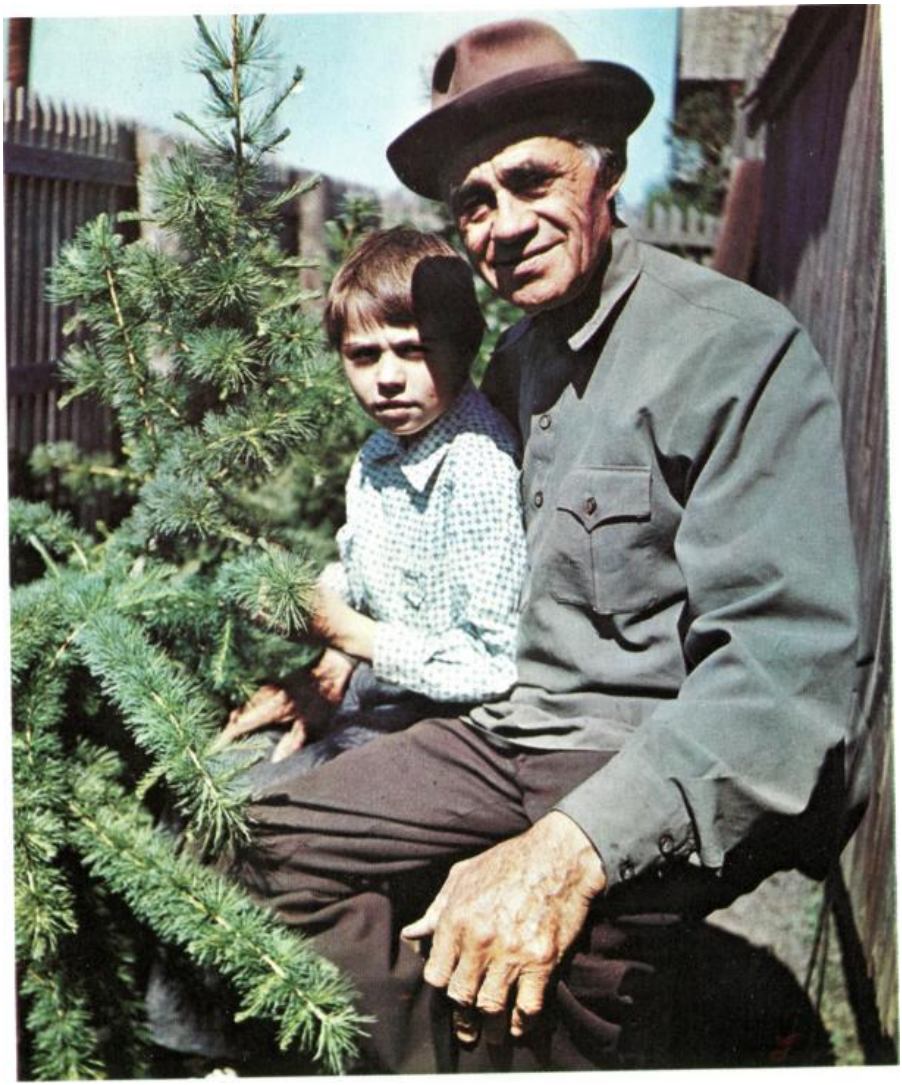
Терентий Семенович Мальцев в поле.



Т. С. Мальцев со своим сыном Саввой и внучкой Таней, студенткой Свердловского юридического института.



На сельской улице.

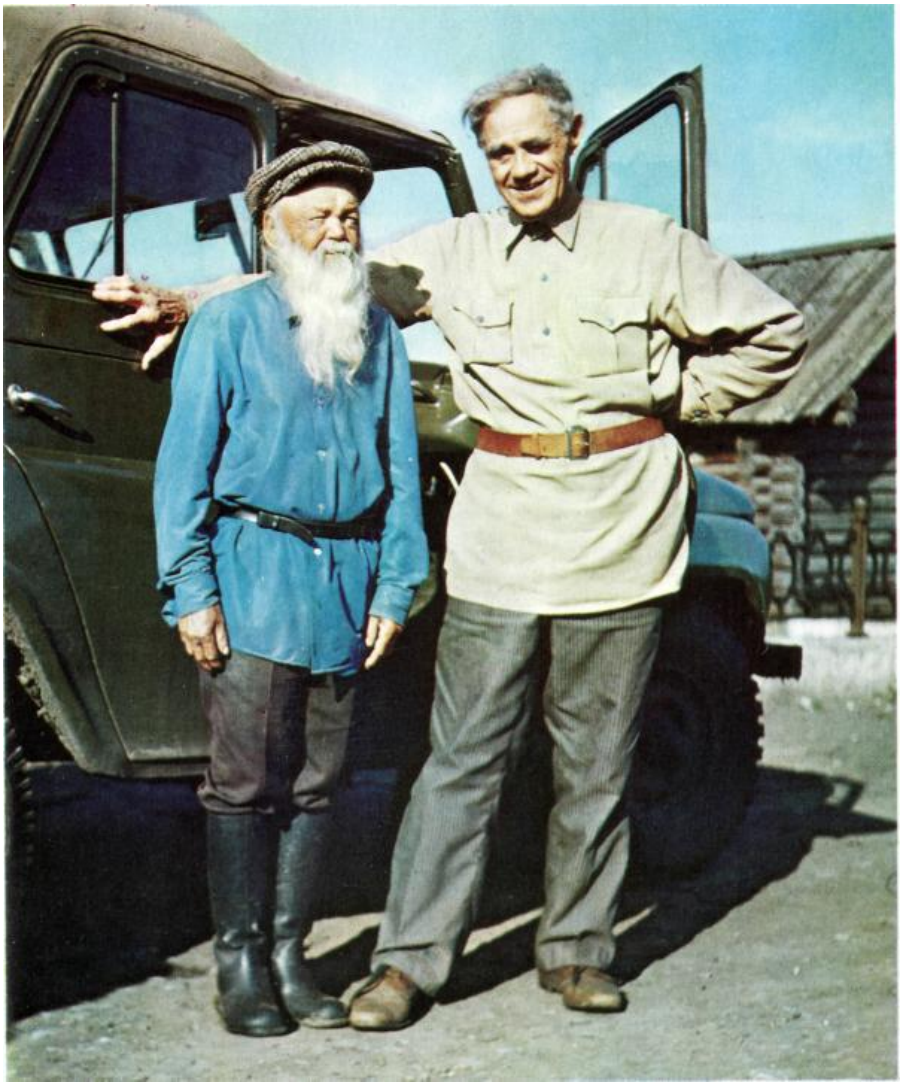


Т. С. Мальцев в кругу семьи — с внуком Андреем его женой Еленой и правнуком Андрюшей, дочерью Валентиной и внуком Ваней.

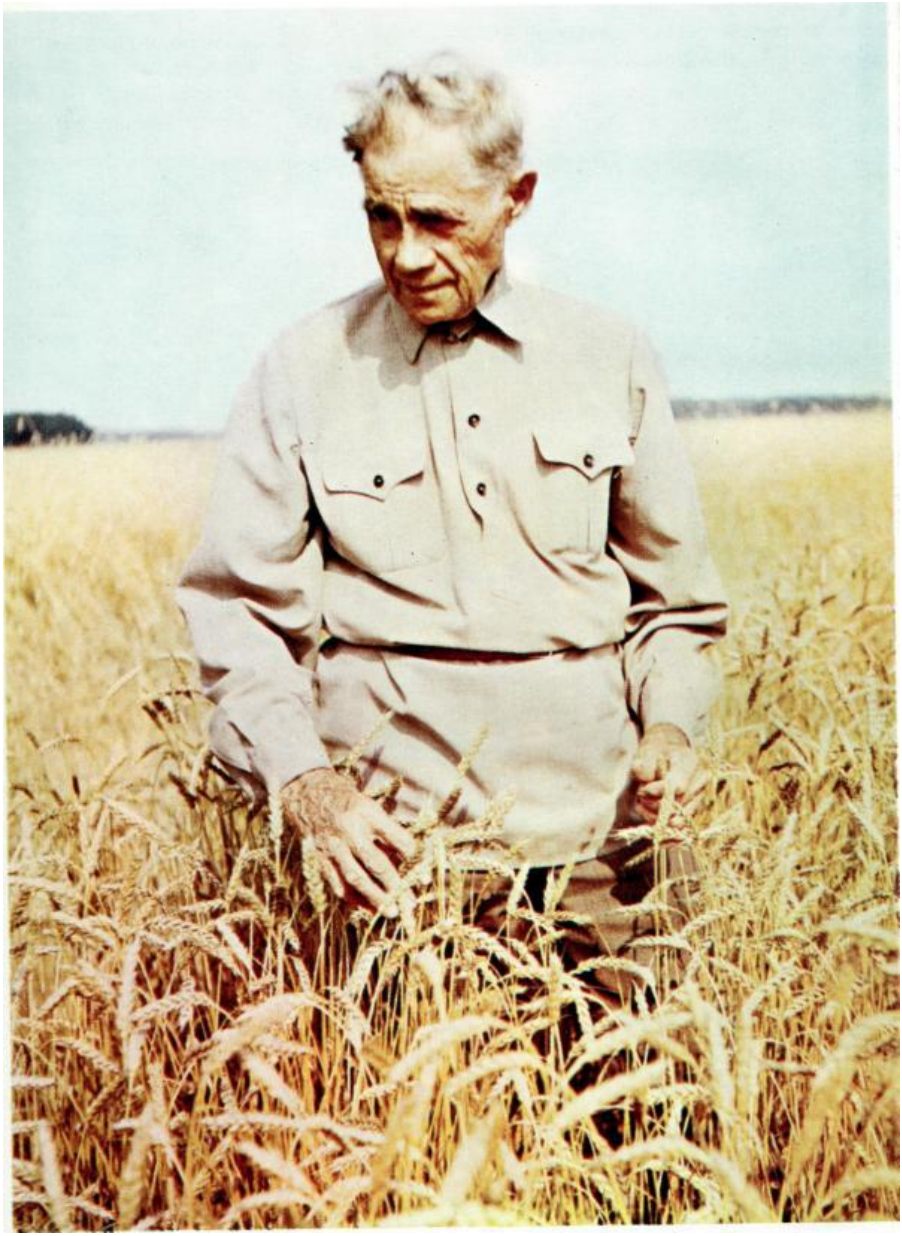
Т. С. Мальцев с писателем-земляком А. К. Юговым 12 июня 1975 года.

Неторопливый разговор.

Русская народная песня звучит для Мальцева в исполнении участников художественной самодеятельности Курганского сельскохозяйственного института.



Т. С. Мальцев с одним из старейших жителей села Мальцево Акиндином Акиндиновичем Вакушиным.



notes

Примечания

1

Рукоятка сабана-плуга.

2

Плуг.

3

Ледяная площадка на току.